

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Научный журнал

№ 3 (20) 2016

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2016

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 3 (20) 2016

Редакционный совет

- Д. Андерсон, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, член-корреспондент РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия)
Т. Гебел, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Россия)
Д. Зайкер, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Россия)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, профессор Дальневосточного федерального университета (Россия)
Р. Лазей, профессор Университета Альберта (Канада)
Т. Номоконова, кандидат исторических наук Университета Альберта (Канада)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Россия)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Россия)
Д. Эрдэнэбаатор, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

- Главный редактор** – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Россия)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Россия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <http://ildt.istu.edu/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – ежеквартально

Учредитель Иркутский национальный исследовательский технический университет

Подписной индекс в Каталоге российской прессы «Почта России» – 31987

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT
TECHNOLOGIES

Scientific Journal

№ 3 (20) 2016

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2016

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal

№ 3 (20) 2016

Editorial council

- D. Anderson, Professor, University of Aberdeen (UK)
B.V. Bazarov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russia)
T. Goebel, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
K. Graf, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russia)
D. Zyker, Professor, Boise State University (USA)
M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russia)
N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor of Far Eastern Federal University (Russia)
R. Losey, Professor, University of Alberta (Canada)
T. Nomokonova, PhD, University of Alberta (Canada)
A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russia)
A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russia)
D. Erdenebaator, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

- Editor-in-Chief** – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)
S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russia)
Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russia)

Reference to website: <http://ildt.istu.irk.ru/>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor)

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication – quarterly

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Subscription index in the Catalog of the Russian Press «Pochta Rossii» – 31987

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

Address of the Publishers: 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 3 (20) 2016

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

- Семина М.Ю., Кустов М.С., Тетенькин А.В., Стерхова И.В., Клементьев А.М.** Новое геоархеологическое местонахождение эпохи палеолита – Трилиссера I 9
- Снопков С.В., Зарицкий О.П.** Эксперимент по получению железа с помощью сыродутного горна 22

ЭТНОЛОГИЯ

- Ушницкий В.В.** Анализ историографических версий о связях тунгусов с историей Центральной Азии 36

ИСТОРИЯ

- Ситников М.Г.** Дмитрий Васильевич Болдырев: философ, ученый, публицист и организатор Дружин Святого Креста 45
- Гагкуев Р.Г.** Дружины Святого Креста и Зеленого Знамени – последний резерв адмирала А.В. Колчака 68
- Далибор Ваха (перевод С. Магида).** Досуг чехословацких легионеров в России и на пути домой в 1919–1920 гг. 88
- Шекшеев А.П.** Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.). Часть 1 119
- Ростов Н.Д.** Техническое состояние автомехтранспорта регионов Забайкальского военного округа накануне Великой Отечественной войны 135

РЕЦЕНЗИЯ

- Пученков А.С.** Интересная публикация избранных работ Василия Шульгина 143

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 3 (20) 2016

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

- Semin M.Yu., Kustov M.S., Teten'kin A.V., Sterkhova I.V., Klement'iev A.M.** New Gearchaeological Upper Paleolithic Site – Trilissera I 9
- Snopkov S.V., Zaritsky O.P.** Experiment with Producing Iron Forge 22

ETHNOLOGY

- Ushnitskij V.V.** Analysis of the Historiographic Versions of the Connections of Tunguses with the History of Central Asia 36

HISTORY

- Sitnikov M.G.** Dmitry Vasil'evich Boldyrev: Philosopher, Scientist, Writer and Organizer of Squads of the Holy Cross 45
- Gagkuev R.G.** Squads of the Holy Cross and the Green Banner – the Last Reserve of Admiral A.V. Kolchak 68
- Dalibor Vacha (translated by S. Magid).** Czechoslovak Legionnaires and their Free Time in Russia and on the Way Home (1919–1920) 88
- Sheksheev A.P.** Moonshine, Alcohol Consumption and Fighting Them in the Yenisei Village (1917–1930). Part 1 119
- Rostov N.D.** Technical State of Automobile Transports of the Regions of Trans-Baikal Military District Eve of the Great Patriotic War 135

REVIEW

- Puchenkov A.S.** Interesting Publication of the Selected Works of Vasili Shul'gin 143

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 3 (20) 2016

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также наших зарубежных коллег. Тематика выпуска охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся далеким прошлым.

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству по научным направлениям:

- история,
- археология,
- этнология.

Редколлегия

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 3 (20) 2016

Dear Readers!

We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

Present number is five such book of the series yearly editions devoted to research history of Baikalian Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues. Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Early Antiquity.

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration in the following fields:

- history,
- archaeology,
- ethnology.

Editorial Board

УДК 903 (571.53)

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-9-21

НОВОЕ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА – ТРИЛИССЕРА I

© М.Ю. Семин, М.С. Кустов, А.В. Тетенькин, И.В. Стерхова,
А.М. Клементьев

Статья посвящена новому геоархеологическому местонахождению Трилиссера I, открытому в 2014 году в пределах г. Иркутска. Немногочисленные каменные артефакты и фаунистические остатки залежали в переотложенном контексте в раннесартанских солифлюцированных суглинках, включающих в себя и фрагменты позднекаргинских отложений. На основе стратиграфических и палеонтологических показателей для комплекса культурных остатков предложен возраст около 23–29 тыс. л. н.

Ключевые слова: геоархеологическое местонахождение, каргинские и раннесартанские отложения, палеолит, фауна.

Формат цитирования: Семин М.Ю., Кустов М.С., Тетенькин А.В., Стерхова И.В., Клементьев А.М. Новое геоархеологическое местонахождение эпохи палеолита – Трилиссера I // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 9–21. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-9-21

NEW GEOARCHAEOLOGICAL UPPER PALEOLITHIC SITE – TRILISSERA I

© M.Yu. Semin, M.S. Kustov, A.V. Teten'kin, I.V. Sterkhova, A.M. Klement'iev

The article is about new geoarchaeological site Trilissera I discovered in 2014 in Irkutsk city. Few stone artifacts and faunal findings were deposited in secondary context in Early Sartan solifluction clay loams including the fragments of Late Karginsky sediments. Based on stratigraphic and paleontological data it was supposed for this cultural remnants the age about 23–29 kyr BP.

Keywords: geoarchaeological site, karginsky and sartan sediments, paleolithic, fauna

Citation format: Semin M.Yu., Kustov M.S., Teten'kin A.V., Sterkhova I.V., Klement'iev A.M. New Geoarchaeological Upper Paleolithic Site – Trilissera I. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. Pp. 9–21. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-9-21

Введение

В 2014 году М.С. Кустовым было произведено обследование земельного участка, отводимого под строительство тепломагистрали, находящегося в пределах г. Иркутска, по улице Трилиссера, от пересечения с ул. Седова до пересечения с ул. Коммунистической. В ходе работ в одном из шурфов, на глубине 1,3–1,6 м от дневной поверхности зафиксирован археологический материал, залегающий в отложениях плейстоценового возраста в виде локальных скоплений артефактов, представленных продуктами первичного расщепления кам-

ня – 1 сколом и 4 отщепами из крупнозернистого светлого кварцита. Данный факт позволил выделить новое геоархеологическое местонахождение (ГАМ) – Трилиссера I (Кустов, 2014)¹. В этом же году

¹ Кустов М.С. Научный отчет о проведении работ по сохранению части ОАН – ДМ «Правобережье реки Ангары, левобережье реки Ушаковки» и части ОАН – стоянки, могильника «Половникова роща» (1-й этап спасательных работ – археологического обследования) в границах земельного участка, отводимого под строительство объекта «Тепломагистраль № 4 РК «Свердловская» – Правый берег», находящегося по адресу: г. Иркутск, ул. Трилиссера (участок от УТ-8 до УТ-9) в октябре

М.С. Кустовым и М.Ю. Семиным на базе шурфа с находками был развернут раскоп общей площадью 100 кв. м (Семин, Кустов, 2014)². Вводу в научный оборот материала нового местонахождения посвящена данная статья.

География, геоморфология и стратиграфия ГАМ Трилиссера I

Городской участок, в котором выявлен археологический материал рассматриваемого местонахождения, характеризуется чрезвычайно высокой плотностью застройки и сильной измененностью среды. Необходимо отметить, что территория г. Иркутска находится в очень динамичной и активной геологической и антропогенной зоне, где под воздействием различных рельефообразующих процессов происходит быстрое и постоянное изменение рельефа.

Местонахождение Трилиссера I расположено в Октябрьском районе г. Иркутска, на ул. Трилиссера, в 40 м к ЮЗ от пересечения ул. Трилиссера с ул. Седова и в 135,6 м к СВ от пересечения ул. Трилиссера с ул. Коммунистическая, на правом берегу реки Ангары, на террасовидной поверхности одного из отрогов Иерусалимской

(Петрушиной) горы (северо-западной экспозиции), на 30–32-метровых относительных отметках в пределах Правобережного тектонического мегаблока (Кустов, 2014; Семин, Кустов, 2014; Воробьева, Бердникова, 2003) (рис. 1). Залегающие на юрских песчаниках кудинской свиты кайнозойские отложения здесь представлены элювиальными, делювиальными, пролювиальными, солифлюкционными эоловыми, коллювиальными и техногенными образованиями.

В условиях сильного антропогенного воздействия на территорию (строительство автодороги, жилые и хозяйственные постройки) часть литологических горизонтов (особенного, голоценового возраста) была частично или полностью уничтожена, поэтому слабо фиксируется в шурфах и раскопе. Мощной пачкой представлен 0 литологический горизонт, связанный с хозяйственной деятельностью русского населения в XX веке (строительный мусор). Выявленная стратиграфия однотипна для ГАМ Трилиссера I, и приводится суммарно, по всем стенкам раскопа (северо-восточной, юго-восточной, юго-западной, северо-западной), включая промежуточные стенки, (рис. 2, табл. 1).

Слой 0, 1, 2 относятся к профилю современных почв, имеют голоценовый возраст: от 10,3 до 0 тыс. л. н. Однако фиксируются данные слои на исследуемом участке фрагментарно, а порой и вовсе срезаны при планировке поверхности. В связи с чем более чётко на данном участке представлены отложения плейстоценового возраста: слои 3, 4, 5.

Слой 3 представлен оглеённым заполнителем криогенных трещин, которые на исследованной территории имеют очень широкое распространение. Можно предположить, что субстрат, заполнивший данные криогенные трещины, был сформирован в средне-позднесартанское время (18–16, 14–11 тыс. л. н.). Кроме того, фиксируется некая «расташенность» слоя по древней поверхности в результате активизации делювиально-склоновых процессов в тот период времени. Таким образом, субстрат слоя 3 полностью преобразован в результате заполнения криогенных трещин и проявления

2014 года. Иркутск, 2014. Архив СООКН. № 2715/н. [Scientific report of preservation of the part of site "Right bank of the Angara River, left bank of the Ushakovka River" and the part of site (camp, necropolis) "Polovnikova Roscha" (1st stage of the rescue excavations) in the frame of area for the building of "water-heat communications No. 4 RK "Sverdlovskaya" – Right Coast, ul. Trilissera, Irkutsk (location from UT-8 to UT-9), October, 2014. Irkutsk, 2014. Archive SOOKN. No. 2715/n]

² Семин М.Ю., Кустов М.С. Научный отчет о проведении работ по сохранению части ОАН – стоянки, могильника «Половникова роща» в границах земельного участка, отводимого под строительство объекта «Тепломагистраль № 4 РК «Свердловская» – Правый берег» (участок от УТ-8 до УТ-9 по ул. Трилиссера от ул. Коммунистической до ул. Седова), в ноябре 2014 года (в границах ОАН «Трилиссера 8»). Иркутск, 2014. Архив СООКН. № 2714/н. [Scientific report on preservation works on the part of site (camp, necropolis) "Polovnikova Roscha" in the frame of area for the building of "water-heat communications No. 4 RK "Sverdlovskaya" – Right Coast, ul. Trilissera, Irkutsk (location from UT-8 to UT-9 along ul. Trilissera from ul. Communistic until ul. Sedova), November, 2014 (in the frame of site "Trilissera, 8"). Irkutsk, 2014. Archive SOOKN. No. 2714/n]

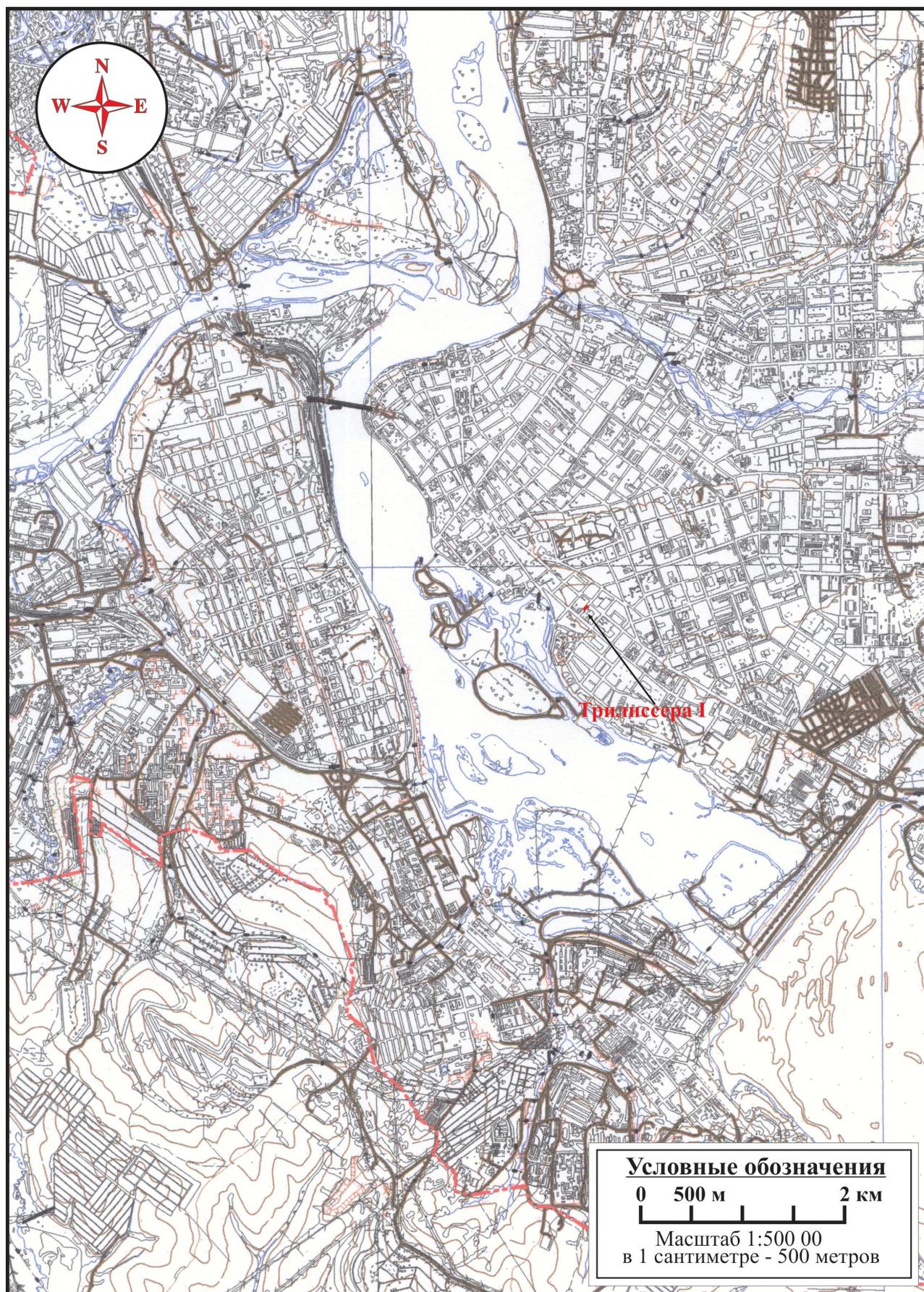

Рис. 1. Карта-схема г. Иркутска с указанием георхеологического местонахождения Трилисера I

Fig. 1. Schematic map of the Irkutsk city with the site Trilissera I

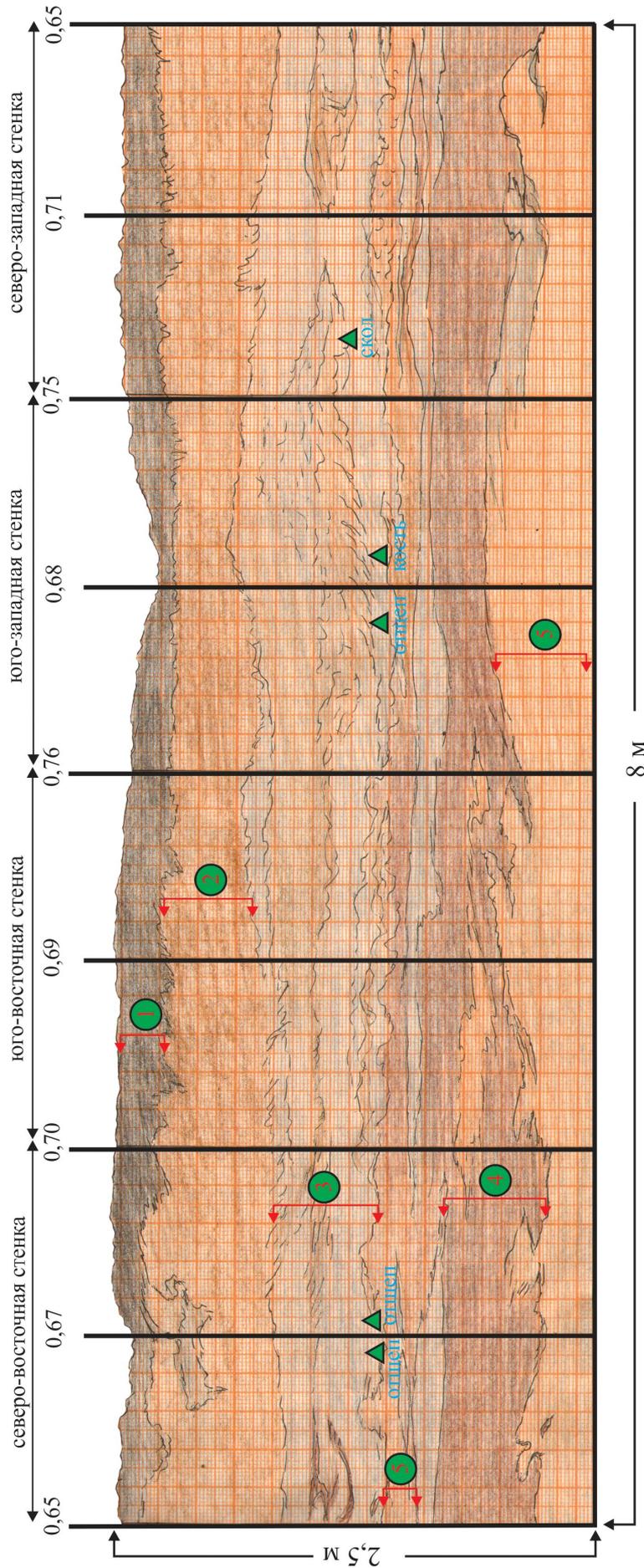

Рис. 2. ГАМ Трилисера I. Стратиграфия (шурф № 2)
Fig. 2. GAS (gearchaeological site) Trilissera I. Stratigraphy (test-pit No. 2)

Стратиграфия ГАМ Трилисера I
Stratigraphy of the site Trilissera I

№ слоя No. of layer	Характеристика отложений Description of sediments	Мощность, м Capacity, m
1	(0) Техногенный наброс, состоящий из строительного мусора, гравия, обломков кирпича, привозного грунта (0) Technogenic sediments: trash, gravels, broken bricks	1,20–1,50
2	(1) Суглинки средние, гумусированные, тёмно-серого цвета – почвенный горизонт А. Слой плотный сухой, прослеживается частично, т. к. верхняя его часть срезана при планировке поверхности. Включения в виде единичных корней растительности, новообразования отсутствуют. Переход в нижележащий слой явный, резкий, местами – клиновидный (1) Loams middle, humified, dark-grey – soil horizon A. Layer is dense, dry, can be traced in part, because his upper part is cut at the surface leveling. Inclusions like a vegetation roots, tumors are absent. Transition to the underlying layer is clear, sharp, sometimes wedge	0,15–0,25
3	(2) Суглинки средние светло-бурые – подгумусовый почвенный горизонт В. Слой сухой, трещиноватый. Включения – в виде единичных корней растительности, новообразования отсутствуют. Переход в нижележащий слой постепенный, граница волнистая (2) Loam medium light brown – subhumus soil horizon B. The layer is dry, fissured. Inclusions like single vegetation roots, tumors – are absent. Transition into the underlying layer is gradual, boundary is wavy	0,30–0,55
4	(3) Суглинки средние, буровато-сизоватого цвета, плотные, сухие – оглеённый заполнитель криогенной трещины. Слой плотный, сухой, слоистый Включения и новообразования отсутствуют. Переход в нижележащий слой явный, граница волнистая (3) Loam medium, brownish-bluish color, dense, dry – gleyed filling cryogenic fracture. A layer is dense, dry, layered inclusions and tumors are absent. Transition into the underlying layer is clear, border is wavy	0,45–1,10
5	(4) Суглинки тяжёлые, солифлюцированные, тёмно-бурого цвета. Слой плотный, влажноватый, имеет слоистое строение. В толще переслаиваются прослойки сизоватых (оглеённые) и ярких рыжеватых (ожелезнение) оттенков. Кроме того, фиксируются тёмно-серые (гумусированные?) тонкие прослойки, вероятно, древних почв. Новообразования – в виде железистых конкреций. Переход в нижележащий слой явный, чёткий по контуру слоя (4) Loam heavy, solifluctioned, dark brown in color. A layer is dense, wet, has a layered structure, consists of interbedded gleyed and bright reddish (iron accumulation) microlayers. There are also some dark gray (humus?) thin layers, probably of ancient soils. Neogenesis are in the form of ferriferous nodules. Transition to the underlying layer is clear, with sharp contour	0,50–0,90
6	(5) Суглинки средне-лёгкие, гомогенные, ярко-буроватого цвета. Толща слоя относительно монотонная, включения и новообразования не прослеживаются (5) Loam medium-light, homogeneous, bright brownish color. The sediments are relatively monotonous, and the inclusion of tumors can not be traced	До 0,70

процессов оглеения, а, затем и активизации делювиально-склоновых процессов.

Слой 4 представлен солифлюцированными тяжёлыми слоистыми суглинками с фрагментами, вероятно, древних каргинских почв, замкнутых в слой в виде тонких тёмно-серых (гумусированных?) прослоек. Возраст слоя раннесартанский – 24–19 тыс. л. н.

Слой 5 представлен гомогенными монотонными яркими буроватыми средними суглинками, являющимися результатом переотложения юрских песчаников. Данный слой неоднократно фиксировался при проведении раскопочных работ как на левобережье, так и на правом берегу р. Ангары. Слой отличается своей гомогенностью и слабой нарушенностью какими-либо процессами, а также условиями формирования. Как правило, подстилает солифлюцированные каргинские отложения. В связи с чем можно предположить, что формирование данной толщи происходило в досартанский период.

Особенности вскрытой шурфами толщи отложений:

- сильная нарушенность верхней голоценовой части отложений в результате техногенного воздействия, планировки поверхности;

- наличие мощных криогенных трещин, достигающих в диаметре до 3-х метров;

- сильное проявление в грунтах процессов оглеения из-за присутствия криогенных структур;

- наличие довольно мощной солифлюцированной толщи каргинских отложений с замкнутыми фрагментами древних почв;

- наличие гомогенной толщи ярко-бурых суглинков, подстилающих раннесартанские солифлюцированные отложения.

Археологический и остеологический материал зафиксирован во всех пикетах раскопа, в литологических горизонтах 3 и 4 (в подошве горизонта 3), на глубине 1,3–2,2 м от дневной поверхности. Артефакты не коррадированы, поверхности несут на себе незначительный карбонатный налет. Сохранность костей удовлетворительная.

Культурные остатки залегают в переотложенном контексте. В плане выделялось маломощное скопление в северо-восточной части раскопа в районе одного из шурфов на площади, примерно, 2,5 x 2,5 м. На остальной вскрытой спасательными работами площади фиксировались единичные, рассеянные находки, в основном, фрагментов кости и битой гальки.

Самая многочисленная категория артефактов – **сколы, отщепы** (16 ед. хранения) (рис. 3, 4). 3 предмета из них изготовлены из темно-серого мелкозернистого кварцита, остальные – из светлого крупнозернистого кварцита. Это массивные, короткие сколы с талонами, либо дорсальными фасадами, сохраняющими галечную поверхность. В одном случае мы имеем на сколе, очевидно, рудимент фасетированной ударной площадки.

Одним экземпляром представлена **оббитая галька** из конгломерата. Изначально эта галька была расколота повдоль. Затем несколькими поперечными ударами был сбит один из узких ее краев. После чего были нанесены вторичные короткие и заломистые ступенчатые негативы. Тем не менее следов забитости этот предмет не несет.

Гальки-манупорты представлены двумя экземплярами. Один из манупортов (без следов обработки) представлен крупной кварцитовой галькой светлорыжевого цвета. Второй манупорт (со следами снятия негативом) представлен крупной галькой треугольной в плане формы.

Остеологический материал зафиксирован во всех пикетах раскопа. Общее количество составило 31 единицу хранения. Представлен разрозненными костями от бизона, быка, лошади, северного оленя, мамонта, шерстистого носорога (*Bos/Bison* sp., *Bison priscus*., *Equus* sp., *Rangifer tarandus*, *Coelodonta antiquitatis*, *Mammuthus* sp.), а также неопределимыми фрагментами трубчатых костей (табл. 2). Кости не несут следов обработки человеком, вероятно, и не соотносятся с культурным слоем стоянки, являются следствием естественной гибели

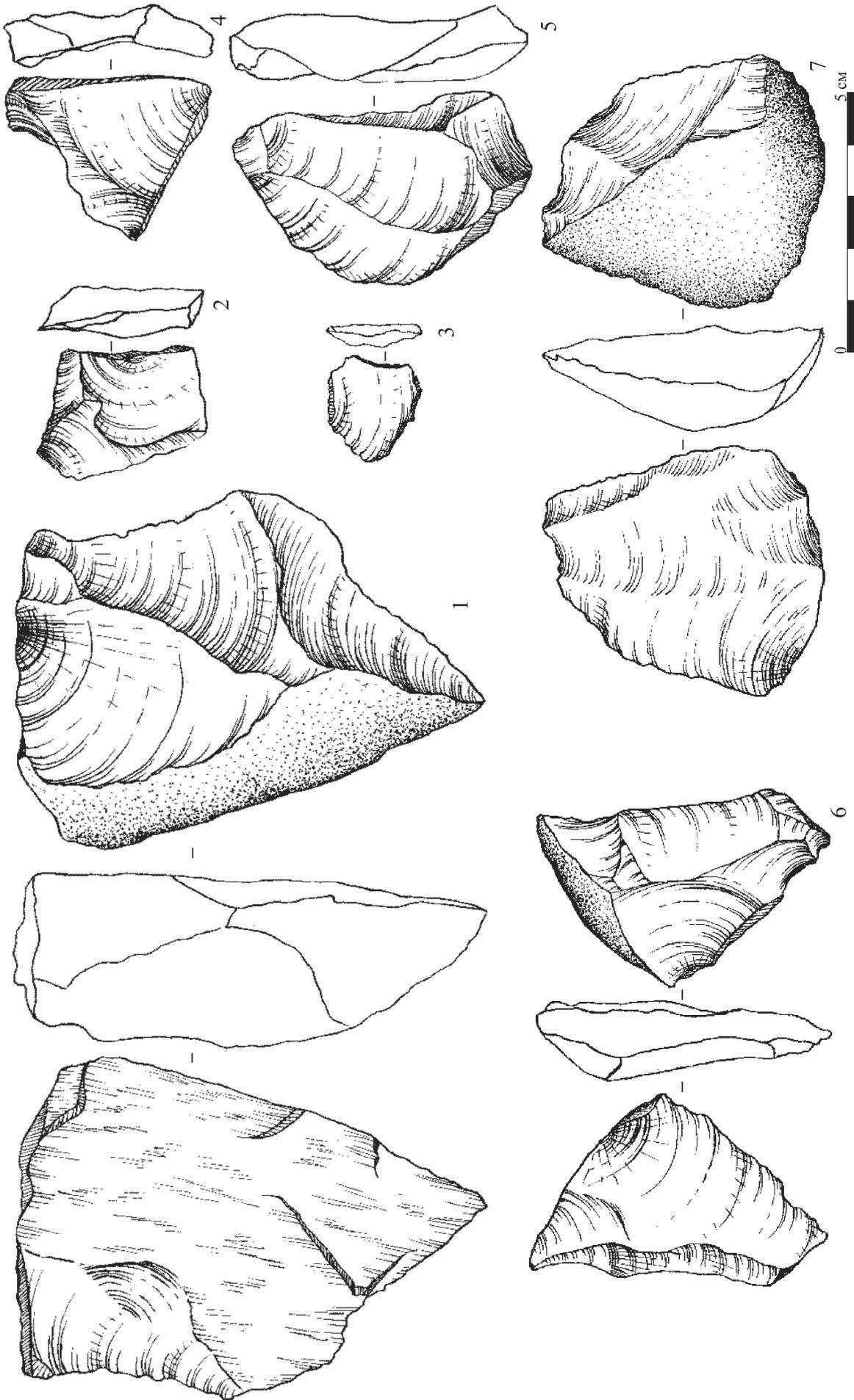

Рис. 3. ГАМ Трилиссера I, археологический материал: 1-7 – сколы и отщепы
Fig. 3. GAS Trilissera I, archaeological findings: 1-7 – spalls and flakes

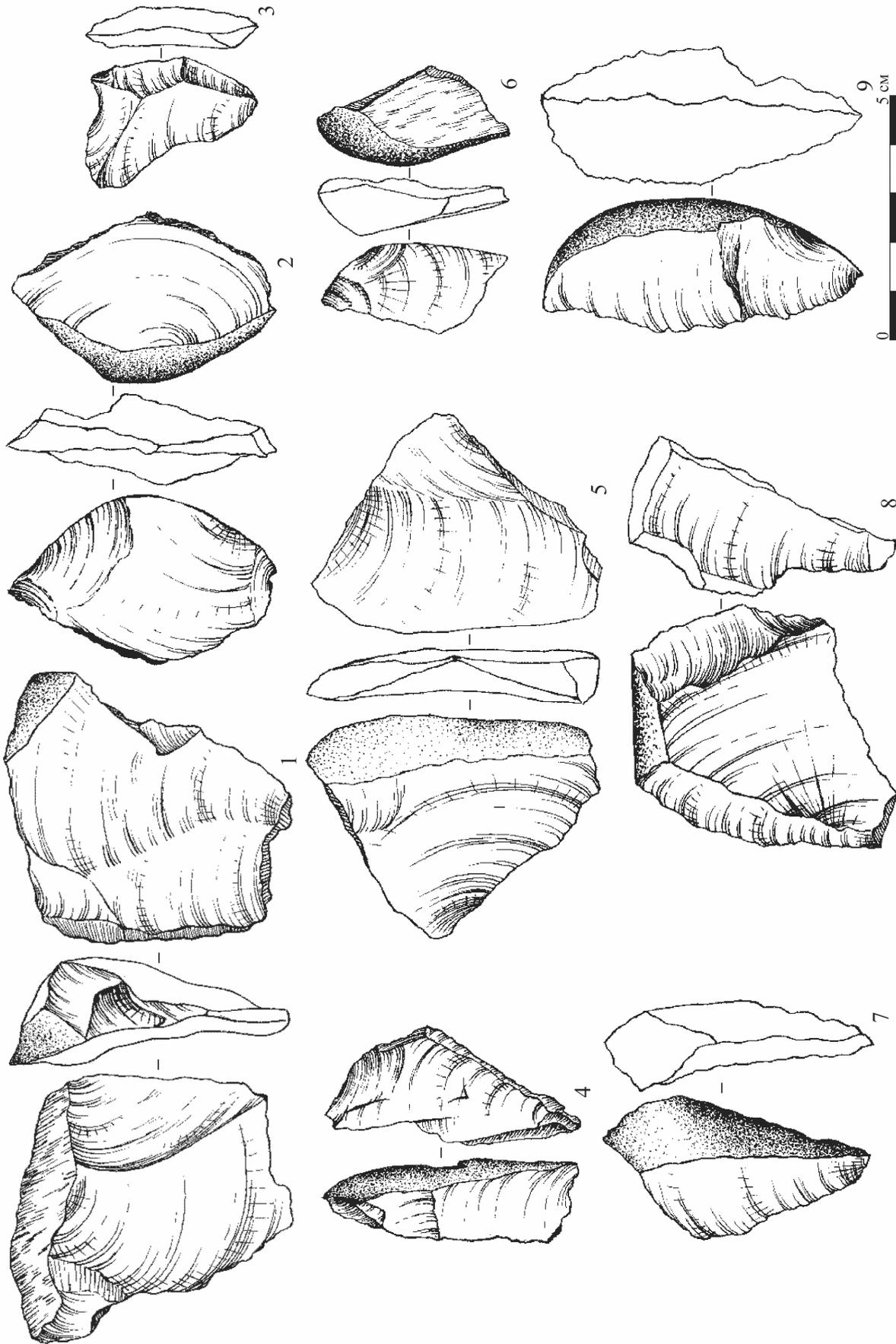

Рис. 4. ГАМ Трилиссера I, археологический материал: 1-9 – сколы и отщепы
Fig. 4. GAS Trilissera I, archaeological findings: 1-9 – spalls and flakes

Фаунистические материалы ГАМ Трилиссера I
Faunal remnants of site Trilissera I

Шурф, пикет, квадрат test-pit, piket, square meter	Фаунистический материал Faunal material	Вид Species
шурф 4 test-pit 4	фрагмент плечевой кости fragment of the humerus	шерстистый носорог woolly rhinoceros (<i>Coelodonta antiquitatis</i>)
шурф 5 test-pit 5	фрагмент трубчатой кости tubular bone fragment	мамонт mammoth (<i>Mammuthus</i> sp.)
	неопределимый фрагмент indefinable fragment	
шурф 6 test-pit 6	фрагменты трубчатой кости крупного копытного (4 ед.) fragments of tubular bones of large ungulate (n=4)	
	фрагмент черепа с основанием рогового стержня (2 ед.) skull fragment with a base horny stud (n=2)	бык bull (<i>Bos/Bison</i> sp.)
	фрагмент большой берцовой кости fragment of tibia	бык bull (<i>Bos/Bison</i> sp.)
	фрагмент копытцевой фаланги fragment of the pedal phalanges	северный олень reindeer (<i>Rangifer tarandus</i>)
шурф 7 test-pit 7	фрагмент большой берцовой кости fragment of tibia	бизон bison (<i>Bison priscus</i>)
шурф 8 test-pit 8	фрагмент верхнего зуба fragment of upper tooth	ископаемая лошадь fossil horse (<i>Equus</i> sp.)
шурф 10 test-pit 10	фрагменты диафиза лучевой кости (2 ед.) fragments of the diaphysis of the radius (n=2)	бык bull (<i>Bos/Bison</i> sp.).
	фрагмент рога horn fragment	представитель оленей deer representative <i>Cervidae</i> gen
	фрагмент трубчатой кости крупного копытного fragments of tubular bones of large ungulate	
	фрагмент ребра крупного копытного rib fragment of a large ungulate	
пикет 1, кв. 7 piket 1, sq. 7	верхний коренной зуб крупного быка upper molar of a large bull	бык bull (<i>Bos/Bison</i> sp.)
	фрагмент рога horn fragment	северный олень reindeer (<i>Rangifer tarandus</i>)
	кость крупного копытного bone of a large ungulate	

пикет 1, кв. 17 piket 1, sq. 17	остатки нижних зубов (2 ед.) remnants of the lower teeth	ископаемая лошадь fossil horse (<i>Equus</i> sp.)
пикет 2, кв. 16 piket 2, sq. 16	фрагмент нижней челюсти и зуб mandible fragment and a tooth	ископаемая лошадь fossil horse (<i>Equus</i> sp.)
	фрагмент трубчатой кости крупного копытного fragments of tubular bones of large ungulate	
пикет 2, кв. 22 piket 2, sq. 22	фрагменты трубчатых костей копытного (3 ед.) fragments of tubular bones of ungulate (n=3)	
пикет 2, кв. 23 piket 2, sq. 23	фрагмент тазовой кости fragment of the hip bone	ископаемая лошадь fossil horse (<i>Equus</i> sp.)
	фрагменты трубчатой кости крупного копытного (2 ед.) fragments of tubular bones of large ungulate (n=2)	
пикет 3, кв. 1 piket 3, sq. 1	таранная и пяточная кости голеностопного сустава talus and calcaneus ankle	бизон bison (<i>Bison priscus</i>)
пикет 3, кв. 2 piket 3, sq. 2	фрагмент зуба fragment of tooth	ископаемая лошадь fossil horse (<i>Equus</i> sp.)
пикет 3, кв. 19 piket 3, sq. 19	фрагмент трубчатой кости крупного копытного – погрызен fragments of tubular bones of large ungulate – bited	
пикет 3, кв. 20 piket 3, sq. 20	фрагмент трубчатой кости крупного копытного fragments of tubular bones of large ungulate	
пикет 3, кв. 23 piket 3, sq. 23	фрагмент таранной кости – сильно погрызен fragment of the talus – hardly bited	бизон bison (<i>Bison priscus</i>)
пикет 3, кв. 24 piket 3, sq. 24	фрагмент тела пяточной кости крупного парнокопытного body fragment of calcaneus of arge cloven-hoofed	
пикет 4, кв. 19 piket 4, sq. 19	фрагмент трубчатой кости мелкого копытного fragments of tubular bones of small ungulate	
пикет 4, кв. 21 piket 4, sq. 21	третья фаланга third phalanx	бизон bison (<i>Bison priscus</i>)
пикет 4, кв. 24 piket 4, sq. 24	фрагмент трубчатой кости крупного копытного fragments of tubular bones of large ungulate	

животных с последующим переносом их останков в процессе литодинамических потоков. Некоторые кости со следами погрызов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коллекция каменных предметов местонахождения Трилиссера I малочисленна и

невыразительна. Следует отметить отсутствие выраженных орудий, нуклеусов и при этих обстоятельствах архаичный облик набора аморфных сколов и отщепов. Большая часть из них имеет галечный талон или фрагмент галечной корки на дорсальном фасе. Оценить эту черту «индустрии» Трилиссера I можно за счет признания функциональной и тафономической выборочно-

сти остатков и, в равной степени с этим, предположительной древности переотложенной стоянки. Культурные остатки вмещены в отложения раннесартанского солифлюксия, включающего в себя и поздне-сартанские седименты. Кости ископаемых млекопитающих из раскопа принадлежат видам позднепалеолитического комплекса: лошади и бизону. С учетом шурфовочного материала к ним примыкает и такой типичный представитель как северный олень. Преобладание лошади и бизона свидетельствует о позднекаргинском возрасте данной коллекции (Клементьев, 2009; 2013). Вероятнее всего, этими возрастными пределами начала сартанского оледенения – позднего этапа каргинского интерстадиала и можно ограничить возраст культурного комплекса Трилиссера I – 23–29 тыс. л. н.

Ближайшим территориальным, стратиграфическим и, вероятно, хронологическим аналогом Трилиссера I будет являться местонахождение Седова (Роговской и др., 2011). Впрочем, в сходных ситуациях залегания кварцитового дебитаж в склоновых солифлюцированных отложениях находятся и другие археологические памятники

Иркутска, датируемые возрастом раннего сартана и древнее: Спартак I, Герасимова I, Мамоны II, Щапова I (Козырев, Слагода, 2008; Роговской и др., 2011; Когай, Роговской, 2013; Семин, Когай, Роговской, 2014; Липнина, Когай, 2015). В этой связи показательное значение Трилиссера I состоит в том, что чехлы покровных отложений неоплейстоценового возраста повсеместно вмещают в себя рассеянные культурные остатки не только в пределах Ушаковско-Топкинского мегаблока (Военный Госпиталь, Арембовского, Щапова I, Спартак I), с которого начиналось палеолитоведение России и Иркутска, но и Левобережного (Герасимова I) и Правобережного (Седова, Трилиссера I) мегаблоков. Вопрос только в том, когда количество изысканий, приносящих едва ли не каждый раз единичные фаунистические и археологические находки, перейдет в качество открытия новых информативных палеолитических местонахождений.

Статья поступила 13.05.2016 г.

Article received 13.05.2016 г.

Библиографический список

Воробьева Г.А., Бердникова Н.А. Реконструкция природных и культурных событий на территории Иркутска. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 90 с.

Генералов А.Г., Медведев Г.И., Роговской Е.О., Ребриков П.Н. Новые данные по палеолитическому местонахождению – Военный Госпиталь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1. С. 67–71.

Клементьев А.М. Остатки крупных млекопитающих с Братского водохранилища (Унга-Осинское расширение): предварительные данные // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 4. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2009. С. 91–102.

Клементьев А.М. Фауны позднекаргинского времени Иркутского амфитеатра // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 30–43.

Когай С.А., Роговской Е.О. Орнаментированные предметы из раскопок палеолитического местонахождения Мамоны II (Иркутск) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1. С. 62–70.

Козырев А.С., Слагода Е.А. «Щапово» – новое геоархеологическое местонахождение верхнего плейстоцена в г. Иркутске // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 81–89.

Липнина Е.А., Когай С.А. Каменная индустрия позднепалеолитического местонахождения им. М.М. Герасимова (Герасимова I) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 14. С. 3–23.

Роговской Е.О., Воробьева Г.А., Попов А.А., Когай С.А. Результаты исследований палеолитического местонахождения

Седова в Иркутске // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 132–140.

Роговской Е.О., Когай С.А. Геолого-геоморфологические условия расположения палеолитических объектов Иркутска // Труды IV (XX) Всероссийского археоло-

гического съезда в Казани. Том IV. Казань: Отечество, 2014. С. 358–361.

Семина М.Ю., Когай С.А., Роговской Е.О. Спартак I – новое палеолитическое местонахождение в Иркутске // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 34–45.

References

Generalov A.G., Medvedev G.I., Rogovskoi E.O., Rebrikov P.N. *Novye dannye po paleoliticheskomu mestonakhzhdeniyu – Voennyi Gospital'* [New data of the Upper Paleolithic site Voennyi (Military) Hospital]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2001. No. 1. Pp. 67–71.

Klement'ev A.M. *Fauny pozdnekargin-skogo vremeni Irkutskogo amfiteatra* [Faunas of the Upper Karginy time of the Irkutsk amphitheater]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Reports of the Irkutsk State University. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2013. No. 1 (2). Pp. 30–43.

Klement'ev A.M. *Ostatki krupnykh mlekopitayushchikh s Bratskogo vodokhranilishcha (Unga-Osinskoe rasshirenie): predvaritel'nye dannye* [Remains of the large mammals from Bratsk reservoir (Unga-Osinsky expansion): preliminary data]. *Eniseiskaya provintsiya. Al'manakh* [Enisey province. Almanach]. Krasnoyarsk, *Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei* [Krasnoyarsk Regional Historical Museum], 2009. Iss. 4. Pp. 91–102.

Kogai S.A., Rogovskoi E.O. *Ornamentirovannye predmety iz raskopok paleoliticheskogo mestonakhzhdeniya Mamony II (Irkutsk)* [Ornamented artifacts from Paleolithic site Mamony II (Irkutsk)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Reports of the Irkutsk State University. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2013. No. 1. Pp. 62–70.

Kozyrev A.S., Slagoda E.A. *"Shchapovo" – novoe geoarkheologicheskoe mestonakhzhdenie verkhnego pleistotsena v g. Irkutsk*

[Schapovo – new geoarchaeological site of the Upper Pleistocene in Irkutsk]. *Antropogen. Paleoantropologiya, geoarkheologiya, etnologiya Azii* [Anthropogen. Paleoanthropology, geoarchaeology, ethnology of the Asia]. Irkutsk, *Ottisk Publ.*, 2008. Pp. 81–89.

Lipnina E.A., Kogai S.A. *Kamennaya industriya pozdnepaleoliticheskogo mestonakhzhdeniya im. M.M. Gerasimova (Gerasimova I)* [Stone industry of the Upper Paleolithic site named for M.M. Gerasimov (Gerasimova I)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Reports of the Irkutsk State University. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2015. Vol. 14. Pp. 3–23.

Rogovskoi E.O., Kogai S.A. *Geologo-geomorfologicheskie usloviya raspolozheniya paleoliticheskikh ob'ektov Irkutsk* [Geology-geomorphological conditions of locations of the Paleolithic sites in Irkutsk]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani. Vol. IV* [Proceedings of IV (XX) Russian National Archaeological Congress in Kazan'. Vol. IV]. Kazan': *Otechestvo Publ.*, 2014. Vol. IV. Pp. 358–361.

Rogovskoi E.O., Vorob'eva G.A., Popov A.A., Kogai S.A. *Rezultaty issledovaniya paleoliticheskogo mestonakhzhdeniya Sedova v Irkutsk* [The results of research of the Paleolithic site Sedova in Irkutsk]. *Vestnik NGU. Ser. Istoriya, filologiya* [Reports of NSU. Series History, Philology], 2011. Vol. 10, iss. 5. *Arkheologiya i etnografiya* [Archaeology and ethnography]. Pp. 132–140.

Семина М.Ю., Когай С.А., Роговской Е.О. Спартак I – новое палеолитическое местонахождение в Иркутске [Spartak I – new Paleolithic site in Irkutsk]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Reports

of the Irkutsk State University. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2014. Vol. 9. Pp. 34–45.

Vorob'eva G.A., Berdnikova N.A. *Rekon-*

struktsiya prirodnykh i kul'turnykh sobytii na territorii Irkutsk [Reconstructions of the environmental and cultural events in the area of Irkutsk]. Irkutsk, IRGTU Publ., 2003. 90 p.

Сведения об авторах

Тетенькин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: altet@list.ru

Teten'kin Aleksei Vladimirovich, PhD, associate professor, researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoeology and Subsistence of the Peoples of Northern Asia, Irkutsk National Researching Technical University, 83, Lermontova str., Irkutsk, 664074, Russia, e-mail: altet@list.ru

Семин Максим Юрьевич, специалист-археолог, Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. 5 Армии, 2, e-mail: semin62@list.ru

Semin Maxim Yurievich, specialist-archaeologist, Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of Irkutskaya Oblast', 2, 5th Army str., Irkutsk, 664025, Russia, e-mail: semin62@list.ru

Кустов Михаил Сергеевич, специалист-археолог, Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. 5 Армии, 2, e-mail: kustovmihail@yandex.ru

Kustov Mikhail Sergeevich, specialist-archaeologist, Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of Irkutskaya Oblast', 2, 5th Army str., Irkutsk, 664025, Russia, e-mail: kustovmihail@yandex.ru

Клементьев Алексей Михайлович, кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт Земной коры СО РАН, 664033, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128, e-mail: klem-al@yandex.ru

Klement'ev Alexey Mikhailovich, PhD, researcher, Institute of the Earth's Crust, SB RAS, 128, Lermontov str., Irkutsk, 664033, Russia, e-mail: klem-al@yandex.ru

Стерхова Инга Владимировна, ведущий специалист-эксперт отдела археологии службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. 5 Армии, д. 2, e-mail: stinga.78@mail.ru

Sterhova Inga Vladimirovna, leading specialist-expert of the Department of Archaeology of the Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of Irkutskaya Oblast', 2, 5th Army str., Irkutsk, 664025, Russia, e-mail: stinga.78@mail.ru

УДК 55.902

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-22-35

ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ПОЛУЧЕНИЮ ЖЕЛЕЗА С ПОМОЩЬЮ СЫРОДУТНОГО ГОРНА

© С.В. Снопков, О.П. Зарицкий

В работе описан опыт проведения эксперимента по получению железа с помощью сыродутного горна, подобного тем, которые использовались в Приольхонье на рубеже эр. В ходе эксперимента были получены железосиликатные шлаки и крица, позволяющие вывод об условиях протекания металлургического процесса.

Ключевые слова: Приольхонье, ранний железный век, эксперимент, древние технологии получения железа, сыродутный горн.

Формат цитирования: Снопков С.В., Зарицкий О.П. Эксперимент по получению железа с помощью сыродутного горна // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 22–35. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-22-35

EXPERIMENT WITH PRODUCING IRON FORGE

© S.V. Snopkov, O.P. Zaritsky

The paper describes the experience of the experiment to obtain iron by means a bugle, like those used in the Olkhon region at the turn of the eras. The ferriferous slags and bloom, allow the conclusion that the conditions of flow of the metallurgical process were obtained during the experiment.

Keywords: Olkhon, the early Iron Age, the experiment, the ancient technology of iron bugle

Citation format: Snopkov S.V., Zaritsky O.P. Experiment with Producing Iron Forge. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. Pp. 22–35. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-22-35

Роль экспериментальной археологии в изучении древних технологий

Современный уровень археологических исследований требует комплексного подхода к анализу источников информации о прошлом человечества, поэтому в арсенале археологов прочное место заняли естественнонаучные и экспериментальные методы исследования.

Основной целью экспериментальной археологии является создание опытным путем объектов, подобных археологическим памятникам. Эксперимент помогает понять, каким образом были созданы те или иные артефакты, а также изучать способы производства и применения орудий труда и предметов быта. Часто подобные эксперименты проводятся для определения правомерности предложенных археологами ин-

терпретаций, поэтому воспроизводимые опыты с элементами материальной культуры являются важным методом проверки выдвигаемых теорий (Малинова, 1988. С. 12–22).

Получение точных копий орудий труда и предметов быта с помощью экспериментов вовсе не означает, что используемые современными экспериментаторами технологии соответствуют оригинальным (древним). Экспериментальная археология редко может дать окончательные однозначные ответы – она лишь исследует возможность применения воспроизводимых технологий в древности. Многие виды деятельности древних людей не оставили после себя, либо оставили ничтожно мало, материальных следов. В этих условиях эксперименты дают богатую информацию для интерпрета-

ции, несмотря на определенную неоднозначность их результатов (Коробкова, 1975. С. 44–49).

В качестве общих правил экспериментальной археологии обычно принимаются следующие: 1) материалы должны быть именно такими, которые были доступны в данном месте определенному древнему сообществу; 2) методы, используемые в эксперименте, должны соответствовать технологическим возможностям древнего сообщества.

Экспериментальные исследования внесли немалую лепту в реконструкцию технологий получения металлов и их обработки. Исследования наиболее сложных вопросов археометаллургии, включая технику добычи разного типа руд, минералогические и технологические особенности рудного сырья, способы и приемы обогащения рудных минералов, технику и технологию получения металлов, широко используют экспериментальные и естественнонаучные методы. В изучении данной проблематики используются сложные лабораторные физико-химические и геологические методы, разного рода экспериментальные работы, в том числе метод физического моделирования (Колчин, 1965. С. 196–215).

Эксперименты по практическому получению железа с помощью сыродутного горна были проведены авторами в Приольхонье (западное Прибайкалье) летом 2014 и 2015 гг. Целью этих экспериментов была реконструкция технологических процессов, которые использовали в древности жители Прибайкалья.

Технология получения железа в древности

Технологии получения и обработки металла являются одними из важнейших факторов, повлиявших на развитие цивилизации. Изобретение человеком способа получения железа стало одним из эпохальных событий в истории человечества. Обладание технологиями получения железа и изготовления железных орудий труда резко изменило возможности человека.

Наиболее древним способом получения железа является химическое восстановле-

ние чистого металла из окислов железа. Для этого использовались разнообразные по форме и размерам сыродутные железно-восстановительные горны. Сыродутным горн назывался из-за того, что в него подавали («дули») холодный («сырой») атмосферный воздух. В Европе подобные горны использовались вплоть до 1850-х г., в Северной Америке – до 1890-х г., а в Юго-Восточной Азии и Центральной Африке – даже до середины XX века. Как правило, сыродутный горн имел форму большого, толстостенного сосуда с отверстиями для засыпания руды и угля, подачи воздуха (сопло), выхода продуктов сгорания и стекания шлака. В зависимости от того, где сооружался горн, – ниже или выше поверхности земли – выделяют два типа сыродутных горнов: ямные и наземные. Встречаются горны, рабочая камера которых имеет как подземную, так и наземную конструкцию (Беккерт, 1980. С. 18–21).

Для получения железа с помощью сыродутного горна в качестве топлива использовался древесный уголь, который получали при горении древесины в условиях слабого доступа кислорода. В качестве железной руды обычно использовали окислы железа: гематит, лимонит, магнетит, бурый железняк (смесь гидроокислов железа). Железная руда сначала измельчалась, затем прокаливалась для удаления влаги.

При большом разнообразии конструкций сыродутных горнов, технологическая схема получения железа была похожей. Древесный уголь укладывался в горн послойно с измельченной рудой. Объем руды, в зависимости от размера и устройства горна, составлял от единиц до десятков кг. После закладки топлива и руды уголь поджигался. При температуре более 500 °С под действием оксида углерода (угарного газа) происходило химическое восстановление железа. При температуре более 700–800 °С из рудных примесей происходило образование железосиликатного шлака. Зерна чистого восстановленного железа, соединяясь, превращались в пористую массу – крицу. Шлак выпускался из горна через специальное отверстие, и затем из горна доставалась крица. Крица заново нагревалась, проковывалась и использовалась для изготов-

ления железных изделий (Беккерт, 1980. С. 18–21).

По всему миру обнаружено большое количество металлургических центров, в которых в древности получали и обрабатывали железо. В Прибайкалье территорией, где в больших масштабах происходило получение железа в древности, является побережье пролива Малое море озера Байкал (Приольхонье и остров Ольхон) (Снопков, 2012б. С. 241–246).

Вопрос о масштабах и технологии получения железа древними жителями Приольхонья является одним из интереснейших, но в то же время малоизученным вопросом археологии Прибайкалья.

Древние металлургические центры Приольхонья

Комплексные исследования металлургических центров по получению железа в Прибайкалье были начаты в 1997 г. под руководством профессора ИРНИТУ, доктора исторических наук А.В. Харинского. Участниками данного научного проекта, который продолжает действовать до настоящего времени, являются студенты ИРНИТУ и ИГУ, школьники образовательных учреждений Иркутской области, специалисты научных учреждений городов: Иркутск, Москва, Новосибирск, Саппоро (Япония). За этот период следы металлургической деятельности были обнаружены во многих местах Прибайкалья: на острове Ольхон и в Приольхонье, на реках Иркут, Белая, Куда и других местах Приангарья. Проведенные исследования позволили впервые получить общие представления о технологии получения железа в регионе.

Наиболее высокая концентрация следов железоделательной деятельности обнаружена на западном побережье Малого моря озера Байкал. Здесь на участке побережья Байкала, протяженностью около 40 км обнаружено несколько десятков мест, где в древности происходило получение и обработка железа.

В ходе археологических исследований было установлено, что древними жителями Приольхонья использовалось несколько типов сыродутных горнов, наиболее древ-

ними из которых являются ямные. Рабочие камеры этих горнов имеют уникальную воронкообразную форму (Харинский, 2004. С. 167–187).

Горны сооружались в грунте на краю искусственной предгорновой ямы, достигающей глубины 1,5–2 м. Предгорновые ямы имели разнообразную форму: изометричную, овальную, траншееобразную; две ямы, соединенные проходом; и др. Вокруг ямы располагалось от 1 до 9 горнов.

Рабочая камера горна имела форму перевернутой наклонной треугольной пирамиды с закругленными ребрами. Нижнее отверстие горна выходило в яму и закрывалось куполообразным, каменно-кирпичным сооружением с отверстиями для поддува воздуха и каналом для вытекания шлаков. Выходящее на дневную поверхность верхнее отверстие горнов имело треугольную форму с закругленными углами. Нижняя стенка рабочей камеры представляла собой наклонную плоскость, опускающуюся в предгорновую яму под углом 45–55°. Объем рабочих камер горнов изменялся от 0,05 до 0,35 м³.

Возраст подобных металлургических центров относится к концу I тыс. до н. э. – началу I тыс. н. э. Сравнение приольхонских горнов с известными показывает, что они по своему строению наиболее близки к горнам, обнаруженным в Хакасии (Таштыкская эпоха, I в. до н. э. – V в. н. э.) (Снопков, 2012б. С. 241–246; Сунчугашев, 1979. С. 68–81).

Работы по изучению памятников древней металлургии в Приольхонье продолжаются. В 2015 г. в экспедиции, организованной Лабораторией археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ и Ассоциацией детских краеведческих объединений Иркутской области, принимали активное участие школьники образовательных учреждений Иркутской области. Проведение экспедиции было поддержано Иркутским областным отделением Русского географического общества и ОАО «Байкальский банк Сбербанка России». Одной из задач экспедиции было проведение эксперимента по практическому получению железа, с по-

мощью сыродутного горна, подобного используемому в Прибайкалье на рубеже эр.

Сооружение сыродутного горна

Сыродутный горн, подобный тем, которые использовались на рубеже эр в Приольхонье, сооружался следующим образом. В плотном суглинке была выкопана предгорновая яма размером 1,5 x 1,5 м, глубиной 1,2 м (рис. 1). В стенке ямы была сооружена рабочая камера горна в виде воронкообразной, перевернутой наклонной треугольной пирамиды с закругленными ребрами. Верхнее отверстие рабочей камеры горна имело форму равнобедренного треугольника с основанием 50 см и высотой 65 см. Нижняя фурма выходила в предгорновую яму на глубине 80 см и имела изометричную форму (рис. 2). Объем горна составил 0,05–0,06 м³.

Стенки рабочей камеры горна были футерованы глиняной обмазкой, толщиной около 2 см. Необходимость футеровки определяется физическими свойствами обожженной глины – низкая теплоемкость и высокая огнеупорность, позволяющими достигать высокой температуры и при этом сохранять стенки горна для последующего применения. Кроме того, обожженная глина обладает высокой гигроскопичностью и абсорбцией, благодаря чему водяные пары в рабочей камере горна частично поглощаются футеровкой, улучшая протекание восстановительных реакций в горне. После суточной сушки был проведен обжиг обмазки с помощью сухой травы и мелких веточек (рис. 3).

Верхняя фурма частично была перекрыта каменно-глиняной куполообразной кладкой, имеющей диаметр около 80–90 см и высоту 30 см. Для загрузки руды и угля, выхода дыма в сводовой части купола было оставлено центральное отверстие, диаметром около 30 см.

Нижняя фурма была закрыта «затвором» – каменно-глиняной кладкой. В верхней части затвора было сделано отверстие сечением около 20–30 см² для поступления воздуха в рабочую камеру горна. В нижней части затвора был сделан канал для стока шлаков, закрытый каменной пробкой.

Подготовка эксперимента

Для проведения эксперимента требовалась подготовка основных компонентов металлургического процесса: железной руды, древесного угля и флюса.

В качестве возможных источников железных руд, которые могли использовать древние жители Приольхонья, являются следующие:

1. Гнейсы ольхонской серии (оценки возраста – от позднего архея до раннего палеозоя) и позднемел-палеогеновая кора выветривания, обогащенные бурым железняком. Бурожелезняковые залежи, состоящие из лимонита, гематита и мартита, приурочены к контактам гнейсов с кристаллическими известняками. Образование бурожелезнякового оруденения связано с инфильтрацией гидротермальных растворов в проницаемые зоны дробления и трещиноватости. В конце мела – среднего олигоцена, в условиях влажного жаркого субтропического и тропического климата, в Приольхонье сформировались линейно-площадные латерит-каолиновые коры выветривания. В этот период на участках развития инфильтрационных бурожелезняковых руд сформировались горизонтальные залежи бурых железняков коры выветривания. Рудная залежь коры выветривания чаще всего представляет россыпь бурожелезняковой гальки, состоящей либо из плотного чистого бурого железняка, либо из брекчиеобразных образований. Содержание железа в этих рудах колеблется от 12 до 61 % (Снопков, 2012. С. 10–30).

2. Другим возможным источником железа являются гнейсы Иликтинской свиты раннего протерозоя. Высокожелезистые разновидности гнейсов и продукты их выветривания, накапливающиеся в предгорных делювиальных отложениях Приморского хребта, содержат высокие концентрации магнетита (Снопков, 2012. С. 10–30).

Для эксперимента в качестве руды был использован бурый железняк гидротермально-инфильтрационного происхождения, встречающийся в гнейсах ольхонской серии. Проявление такой руды было обнаружено на сопке возле деревни Курма, в

200 м от места проведения эксперимента. На вершине сопки был разбит участок площадью 10 x 10 м, на котором был проведен сбор руды (рис. 4). Всего на поверхности грунта было собрано 13 кг руды (рис. 5). Собранная руда перед засыпкой в горн была предварительно измельчена до фракции крупного песка (рис. 6).

В качестве топлива в эксперименте использовался древесный уголь. Древние металлурги получали древесный уголь, отжигая древесину в небольших ямах в условиях недостатка кислорода. Для эксперимента был использован древесный березовый уголь, продаваемый в торговых предприятиях. Использование привезенного угля связано с тем, что территория находится на берегу Байкала, где рубка древесины запрещена.

В качестве флюса – материала, способствующего образованию шлака, использовался известняковый песок, добытый из подпочвенного слоя на участке распространения этой горной породы.

В сыродутном горне отделение пустой породы от железа возможно только путем ее расплавления, однако большинство примесей, содержащихся в руде, таких как кремнезем, глинозем и другие плавятся при очень высоких температурах (от 1700 до 2600 °С). Их плавление при более низких температурах возможно путем соединения их между собой или с каким-либо определенным веществом. Например, соединение в определенных пропорциях кремнезема и жженой извести начинает плавиться уже при температуре около 1200 °С.

В сыродутном горне известняк (CaCO_3) разлагается на Ca и CO_2 , в результате чего образуется известь, способствующая переводу силикатных примесей в жидкий шлак.

Проведение экспериментов

Было проведено два эксперимента с использованием ямного горна. Целью экспериментов было выяснение ряда технологических особенностей металлургического процесса: необходимость поддува; форма и структура крицы, а также её расположение в горне.

1. Первый эксперимент проводился без использования принудительного поддува воздуха в рабочую камеру горна. В горн послойно была загружена шихта (смесь исходных материалов): 10 кг древесного угля, 1 кг известнякового песка и 5 кг измельченной руды. Уголь был зажжен. Воздух в рабочую камеру горна поступал через отверстие в верхней части затвора нижней фурмы. Горение продолжалось около 3 часов.

Когда интенсивность пламени в горне начала снижаться, был выбит каменный клин, закрывавший канал в затворе нижней фурмы, но вытекания шлака не произошло (рис. 7). После того как процесс горения завершился, затвор нижней фурмы был разобран, и из горна было извлечено 5,5 кг слабо спеченной рыхлой массы (рис. 8).

С помощью геофизического прибора – капнометра – было проведено измерение магнитной восприимчивости горнового материала. Магнитная восприимчивость руды, засыпаемой в горн, составляла около 0,003 милиЕд. СИ, то есть чистое железо и магнитные минералы практически отсутствуют. Магнитная восприимчивость горновой массы достигала 40–50 милиЕд. СИ. Для сравнения: извлеченный горновый материал имеет высокую концентрацию зерен чистого железа. Зерна железа хорошо видны при использовании 5-кратной лупы. Путем магнитной сепарации было выделено около 1,5 кг магнитного материала (железа), что составляет около 30 %.

2. Второй эксперимент проводился в условиях принудительного нагнетания воздуха в рабочую камеру горна (рис. 9). В горн было загружено 20 кг древесного угля, 1 кг известняковой крошки и 5 кг измельченной руды. Для нагнетания воздуха использовался бытовой пылесос, включенный в режим надува. Воздух нагнетался в объеме около 1 м³/мин. Горение угля продолжалось около 2 часов.

При снижении интенсивности горения угля затвор нижней фурмы был вскрыт. Из горна вытекло небольшое количество шлака, масса которого составила 600 г (рис. 10). После окончания процесса горения угля из рабочей камеры горна была извлечена спекшаяся масса горнового мате-

риала. Горновый материал состоял из горнового шлака, кусочков древесного угля и обмазки (рис. 11). На поверхности горнового шлака располагались кусочки крицы (сгустки восстановленного железа) (рис. 12). Масса горновых шлаков с разнообразными включениями (уголь, обмазка и др.) составила 4150 г. Уменьшение массы продуктов металлургического процесса по сравнению с массой загруженной шихты связано с выгоранием материала шихты.

Магнитная восприимчивость выпускного шлака составляет 0,5–5 милиЕд. СИ. У горновых (донных) шлаков магнитная восприимчивость изменялась в широком диапазоне – от 2 до 30 милиЕд. СИ, что говорит о неравномерном присутствии в них магнитного материала (в том числе зерен чистого железа).

Крица представляла собой пористые губкообразные удлиненные кусочки стально-серебристого цвета, размером от 1 до 7 см (рис. 12). Масса крицы составила 150 г. Магнитная восприимчивость небольших кусочков крицы составляла 80–100 милиЕд. СИ, что свидетельствует об очень высоком содержании чистого железа.

Результаты и обсуждение

1. В ходе экспериментов было установлено, что с помощью железовосстановительных горнов, широко применявшихся в Приольхонье в начале нашей эры, получение железа в виде крицы возможно только при использовании принудительного поддува воздуха в горн. В отсутствие поддува не удается достигнуть температуры, необходимой для образования жидкого железосиликатного шлака и крицы.

2. Восстановление зерен железа под действием угарного газа происходит при достаточно низких температурах (500–800 °С), но для формирования шлака и крицы необходима высокая температура – более 900 °С. Температуры около 900 °С вполне достаточно, чтобы полностью восстановить окись железа в металлическое железо. Эксперимент № 1 наглядно продемонстрировал, что при невысоких температурах восстановление железа протекает достаточно активно, но шлаков, «впиты-

вающих в себя» все примеси, а также крицы, не происходит.

При температурах более 1000 °С происходит плавление посторонних минералов, так называемое ошлакование. В условиях сыродутного производства ошлакование кремнезема и других примесей производится закисью железа и известью. Температура, при которой начинается ошлакование, зависит от соотношения примесей, закиси железа и извести. Таким образом, часть окиси железа, восстановившись до закиси, расходуется на образование жидкого железосиликатного шлака. Другая часть окиси железа восстанавливается затем в металлическое железо. Доля окиси железа, переходящая в шлак, изменяется в широких пределах в зависимости от состава шихты и температуры в горне. Чем выше нагревается жидкий шлак, тем больше он растворяет в себе закись железа.

3. По данным ряда исследователей при температурах начала ошлакования (1000–1100 °С) восстановленные зерна железа не соединяются между собой в крицу. Образование крицы происходит при температуре не ниже 1250–1300 °С путем сваривания в одну массу большого количества зерен восстановленного железа, находящихся в твердом состоянии (Колчин, 1965. С. 196–215).

Таким образом, температура в горне во время эксперимента № 2 достигала высокого уровня, достаточного для протекания процессов сварки зерен восстановленного железа. Следует также отметить, что сваривание зерен железа в крицу происходит в условиях изменения структуры железа. Первоначально восстановленные кристаллы железа имеют кубическую объемноцентрированную решетку (α -модификация Fe). При нагревании железа выше температуры 911 °С пространственная решетка кристаллов меняется – атомы перестраиваются таким образом, что элементарные ячейки приобретают кубическую гранецентрированную структуру (γ -модификация Fe), которая сохраняет устойчивость до температуры 1400 °С. При охлаждении железа перестройка структуры протекает в обратном порядке (Беккерт, 1980. С. 92–93).

Рис. 1. Сооружение ямного сыродутного горна
Fig. 1. Construction of the cold oxygen furnace

Рис. 2. Воронкообразная рабочая камера сыродутного горна
Fig. 2. Funnel-like working chamber of the cold oxygen furnace

Рис. 3. Обжиг стенок рабочей камеры
Fig. 3. Firing of the walls of working chamber

Рис. 4. Сбор руды на участке, площадью 100 м
Fig. 4. Ore collection, square 100 m

Рис. 5. Бурый железняк, используемый для эксперимента
Fig. 5. Ironstone used for the experiment

Рис. 6. Дробление руды до размера зерен крупного песка
Fig. 6. Crushed of ore to the size of grains of coarse sand

Рис. 7. Вскрытие нижней фурмы горна в ходе эксперимента № 1
Fig. 7. Opening the lower lance bugle during the experiment No. 1

Рис. 8. Слабоспеченный горновый материал, получившийся в ходе эксперимента № 1
Fig. 8. Slowly sintered hearth material obtained in the course of the experiment No. 1

Рис. 9. Поддув воздуха с помощью бытового пылесоса в ходе эксперимента № 2
Fig. 9. Blowing air through a domestic vacuum cleaner during the experiment No. 2

Рис. 10. Железосиликатный шлак, вытекший из горна в ходе эксперимента № 2
Fig. 10. Ferriferous slag ejected from the horn during the experiment No. 2

Рис. 11. Горновый шлак, образовавшийся в ходе эксперимента № 2
Fig. 11. Furnace slag formed in the course of the experiment No. 2

Рис. 12. Губчатое железо (крица), образовавшееся в ходе эксперимента № 2
Fig. 12. Sponge iron (bloom), formed in the course of the experiment No. 2

Во многих публикациях, описывающих происходящие в сыродутных горнах процессы, указывается, что крица образуется в нижней части рабочей камеры горна. В проведенном авторами эксперименте крица располагалась на поверхности горновых (донных) шлаков. Очевидно, что образовавшийся жидкий шлак стекал на дно печи, а восстановленные в средней части горна зерна железа по мере выгорания угля опускались вниз и сваривались в губчатую массу, образуя крицу, пропитанную некоторым количеством расплавленного шлака.

Подобное наблюдение того, что восстановленное губчатое железо осаждалось не непосредственно на дне горна, а несколько выше, отмечалось рядом исследователей (Колчин, 1965. С. 203; Малинова, 1988. С. 48).

3. Масса полученной крицы в ходе эксперимента составила всего 3 % от массы руды, загруженной в горн. В литературных источниках выход железа в сыродутном процессе указывается от 55 до 15 %. Повидимому, большая часть зерен восстановленного железа либо перешла в состав железосиликатных шлаков, либо оказалась в условиях, неблагоприятных для сваривания

с другими зёрнами, и оказалась рассеянной в горновом материале.

Причиной первого процесса является слишком интенсивный поддув и, как следствие, слишком высокая температура. Как указывалось, чем выше температура шлака, тем больше он растворяет в себе железа. Для повышения производительности металлургического процесса необходимо искать более эффективный режим поддува.

Причиной второго процесса, возможно, является недостаточный объем шихты (26 кг) для созданного горна, приведший к рассеиванию зерен железа.

4. Проведенные эксперименты по получению железа с помощью сыродутных горнов позволили выявить технологические тонкости, влияющие на эффективность металлургического процесса. Необходимо продолжить подобные эксперименты, для того чтобы определить диапазон изменения основных параметров процесса для конкретного сыродутного горна: температуры, интенсивности поддува, объема и пропорций основных компонентов шихты.

Статья поступила 09.06.2016 г.

Article received 09.06.2016 г.

Библиографический список

Беккерт М. Мир металла. М.: Мир, 1980. 152 с.

Колчин Б.А., Круг О.Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа // Археология и естественные науки. М.: Наука 1965. С. 196–215.

Коробкова Г.Ф. Экспериментальный метод в процедуре археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: 1975. С. 44–49.

Малинова Р., Малинова Я. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. М.: 1988. 272 с.

Снопков С.В., Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Харинский А.В., Кожевников Н.О. Источники руды для производства железа в древности: Курминский археологический участок // Известия Лаборатории

древних технологий : сб. научный трудов / под ред. А.В.Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. Вып. 9. С. 10–30.

Снопков С.В., Харинский А.В. Металлургические горны Приольхонья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы III Международной научной конференции (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). Улан-Батор: Изд-во Монгольского государственного университета, 2012. Вып. 3. С. 241–246.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакассии. Новосибирск: Наука, 1979. 191 с.

Харинский А.В., Снопков С.В. Производство железа населением Приольхонья в елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий. Вып. 2. Иркутск: 2004. С. 167–187.

References

- Bekkert M. *Mir metalla* [World of metal]. M.: Mir Publ. 1980. 152 p.
- Kharinskii A.V., Snopkov S.V. *Proizvodstvo zheleza naseleniem Priol'khon'ya v elginskoe vremya* [Production of iron by the population of Ol'khon district in Elga time]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk, 2004. Iss. 2. Pp. 167–187.
- Kolchin B.A., Krug O.Yu. *Fizicheskoe modelirovanie syrodutnogo protsessa proizvodstva zheleza* [Physical modelling of the cold oxygen process of the producing of iron]. *Arkheologiya i estestvennye nauki* [Archaeology and natural sciences]. Moscow, Nauka Publ. 1965. Pp. 196–215.
- Korobkova G.F. *Eksperimental'nyi metod v protsedure arkheologicheskogo issledovaniya* [Experimental method in the procedure of archaeological research]. *Predmet i ob'ekt arkheologii i voprosy metodiki arkheologicheskikh issledovaniy* [Subject and object of archaeology and the questions of methods of archaeological research]. Leningrad, 1975. Pp. 44–49.
- Malinova R., Malinova Ya. *Pryzhok v proshloe. Eksperiment raskryvaet tainy drevnikh epoch* [Leap into the Past. Experiment opens secrets of ancient epochs]. Moscow, 1988. 272 p.
- Snopkov S.V., Kharinskii A.V. *Metallurgicheskie gornyye Priol'khon'ya* [Metallurgic furnaces of Cis-Ol'khon district]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ulan-Bator, 5–9 sentyabrya 2012 g.)* [Ancient Cultures of Mongolia and Baikalian Siberia: Proceedings of the International Scientific Conference (Ulan-Bator, September, 5–9, 2012)]. Ulan-Bator, Mongol'skogo gosudarstvennogo universiteta Publ. 2012. Iss. 3. Pp. 241–246.
- Snopkov S.V., Matasova G.G., Kazanskii A.Yu., Kharinskii A.V., Kozhevnikov N.O. *Istochniki rudy dlya proizvodstva zheleza v drevnosti: Kurminskii arkheologicheskii uchastok* [Ore sources for the production of iron in antiquity]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* : sb. nauchnyi trudov pod red. A.V. Kharinskogo [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Volume of scientific works. Edited by A.V. Kharinsky]. Irkutsk, IrGTU Publ. 2012. Iss. 9. Pp. 10–30.
- Sunchugashev Ya.I. *Drevnyaya metallurgiya Khakassii* [Ancient metallurgy of Khakasia]. Novosibirsk, Nauka Publ. 1979. 191 p.

Сведения об авторах

- Снопков Сергей Викторович**, кандидат геолого-минералогических наук, методист Государственного бюджетного учреждения дополнительного образования Иркутской области «Центр развития дополнительного образования детей», доцент Иркутского государственного университета, 664007, Россия, г. Иркутск, ул. Красноказахья, 9, e-mail: snopkov_serg@mail.ru.
- Snopkov Sergei Victorovich**, PhD, Methodist of the State budget institution of additional education of the Irkutsk Region "Center of additional education for children", associate-professor of the Irkutsk State University, 9, Krasnokazachya str., Irkutsk, 664007, Russia, e-mail: snopkov_serg@mail.ru.
- Зарицкий Олег Павлович**, учащийся Государственного бюджетного учреждения дополнительного образования Иркутской области «Центр развития дополнительного образования детей», 664007, Россия, г. Иркутск, ул. Красноказахья, 9, e-mail: zaritskyp@yandex.ru
- Zaritsky Oleg Pavlovich**, learner of the State budget institution of additional education of the Irkutsk Region "Center of additional education for children", 9, Krasnokazachya str., Irkutsk, 664007, Russia, e-mail: zaritskyp@yandex.ru

УДК 94 (571.56) (=512.212)

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-36-44

АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ О СВЯЗЯХ ТУНГУСОВ С ИСТОРИЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© В.В. Ушницкий

В статье рассматривается связь этногенеза тунгусов с упоминаемыми в китайских источниках древними племенами, обитавшими на территории Маньчжурии и Приамурья. Изучается историография этногенеза эвенков, приводятся версии зарубежных и отечественных востоковедов и этнографов. Разбираются эвенкийские этнонимы, пограничные контакты с тюрко-монгольскими этносами.

Ключевые слова: этнография, тунгусоведение, эвенки, тунгусо-маньчжуры, китайские источники, историография, зарубежное востоковедение, этнонимы.

Формат цитирования: Ушницкий В.В. Анализ историографических версий о связях тунгусов с историей Центральной Азии // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 36–44. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-36-44

ANALYSIS OF THE HISTORIOGRAPHIC VERSIONS OF THE CONNECTIONS OF TUNGUSES WITH THE HISTORY OF CENTRAL ASIA

© V.V. Ushnitskij

The article considers how the Tungus ethno-genesis is connected with the ancient tribes who are mentioned in the Chinese sources and who inhabited in the territory of Manchuria and Priamurie. The article studies the historiography of studying an ethno-genesis of the Evenki, provides the versions of the foreign and home orientalists and ethnographers. The article investigates the Evenki ethnonyms, the boundary contacts with the Turkic-Mongolian ethnoses.

Keywords: ethnography, Tungus studies, the Evenki, the Tungus-Manchurians, Chinese sources, historiography, foreign oriental studies, ethnonyms

Citation format: Ushnitskij V.V. Analysis of the Historiographic Versions of the Connections of Tunguses with the History of Central Asia. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. Pp. 36–44. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-36-44

Этногенез тунгусов выступает в качестве ключевой проблемы при изучении этнокультурных процессов на территории Сибири и Дальнего Востока, а также этнической принадлежности археологических культур различных эпох, начиная с неолита. Между тем исследователи древних и средневековых культур этой территории, уделяя большое внимание народам палеоазиатских, тюрко-монгольских и маньчжурских языков, проходят мимо тунгусской проблемы. При этом появляются версии о позднем приходе эвенков с юга или о незаметном их присутствии в горных и та-

ежных районах. Поскольку проблема представляется ключевой при решении многих проблем древней истории огромного региона, то в данной статье ограничимся только постановкой проблемы; ее объективное изучение – задача целых исследовательских коллективов. Огромная территория расселения тунгусов вынуждает в каждом регионе их обитания проводить собственные исследования по времени прихода и сложения тунгусских групп на основе археологических, фольклорно-лингвистических и этнографических материалов. Также имеются известные труды по антро-

пологическим, генетическим и фольклорным материалам, сведениям в китайских источниках. Кроме Средней Лены и Колымского края остальную часть Якутии в XVII в. занимали многочисленные тунгусские роды, поэтому проблема этногенеза эвенков (тунгусов) становится ключевой в изучении многих аспектов археологии северного края. Дискуссионным и до сих пор нерешенным является вопрос присутствия тунгусов в Центральной Азии.

Иностранные путешественники и исследователи XVII–XVIII вв., побывавшие или писавшие со слов русских информаторов, восхищаются тунгусами как воинственным и пассионарным этносом. Тунгусские роды обитали на огромном пространстве от Енисея до Охотского моря, от Анабара и Таймыра до Амура. В ходе завоевания были ассимилированы аборигенные племена и роды. Антропологическое и археологическое изучение этногенеза тунгусов свидетельствует о глубокой древности пратунгусской культуры. Поэтому исследователи сошлись на том, что носители тунгусских языков прибыли с юга небольшими группами. При этом надо учитывать, что тунгусский язык носит привнесенный характер, а антропологический тип и культура – глубокие местные корни (Левин, 1958).

Нерешенной проблемой является также время и основа разделения единого тунгусского этноса на западных обь-енисейских «лесных» тунгусов, наносивших татуировку на лице, и восточных оленеводческих групп, для которых были характерными соответственно катангский и байкальский антропологический тип. Разделение на эвенков и эвенов состоялось в 30-е гг. XX в., однако еще исследователи периода Императорской России отличали охотских тунгусов – ламутов от эвенков. В XVI–XVII вв. иностранные авторы в своих записках о Сибири упоминают шелагов (шелагиры), шаманов (шамагир), буляшей в качестве отдельных этносов наряду с тунгусами. Поэтому надо полагать, что формирование эвенков-тунгусов в единый этнос происходило на глазах вместе с передвижениями эвенков-тунгусов в результате бегства от объясачивания и исчезновением воинственных аборигенных групп. Также нере-

шенной проблемой является время и место разделения единой тунгусо-маньчжурской семьи. К тому же маньчжурские и тунгусские языки столь сильно различаются друг от друга, что следует говорить о существовании двух или трех отдельных языковых семей, добавляя к ним амурские группы языков.

Яркий приверженец миграционной теории С.М. Широкогоров прародиной эвенков (тунгусов) считал реку Хуанхэ, тем самым отождествляя тунгусов с древними дунху. Более того он утверждал, что якуты – саха узнали в тунгусах Севера своих старинных врагов – дунху и окрестили их тунгусами (Shirokogoroff, 1929). Автор XVIII в. И. Георги считал, что самоназванием эвенков является слово донки (Георги, 2005). Из этого следует, что слово тунгус скорее является переводом их самоназвания на другие языки и не воспродуцируется от татарского слова «донгуз» – свинья и якутского «тон уус» – мерзлые люди.

Точка зрения, отождествляющая тунгусов и дунху, оказалась довольно устойчивой в зарубежной историографии. Так, Генрих Шурц родственные корейцам племена дунху и ухуань считает тунгусскими племенами, они после поражения от хуннов Маодуня удалились в горную страну нынешней Маньчжурии. Часть другого тунгусского народа – сяньби – переселилась в Корею и Маньчжурию (Шурц, 2004).

В.А.Туголуков самоназвание эвенков связывал с названием племени увань в китайской хронике VII в. Более того, этот средневековый народ знал оленеводство: «Оленей кормили мхом и впрягали в телеги» (Василевич, 1946). Есть мнение, что этноним увань встречался в письменных источниках значительно ранее VII в. одновременно с именем сяньби. Данное утверждение связывает уваней с древними ухуанями – ветвью дунху, много веков воевавших с хуннами и китайцами. Так этноним ухуань в древнекитайском прочтении читался как «овен» или даже «эвен» (Шавкунов, 1968).

И. Бичурин считал, что увани произошли от ухуаней: «На северо-восток от улоху (улохоу) в 200 с лишком ли, к северу от реки Нахэ, живут остатки древних ухуа-

ней, ныне также называют себя ухуань (И. Б.: Увань – другое чтение тех же иероглифов)» (Бичурин, 1953). По его информации, впоследствии восточные шивеи стали называться уванями: «На севере находятся восточные шивэи. Это остатки ухань (или увань), живших на юго-восточных окраинах» (Бичурин, 1953).

Эта старая гипотеза, отождествляющая предков тунгусов с племенами дунху, представляется еще не отжившей с научной точки зрения. Так Е.А. Хелимский язык племени аваров, обитавших на территории Венгрии в VI в., отнес к еще не разделенному пратунгусскому языку. Следовательно, предки аваров – жужани и другие племенные образования, которые китайская традиция относит к группе дунху, относились к тунгусо-маньчжурским народам (Хелимский, 2003).

Что интересно, аваров и раньше считали потомками ухуаней. Э. Паркер считал, что предками европейских аваров было племя Юэбань, которых Л.Н. Гумилев связывал с миграцией северных хуннов. Данный автор связывает с тунгусами известные племена дунху, тоба, сяньби и жужань. Реальное прочтение имени народа Юэбань, по его мнению, будет евань или евар (там же) (Паркер, 2003).

Европейских аваров и племя Юйвень в Средней Азии – потомков хуннов связывали с ухуанями. По утверждению немецкого тюрколога И. Маркварта, китайский слог *пень* (бань) является санскритским Вар. Китайский слог *юе* дает заглавную букву *Е*. Отсюда хуннское ханство Юебань в Средней Азии в китайской транскрипции восстанавливается как Евань или Евар. Предками тех же хи или кумохи, искомым урянха был род южного шаньюя хунну Юйвень, поселившийся среди дунху. Название этого племени тоже соотносили с названием Увань (Маркварт).

Таким образом, в зарубежной и российской историографии имеется устойчивая традиция, связывающая этногенез эвенков с группой племен дунху. Этнонимы эвен и эвенки возводятся к названию племени увань, которых китайская традиция считает потомками ухуаней.

Я.И. Линденау первым высказал версию о происхождении этнонима эвенки от эвенкийского слова эвенки «поперек», что, в общем-то, совпадает с семантикой этнонима «горные люди». Напомним, что название племени Ухуань по китайской хронике воспроизводится от названия одноименной горы, где нашли свое убежище разбитые Маодунем дунху. Следовательно, увани тоже характеризуются как горный этнос. Сравним и тот факт, что этноним уранкай тоже выводится от тунгусского слова урэнкэн «житель горной тайги» (Василевич, 1966).

На основе изучения памятников сяньбийского языка ориенталисты установили принадлежность языка группы племен дунху к монгольской группе и тем самым отвергли мнение о тунгусоязычности ухуаней и сяньби. Поэтому, не имея обширной доказательной базы, взгляды Е. Хелимского и других вышепричисленных авторов о принадлежности авар и ухуаней к тунгусам остаются пока на гипотетическом уровне.

В.А. Туголуков формирование тунгусов связал с народом Хи (кумохи), упоминаемом в китайских источниках, от которых отделились увани (Туголуков, 1980; 1985). Хисцы, согласно Н.В. Кюннеру, считаются носителями самоназвания уранкай, издревле обитавших в Северо-Западной Маньчжурии (Кюннер). По гипотезе В.А. Туголукова, этногенез тунгусов связан с миграцией хисцев или кумохи в XII в. из территории Аргуни и Верхнего Амура в сопредельные районы Амура, Байкала и Лены (Туголуков, 1980). Поскольку носителей названий хи (кумохи) и уранкай большинство исследователей относят к монголоязычным этносам, то, возможно, монголоязычные хисцы (уранкайцы) могли быть ассимилированы тунгусами – аборигенами глубинных районов Сибири.

Г.М. Василевич собрала материалы, свидетельствующие о том, что этнонимы «уранкай» и «эвенки-уранхай» были самоназваниями древних эвенков (Василевич, 1966). Весьма любопытно, что Г.М. Василевич на основе китайских источников сделала вывод о том, что еще в X в. одни уранкай были оленными охотниками, что, по ее словам, подтверждает ее гипотезу о том,

что уранкаи – это горно-таежные охотники – тунгусы. Другие уранкаи могли иметь скотоводческое хозяйство, это были те уранкаи, которые преподносили дань крытыми носилками (Василевич, 1966).

Г.В. Ксенофонтов выдвинул гипотезу об образовании имени «уранхай» от тунгусского слова «орон» – олень. По его утверждению, якутские уранкаи принадлежали к тунгусским племенам Маньчжурии, но уже в древности утратили свои этнические признаки и усвоили целиком турецкий язык и культуру (Ксенофонтов, 1993). Однако современные исследователи тунгусо-маньчжурских народов не связывают этнонимы «орончон» или «орочи» с уранкайцами. Семантика имени улухоу связывается с тунгусским этнонимом ороки, обозначением тунгусоязычного народа в Маньчжурии. Другими исследователями улухоу связываются с урянхайцами, издревле обитавшими по Восточному Хингану, где предок монголов Добун-Мерген встречает урянхайца, поделившегося с ним оленьей (Викторова).

Уранкайцы в летописях поздних китайских династий отдельно упоминаются под именами улянха, волянха. Например, в китайской летописи уранкаец (волянха) нарисован в короткой, распашной меховой одежде и в коротких штанах, к которым спереди прикреплен передник из листьев, ноги босые, а курыканы и туматы «подобно татарам» изображались в длинных халатах и сапогах (Василевич, 1966).

Мукринов – центральноазиатский этнос, тоже подозревали в связях с тунгусами, их еще отождествляли с меркитами и дальневосточными мохэ. Мукрины или мекри (бекри) обитали еще в территории Восточного Туркестана, куда они проникли в глубокой древности. После распада державы Таншихая возникла «Западная сяньбийская орда», состоявшая из дружин, оставшихся на завоёванной территории. Сяньбийцы включали всех покорённых в свои войска, поэтому западных и восточных «мохэ» следует считать народом одного происхождения (Гумилев, 1966).

Это племя можно найти в составе тюргешей в тесном сожительстве с родами согэ и алишэ. В исторической литературе по по-

воду «мукри» высказано два мнения. Маркварт отождествлял их с меркитами. Э. Шаванн полагает, что «мукри» – это приамурский народ тунгусского племени, впоследствии называемый китайцами «мохэ» (Гумилев, 1993).

В источнике XIII в., в Восточном Туркестане зафиксированы «мукри». Рашид ад-дин сообщает о них следующее: «Племя бекрин, их также называют мекрин. Жилище их находится в стране Уйгуристан, в крепких горах. Они не монголы и не уйгуры» (Рашид-ад-дин, 1952). Эти мекрины были хорошими ходоками по горам – скалолазами (киачи) (Рашид-ад-дин, 1952). Таким образом, исследователями для древних тунгусов характерным считается этнотип горного охотника. Только впоследствии с ними стали связывать образ оленеводов тундры и пеших таежных охотников.

Если следовать исторической логике трудов отечественных исследователей, то в эпоху становления Монгольской империи тунгусское население отсутствовало на территории Центральной Азии и Байкальского региона. Но в работах китайских и европейских путешественников в Монголию XIII в. упоминаются некие водяные (су) моголы или татары (Карпини, 1997). Эти водяные татары знали только рыболовство и охоту, скотоводством не занимались. Бурхотуйскую культуру Забайкалья, по материальной культуре составленную предками тунгусов, идентифицируют с дикими или водяными татарами.

Историк из Внутренней Монголии Сайшиял племя татар считает тунгусским по происхождению. Так называемые «татары девяти родов», кочевавшие по долинам рек Тола и Орхон, стали кереитским аймаком, «гажилские» татары стали онгутским аймаком, «татары гочинского рода», кочевавшие в районе озер Кулун и Буир, стали собственно татарским аймаком, главным племенем (Сайшиял, 2008).

М.П. Алексеев и Г. Юль тунгусов видят в мекритах. Надо напомнить, что по Марко Поло, мекриты занимались оленеводством и охотничьим промыслом. Более того, Юль в этом описании усматривает ясное указание на ландшафт между Якутском и Колымой, замечая при этом: «очевидно М. Поло

получил сведения от очевидцев» (Алексеев, 1941).

По утверждению В.А.Туголукова, следы вакараев – потомков меркитов – встречаются на весьма обширном пространстве Северной Сибири. Вакараев он считает пионерами проникновения тунгусов на Северо-Восток Сибири (Туголуков, 1980). Однако вакарай скорее связан с юкагирским *вагариль*, означающим «предок, родоначальник», *вагариил* «исконные, коренные» (название рода тундренных юкагиров).

Этноним мекри (бекри) связывается с мукринами – потомками древних мохэ (мукрин считается санскритской транскрипцией имени мохэ). В китайских названиях «уцзи» и «мохэ», корейском «мульгиль» и «мальгаль», тюркском «муглиг», санскритском «мукри» Э.В. Шавкунов видит различные варианты одного и того же имени, реконструированного как «монголи». Следовательно, через корейское мальгаль, которое представляется древним китайским прочтением этнонима мохэ, можно разгадать загадку этнонима монгол (Шавкунов, 1968). Еще Н.Я. Бичурин предполагал, что свое имя монголы могли позаимствовать от хэйшуй мохэ (Бичурин, 1952).

К тому же среди тунгусов Нижней Тунгуски были рода под именем монгали. Однако подвергается сомнению тождество корейского этнонима мальгаль с мохэ, под этим именем в корейских источниках, возможно, выступают племена мукри. Племена с названия мукри, мекрит существовали в одну эпоху с монголами, что свидетельствует о том, что мохэ и монголы – различные племена.

Значит, можно поставить вопрос о связи этногенеза тунгусов с дальневосточными мохэ, которых считали тунгусоязычными, но в последнее время стали относить к палеоазиатам. К тому же они считаются предками маньчжуров, разделение единого тунгусо-маньчжурского этноса некоторые исследователи относят к X–XII вв., когда чжурчжэни стали проникать в таежные районы под давлением армии киданей (Туголуков, 1985). Однако маньчжурские и тунгусские языки настолько далеко отстоят друг от друга, что возможное их родство

или тесное соседство относится к временам неолита.

На основе изучения большой краниологической серии Троицкого могильника антропологи пришли к мнению о том, что мохэские племена Амура не являются предками того или иного современного тунгусоязычного народа. По их данным, мохэские племена участвовали в формировании нанайцев, ульчей и удэгейцев, но не принимали участия в процессе этногенеза эвенков и эвенов (Алексеев, 1989).

А.П. Окладников правильно утверждал, что если бы исходной основой для формирования всей массы тунгусо-маньчжурской группы племен, широко рассеянной по Сибири, послужили маньчжуры, то в основе тунгусской культуры должны были находиться элементы начальной земледельческой цивилизации и древнего свиноводства (Окладников, 2003).

В связи с саянской теорией прародины эвенков этноним тунло (тонгра) следует связывать с тунгусами. Среди башкиров есть племя тангаур. Значит, впервые этноним тунгус появляется среди племен теле. Тувинский этноним *донгак* сравнивался с названием керейтского племени донгхаит (тункаит), который возводится к названию племени *тунго* или *дунго* (видимо, *тунло* – У.В.). Напомним, что этноним *тунгус* возводится к самоназванию эвенков – *донки* (Татаринцев, 1986).

С.И. Вайнштейн считал, что территория расселения эвенков простиралась до Восточного Присаянья, и они периодически проникали в Саяны. Действительно, оленеводство, характерное для тувинских горнотаежных групп, могло появиться среди субстратных групп, позднее тюркизированных (Вайнштейн, 1972). Существует мнение о локализации прародины тунгусов на территории, в которую входят Саяно-Алтай, Западная Монголия и юг Байкала (Ермолова, 1996).

Тувинские роды маады (маты) и маторы вполне могут иметь эвенкийское происхождение. Так имеется эвенкийское слово маты: «незнакомец, гость, сосед». В.П. Дьяконова писала, что *маады* были охотниками и собирателями, подобно эвенкам, которые были охотниками (Дьяконова,

2000). Г.Ю. Клапрот в свое время высказывал мнение о том, что *койбалы* (позднее – часть хакасов) происходят от эвенков (тунгусов). Койбалы же считались ранее отдельным родом самодийскоязычных маторов. Поэтому Б.И. Татаринцев считает, что предками родоплеменной группы под названием маады вполне могли быть тюркизированные тунгусы (Татаринцев, 2007).

Еще советские этнографы Г.М. Василевич и В.А. Туголуков обратили внимание на большое количество совпадений в названиях тунгусских родов с названиями средневековых монгольских племен. Например, этноним сартаул (сортол) и хатагин (хатыгыны) в составе конных эвенков и северных групп саха сравнивается с названиями монгольских племен сартаул и хатагин.

У тунгусов Якутии имелись рода хатыгын, иологир, угулят. Их названия В.А. Туголуков связывает с именами известных племен Центральной Азии: хатагин, джалаир и угулят. Так проникновение иологиров в Сибирь он связывает с бегством джалаирского хана Чжебке от Чингизхана «в страну Баргузинскую» (Туголуков, 1985). Среди виллойских и оленекских саха зафиксирован этноним *угулээт*, когда-то являвшийся названием одного крупного отдела ойратов.

Однако среди представителей этих тунгусских родов не сохранилось фольклорных свидетельств об их монгольском происхождении, и их культура не имела ничего общего с культурой монгольских народов. Эти обстоятельства дают нам повод пересмотреть точку зрения о позднем вхождении групп монгольского происхождения в состав эвенкийского этноса.

Если попытаться разобраться, то сходство между монгольскими и тунгусскими этнонимами чисто внешнее. Так название эвенкийского рода Увалакагир (якутское *угулээт*) возводится от слова «несущий поклажу», название ойратского племени – угулят от слова огулеху – «кричать, орать на кого-то» (в якутском будет угулуур). Имя тунгусского рода *кояты* Г.М. Василевич отождествила с названием монгольского племени *кият*, чье название через окружающие хребты попало к юкагирам. Их вероятными потомками являются эвены рода

Кеймети, от слова «смотрящий», «глядящий» (Кейметинов, 1996). Однако все это чисто народные этимологии, основанные на поздних языковых материалах.

Тунгусов можно увидеть в племени «*да шивей*», имевших «непонятный язык» и обитавших в труднодоступной местности. Иероглиф «да» обозначает большой и совпадает с названием племени дахань – большой народ, который Н.В. Кюннер также помещал в территории Южной Якутии. Отнесение их к шивейской группе племен, обычно считающейся монголоязычной, исследователи объясняют тем, что они ранее могли быть зависимыми от древних сяньби. По китайским источникам к VIII в. относится экспансия больших *шивей* в район Амура и вытеснение ими оттуда остальных племен шивей, считающихся монголоязычными. Видимо, тогда началось распространение эвенков из территории Южной Якутии в Приамурье, Забайкалье и в Маньчжурии.

Формирование тунгусов можно связать с группой племен, обозначаемых в китайских источниках под именем «*шивей*», занимавших обширные регионы. Этноним шивей переводится как Сибирь~Шибир. В целом данный этноним связывается с названием обширной таежной области, ставшей известной под именем Сибирь. В Маньчжурии существует народность сибо, в Западной Сибири имеются предания о древнем народе Сыбыр, предположительно они являются предками хантов и манси. Шивеи в целом считаются предками монголов и других монголоязычных народов. Однако они частью обитали в Приамурье и Восточном Забайкалье; в пограничной, контактной зоне между монголо- и тунгусо-маньчжурскими народами. Поэтому археологи испытывают большие затруднения в идентификации мохэской и шивейской культуры. Ухуани или же увани, ассимилируя северные шивейские племена, сами подверглись отунгушению со стороны больших шивеев. Так среди тунгусских групп появились общие этнонимы с монголоязычными народами.

Статья поступила 22.04.2016 г.

Article received 22.04.2016 г.

Библиографический список

- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. 232 с.
- Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 446 с.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1953. Т. III. 332 с.
- Василевич Г.М. Уранкай и эвенки // Доклады по этнографии. Л., 1966. Вып. 3. С. 60–70.
- Василевич Г.М. Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов: автореф. монографии... канд. ист. наук, 1946.
- Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972. 314 с.
- Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. М., 1961. Вып. II. С. 103–113.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Тов-во «Клышников и Комаров и К», 1993. 520 с.
- Георги И.Г. Описание народов российской империи. СПб., 2005. 816 с.
- Дьяконова В.П. Тувинский этнический компонент маады // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2000. С. 104–105.
- Ермолова Н.В. Возвращаясь к тунгусской проблеме: поиск исторических истоков эвенков – и новые предположения // Сибирь. Древние этносы и культуры. СПб., 1996. С. 123–128.
- Карпини П. Дель. История монголов. Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. 4-е изд. М.: Мысль, 1997. 460 с.
- Ксенофонов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск, 1992 (1937). Т. I. Кн. I. 416 с.
- Кейметинов В.А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии. Якутск, 1996. Ч. 1. 86 с.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 1961. 281 с.
- Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958. 359 с.
- Маркварт И. О происхождении народа куманов // Сайт «Великая степь» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml> (Дата обращения 22.06.08).
- Окладников А.П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 2003. С. 393–413.
- Паркер Э.Х. Тысяча лет из истории татар. Казань: Идель-пресс, 2003. 288 с.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 1–2. 221 с.
- Сайшиял. Сказание о Чингисхане / пер. со старомонгольского Норпола Очирова. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. 576 с.
- Татаринцев Б.И. Проблемы изучения тувинской этнонимии (на примере некоторых предполагаемых этнонимов монгольского происхождения). Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986. С. 64–86.
- Татаринцев Б.И. Тунгусский след в этнонимии Южной Сибири // Учебные записки ТИГИ. Кызыл, 2007. Вып. XXI. С. 177–189.
- Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 152–177.
- Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 285 с.
- Хелимский Е. Тунгусо-маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология // Материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов, Любляна, 15–21 августа 2003. Hamburg, 2003. С. 1–13.
- Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 128 с.
- Шурц Г. История человечества: Средняя Азия и Сибирь. СПб.: Полигон, 2004. 204 с.
- Shirokogoroff S.M. Social organisation of the northern tungus Shanghai, 1929.

References

- Alekseev M.P. *Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeiskikh puteshestvennikov i pisatelei* [Siberia in reports of West-Europeans travelers and writers]. Irkutsk, 1941. 232 p.
- Alekseev V.P. *Istoricheskaya antropologiya i etnogenez* [Historic anthropology and ethnogenesis]. Moscow, Nauka Publ. 1989. 446 p.
- Bichurin N.Ya. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of data of the peoples lived in the Middle Asia in ancient times]. Moscow-Leningrad, 1953. Vol. III. 332 p.
- D'yakonova V.P. *Tuvinskii etnicheskii komponent maady* [Tuva's ethnic component of Maadu]. *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa* [Cultural heritage of peoples of the Siberia and North]. St. Petersburg, 2000. Pp. 104–105.
- Ermolova N.V. *Vozvrashchayas' k tungusskoi probleme: poisk istoricheskikh istokov evenkov – i novye predpolozheniya* [Back to the Tungus problem: search of historical sources of Evenks and new hypotheses]. *Sibir'. Drevnie etnosy i kul'tury* [Siberia. Ancient ethnoses and cultures]. St. Petersburg, 1996. Pp. 123–128.
- Georgi I.G. *Opisanie narodov rossiiskoi imperii* [Description of peoples of the Russian Empire]. St. Petersburg, 2005. 816 p.
- Gumilev L.N. *Drevnie tyurki* [Ancient Turkeys]. Moscow, Klyshnikov i Komarov i K° Publ. 1993. 520 p.
- Gumilev L.N. *Tri ischeznuvshikh naroda* [Three historical ethnoses]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Moscow, 1961. Ussue II. Pp. 103–113.
- Karpini Plano Dzh. Del'. *Istoriya mongolov* [History of Mongols]. *G. de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany* [Journey to the Eastern Countries]. Moscow, Mysl' Publ. 1997. 460 p.
- Keimetinov V.A. *Aborigennaya (even-skaya) toponimika Yakutii* [Aboriginal (Evenk's) toponymy of Yakutia]. Yakutsk, 1996. Part 1. 86 p.
- Khelimskii E. *Tunguso-man'chzhurskii yazykovoii komponent v Avarskom kaganate i slavyanskaya etimologiya* [Tungus-Manchurian linguistic component in Avar Khanate and Slavic etymology]. *Materialy k dokladu na XIII Mezhdunarodnom s'ezde slavistov, Lyublyana, 15–21 avgusta 2003* [Proceedings of the XIII International Congress of slavists, Lyublyana, August, 15–21, 2003]. Hambyrg, 2003. Pp. 1–13.
- Ksenofontov G.V. *Uraankhai-sakhalar. Ocherki po drevnei istorii yakutov* [Uryankhai-Sakhalar. Sketches of the ancient history of Yakuts]. Yakutsk, 1992 (1937). Vol. I. Book I. 416 p.
- Kyuner N.V. *Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka* [Chine's reports about peoples of the Southern Siberia, Central Asia and Far East]. Moscow, Vost. lit. Publ. 1961. 281 p.
- Levin M.G. *Etnicheskaya antropologiya i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka* [Ethnic anthropology and the problem of ethnogenesis of peoples of the Far East]. Moscow, 1958. 359 p.
- Markvart I. *O proiskhozhdenii naroda kumanov* [About the origin of the Kuman people]. Available at: <http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml> (June 22, 2008).
- Okladnikov A.P. *Tunguso-man'chzhurskaya problema i arkheologiya* [Tungus-Manchurian problem and the archaeology]. *Arkheologiya Severnoi, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [Archaeology of the Northern, Central and Eastern Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ. 2003. Pp. 393–413.
- Parker E. Kh. *Tysyacha let iz istorii tatar* [Thousand years of the history of Tatar]. Kazan', Idel'-press Publ. 2003. 288 p.
- Rashid-ad-din. *Sbornik letopisei* [Collection of histories]. Moscow-Leningrad, 1952. Vol. I. Book 1–2. 221 p.
- Saishiyal. *Skazanie o Chingiskhane. Per. so staromongol'skogo Norpola Ochirova* [Legend of Genghis Khan. Translated from Old Mongolian by Norpol Ochirov]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ. 2006. 576 p.
- Shavkunov E.V. *Gosudarstvo Bokhai i pamyatniki ego kul'tury v Primor'e* [State Bokhai and sites of its culture in Primor'e]. Leningrad, Nauka Publ. 1968. 128 p.

Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus Shanghai, 1929.

Shurts G. *Istoriya chelovechestva: Srednyaya Aziya i Sibir'* [History of mankind: Middle Asia and Siberia]. St. Petersburg, Polygon Publ. 2004. 204 p.

Tatarintsev B.I. *Problemy izucheniya tuvinskoj etnonimii (na primere nekotorykh predpolagaemykh etnonimov mongol'skogo proiskhozhdeniya). Issledovaniya po tuvinskoj filologii*. [Problems of research of the Tuva's toponymy (upon the case of some supposed Mongolian ethnonyms). Researches of Tuva's philology]. Kyzyl, 1986. Pp. 64–86.

Tatarintsev B.I. *Tungusskii sled v etnonimii Yuzhnoi Sibiri* [Tunguss track in ethnonymy of the Southern Siberia]. *Uchebnye zapiski TIGI* [Learning notes TIGI]. Kyzyl, 2007. Ussue XXI. Pp. 177–189.

Tugolukov V.A. *Etnicheskie korni tungusov* [Ethnic routes of Tungus]. *Etnogenez narodov Severa* [Ethnogenesis of the peoples of North]. Moscow, Nauka Publ. 1980. Pp. 152–177.

Tugolukov V.A. *Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri* [Tunguses (Evenks and Evens) of the Middle and Western Siberia]. Moscow, Nauka Publ. 1985. 285 p.

Vainshtein S.I. *Istoricheskaya etnografiya tuvintsev* [Historical ethnography of Tuvinians]. Moscow, 1972. 314 p.

Vasilevich G.M. *Materialy yazyka k probleme etnogeneza tungusov* [Data of the language to the problem of the origin of Tungus]. Leningrad, 1946.

Vasilevich G.M. *Urankai i Evenki* [Uryankhai and Evenks]. *Doklady po etnografii* [Reports on ethnography]. Leningrad, 1966. Ussue 3. Pp. 60–70.

Сведения об авторе

Ушницкий Василий Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИГиИПМНС СО РАН (Якутск), 677000, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1, e-mail: voma@mail.ru

Ushnitskij Vasilij Vasil'evich, PhD, researcher, Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, 1, Petrovskogo str., Yakutsk, 677000, Russia, e-mail: voma@mail.ru

УДК 94

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-45-67

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОЛДЫРЕВ: ФИЛОСОФ, УЧЕНЫЙ, ПУБЛИЦИСТ И ОРГАНИЗАТОР ДРУЖИН СВЯТОГО КРЕСТА

© М.Г. Ситников

Статья посвящена идеологу крестоносного движения на Востоке России Дмитрию Васильевичу Болдыреву. Информация, выложенная на сайтах, в большинстве случаев повторяет друг друга. В данной статье впервые использованы материалы метрических книг Санкт-Петербурга, послужные списки Петербургского и Пермского университетов, воспоминания сестры Дмитрия Васильевича – Анны и полковника Г.В. Енборисова, а также читатель увидит фотографии жены и сына Дмитрия Васильевича. Впервые читатель познакомится со знаменитой семьей генерал-лейтенанта Болдырева.

Ключевые слова: студент, профессор, философское общество, университет, историко-филологический факультет, гражданская война, Пермь, адмирал Колчак, крестоносцы, восьмиконечный крест, Зеленое знамя и полу-месяц.

Формат цитирования: Ситников М.Г. Дмитрий Васильевич Болдырев: философ, ученый, публицист и организатор Дружин Святого Креста // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 45–67. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-45-67

DMITRY VASIL'EVICH BOLDYREV: PHILOSOPHER, SCIENTIST, WRITER AND ORGANIZER OF SQUADS OF THE HOLY CROSS

© M.G. Sitnikov

The article is devoted to ideologist of the crusading movement in the East Russia Dmitry Vasil'evich Boldyrev. Published on web-sites information in most cases repeat each other. In this article for the first time there are published data of metric books of St. Petersburg, track records of the St. Petersburg and Perm universities, memories of Dmitry Vasil'evich's sister – Anna and Colonel G.V. Enborisov as well as the photos of his wife and son. For the first time the reader will introduce with the famous family of General-Lieutenant Boldyrev.

Keywords: student, professor, Philosophical Society, University, History and Philology Department, the Civil War, Perm, Admiral Kolchak, the Crusaders, the eight-pointed cross, Green banner and crescent

Citation format: Sitnikov M.G. Dmitry Vasil'evich Boldyrev: Philosopher, Scientist, Writer and Organizer of Squads of the Holy Cross. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. Pp. 45–67. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-45-67

В истории гражданской войны на Урале и в Сибири еще много «белых пятен». Это в полной мере относится к Дмитрию Васильевичу Болдыреву. Чего только не написано о нем в Интернете. Мифы переписываются из статьи в статью. Но все же появляются архивные материалы и воспоминания современников, позволяющие восстановить жизнь и творчество нашего героя. Данная публикация дополняет и разви-

вает статью 2006 г. (Ситников, Дмитриев, 2006).

Философ, ученый и публицист

20 марта 1885 г. у помощника военного прокурора Петербургского военного окружного суда подполковника Болдырева Василия Ксенофоновича и его супруги Ольги Васильевны родился сын Димитрий

(Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИАСПб) Ф. 19. Оп. 125. Д. 487. Л. 266 об., 267). Это был не первый ребенок в семье. 5 мая 1883 г. у них родился первенец – Николай (ЦГИАСПб Ф. 19. Оп. 125. Д. 418. Л. 89 об., 90).

Как писала его сестра Анна (Анна Васильевна Казакова-Болдырева (23.04.1898 – 22.05.1969)): «Нас было семь человек детей – четыре брата и три сестры. Между старшими и младшими громадная разница. Старших побаивались и тянулись к ним восторженно. Если старшие снисходили до нас, маленьких, мы были счастливы.

Все затеи сверху принимались с восторгом, а Д.В. [Дмитрий Васильевич], второй по старшинству брат, – затейник был большой. Уже одна комната его, занимавшая совершенно изолированное положение в нашей большой казенной квартире в Петербурге, представляла для детей притягательную силу» (Казакова, 1936. С. 23). Семья подполковника В.К. Болдырева жила в Санкт-Петербурге в Аничкином дворце.

Итак, кроме названных братьев были двойняшки: Василий и Ольга (20.02.1891), брат Александр (18.05.1896) и еще две дочери: Наталья (27.09.1888) и Анна (23.04.1898).

4 июня 1903 года Дмитрий окончил полный курс 1-го Кадетского корпуса и получил аттестат зрелости (ЦГИАСПб Ф. 14. Оп. 3. Д. 42835. Л. 1, 3, 3 об.). «Когда в мо-

лодом Диме пробудилась творческая самобытность? – спрашивала себя его сестра Анна. – В детстве и отрочестве ничем он себя не проявлял, не высказывал особой религиозности, был слепком старшего брата Николая, от которого впоследствии разнился и характером, и идеалами. Из корпуса вслед за братом он потянулся в университет, не пожелав продолжить дело отца (Казакова, 1936. С. 28).

29 августа 1903 г. он подал прошение ректору Санкт-Петербургского университета о принятии его в число вольнослушателей историко-филологического факультета. С 29 января 1904 года он добивается права посещать лекции указанного выше факультета, а с 12 сентября 1904 г. стал вольнослушателем. Через год (20.06.1904) подал прошение ректору Санкт-Петербургского университета о принятии его в число студентов естественного факультета и 23 августа был зачислен в университет. 13 сентября Болдырева зачисляются в действительные студенты историко-филологического факультета (ЦГИАСПб Ф. 14. Оп. 3. Д. 42835. Л. 1, 3, 3 об.).

Вспоминая детство, Анна Болдырева писала: «Раз в году, Д.В., вместе с старшим братом, устраивал придуманную им «бесплатную очистительную лотерею». Всякое ненужное старье, которое за год накапливалось в каждой семье, стаскивалось в один прекрасный день в комнату Д.В. Затем на

Рис. 1. Василий Васильевич Болдырев
Fig. 1. Vasilii Vasil'evich Boldyrev

Рис. 2. Анна Васильевна Болдырева
Fig. 2. Anna Vasi'evna Boldyreva

все эти старые вещи наклеивались билетки, составлялась программа, и рассылались приглашения всем домашним и близким друзьям.

Перед началом лотереи брат держал импровизированную речь и зачитывал список вещей, фигурировавших под громкими названиями: например, этрусская ваза, – старое ведро из бересты, ценный медицинский препарат – простая касторка, остатки допотопного животного – знаменитый коровий хвост, и, наконец, таинственный гвоздь лотереи – громадный настоящий гвоздь».

Дмитрий Васильевич всю жизнь любил и умел смеяться и заставлять смеяться других. Где был он – там был смех (Казакова, 1936. С. 25, 27).

В университете начался его самостоятельный путь. Занятия на историко-филологическом факультете, посещение Гейдельбергского и Марбургского германских университетов, где он прослушал цикл лекций по германской философии во время учебы, петербургские религиозно-философские кружки, близкое общение с историком Лаппо-Данилевским, профессорами: Лосским, Карташевым, Карсавиным и др. сформировало его как философа (Казакова, 1936. С. 29).

Какие же кружки мог посещать молодой Болдырев?

В 1897 г. в Санкт-Петербурге возникло Философское общество, издававшее труды – переводы классиков мировой философии. В 1905/06 гг. вокруг книгоиздательства «Путь» образовалось Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева. Подобное же Религиозно-философское общество было создано и в Санкт-Петербурге (1907–1917), издававшее «Труды Санкт-Петербургского религиозно-философского общества».

29 декабря 1909 г. в выше указанном обществе состоялся доклад С.И. Гессена «Мистика и метафизика». Участниками дискуссии были: С.Л. Франк, В.А. Базаров, В.В. Успенский, Г.А. Ландау, А.Б. Селиханович, Д.В. Болдырев, Г.С. Петров и К.Ф. Жаков.

31 января 1910 г. Д.В. Болдырев представил доклад «Бранд и Зосима как религи-

Рис. 3. Дмитрий Болдырев – студент Санкт-Петербургского университета
Fig. 3. Dmitry Boldyrev – student of St. Petersburg University

озные типы». Участниками дискуссии были: С.П. Каблуков, С.А. Алексеев, В.П. Протейкинский, Вяч. И. Иванов (Краткая история...).

Таким образом, следы присутствия Болдырева в одном из обществ прослеживаются. 3 мая 1910 года Болдырев получил свидетельство об окончании полного курса наук на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (ЦГИАСПб Ф. 14. Оп. 3. Д. 42835. Л. 35). «И уже вскоре, по окончанию университета о нем говорили в петербургских кружках, как о крупном таланте и профессор Лаппо-Данилевский, его учитель, знакомясь с молодой женой Дмитрия Васильевича, сказал: «Вот ученик, переросший своего учителя» (Казакова, 1936. С. 29). А женился он на потомственной дворянке Евгении Арефьевне Шестаковой (30.07.1881) 5 октября 1911 года (ЦГИАСПб Ф. 144. Оп. 2. Д. 11. Л. 8). Она закончила гимназию Таганцева в Петрограде, затем год высших Бестужевских курсов и, наконец, три года в Платоновском педагогическом институте на физико-математическом отделении (Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5018. Л. 1).

24 августа 1912 года Болдырев был оставлен в университете для приготовления к

**Рис. 4. Евгения Арефьевна Болдырева
(урожденная Шестакова)**

**Fig. 4. Eugenia Aref'evna Boldyreva
(born as Shestakova)**

профессорской и преподавательской деятельности сроком на два года, до 1 июня 1914 г. (ЦГИАСПб Ф. 14. Оп. 1. Д. 10636. Л. 2, 18). Продление происходило несколько раз. Последний срок – 1 февраля 1918 года (ЦГИАСПб Ф. 14. Оп. 1. Д. 10636. Л. 49).

С 22 мая 1914 г. он – преподаватель русского языка и истории 1-го Кадетского корпуса. Он также подает прошение директору Санкт-Петербургской гимназии и реального училища К.И. Маю о предоставлении ему уроков философской пропедевтики и 7 августа такое право ему предоставляют. В 1915 году его преподавательская практика прекращается (ЦГИАСПб Ф. 144. Оп. 2. Д. 11. Л. 2–5).

Наряду с научно-педагогической деятельностью, Дмитрий Васильевич состоял сотрудником журнала «Русская Мысль», где в 1915 г. в № 11–12 опубликовал статью «Огненная купель», а в 1917 году в № 11–12 – материал «Большевизм в церкви». С 1917 г. Болдырев также сотрудничал с журналом «Русская Свобода», в котором вышла целая серия его статей: «Голос из гроба», «Церковные впечатления», «Официальная революция» (Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 3). В 1917 г. в Петрограде вместе с А.В. Карташевым и Н.О. Лосским Дмитрий Васильевич основал «Братство Св. Софии». 27 января 1916 года у четы Болдыревых родился сын, которого назвали в честь деда – Василием (ГАХК Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5013. Л. 1). А 8 декабря дед умер (Жизнь Алтая (Барнаул). 1916. 9 декабря).

Рис. 5. Дмитрий Васильевич Болдырев

Fig. 5. Dmitry Vasil'evich Boldyrev

1918 год круто изменил жизнь всей большой семьи Болдыревых, как, впрочем, и всей страны. В Петрограде начались аресты, расстрелы, проблемы с продовольствием и т. д.

Семья решает переехать в Пермь. Почему?

29 мая 1917 г. старший сын Болдыревых, Николай, был командирован в Пермь для чтений лекций в только что открывшемся университете в качестве исполняющего профессора по кафедре государственного права, но уже по дороге он был перенаправлен в Саратовский университет

**Рис. 6. Часовня Стефана Великопермского
(Пермь)**

**Fig. 6. Chapel of Stefan Velikopermsky
(Perm')**

(ЦГИАСПб Ф.14. Оп.1. Д. 10221. Л. 106). Летом 1918 года в Пермь выехал Василий, окончивший Петроградский университет. 19 июня 1918 г. его представил на физико-математическом факультете профессор Ламанский, и с 25 июня он становится младшим ассистентом Пермского университета по кафедре географии (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 29. Л.1–3).

30 июля 1918 г. его назначают заведующим инструментально-измерительным отделом и отправляют в командировку в Москву и Петроград для приобретения приборов для кафедры метрологии и физической географии (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 29. Л. 7), откуда он возвращается с матерью, сестрой Анной и братьями: Дмитрием и Александром. Семья поселилась в доме 33 по Соликамской улице (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 7. Д. 55. Л. 1).

15 августа 1918 г. Александр подает заявление в Пермский университет как вольнослушатель историко-филологического факультета Петроградского университета, закончивший там 6 семестров (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 4. Д. 356. Л. 1–3). 16 августа Анна Болдырева подает прошение на имя ректора Пермского университета о зачислении ее вольнослушательницей на 4-й курс юридического факультета. В Петербурге она училась на 4-м курсе юридического факультета Петербургских Высших женских курсов (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 7. Д. 55. Л. 1).

В этот же день Дмитрий Васильевич пишет заявление в Пермский университет об устройстве на работу на должность приват-доцента историко-филологического факультета (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 13). Официальная версия гласила, что В.Д. Болдырев приехал на Урал для соискания звания приват-доцента путем защиты диссертации «pro via legendi» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 13).

Деканом историко-филологического факультета Пермского университета был Анатолий Иванович Сырцов, который окончил в 1912 году историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета с дипломом I степени, и был оставлен при кафедре философии для приготовления к профессорскому званию (до

1 января 1915 года). В это же время (с 24 августа 1912 г.) Дмитрий Васильевич также проходил подготовку к профессорской и преподавательской деятельности сроком на два года, до 1 июня 1914 г. В 1916 году Сырцов был командирован в Пермь для чтения лекций и проведения практических занятий, так что они были знакомы еще по Петербургу.

Болдырев уже 23 сентября представил на кафедру философии Пермского университета, которой также руководил профессор Сырцов, две своих новых работы: «Созерцание у Платона» и «Понятие психического» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 3). Совет Пермского университета поручил профессорам А.И. Сырцову и Б.В. Казанскому составить отзыв о научной новизне, представленных работ и дать рекомендацию для его вступления в должность, т. к. 5 октября начинался осенний семестр в университете.

В Петрограде у Дмитрия Васильевича остались жена и маленький сын Василий, поэтому 2 октября Василий Васильевич добывается командировки в Петроград с той же формулировкой (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 29. Л. 8). К нему присоединяется Дмитрий Васильевич, который так вспоминал эту поездку в родной город: «За отсутствием топлива город совершенно не освещается. Огромные дворцы, во мраке ночи кажутся мавзолеями, над которыми в виде балдахина нависла тьма. Город как бы вымер. На улицах ни души, и безмолвие ночи нарушается только лишь звуками, идущих от собак, грызущих падаль. Невольно с уст запоздалого путника срывается: «С нами крестная сила», а руки инстинктивно творят крестное знамение» (Наша Газета. Омск. 1919. 3 сентября).

Возвратившись из Петрограда с семьей, Дмитрий Васильевич 15 ноября 1918 г. был избран на должность преподавателя по кафедре философии с правами приват-доцента, получив поручение от историко-филологического факультета читать курс лекций «Философское введение в психологию» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 5). Его жена устроилась на работу библиотекарем в университете (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 15. Л. 307 об.).

14 декабря Василий Васильевич выехал снова в командировку в Петроград и уже не вернулся, т. к. Пермь заняли белые. Он поехал к брату Николаю в Саратов.

Но, как говорится, Болдыревы попали из огня, да в полымя. В сентябре в Перми начался жесточайший большевистский террор. Арестовывали по малейшему поводу. Люди старались меньше выходить на улицу. Особенно пострадало духовенство. Большевики расстреляли: епископа Пермского и Соликамского Андроника, его преемника Феофана, замучали 54 священника, 6 диаконов и 4 псаломщика (Наша Газета. Омск. 1919. 2 сентября). Несмотря на это, Дмитрий Васильевич все же сумел основать Феодосеевское братство при Вознесенской церкви, которое начало работать сразу же после освобождения Перми от большевиков.

В конце лета, в городе, как вспоминала сестра Анна, стала ощущаться «страшная скудность продуктов, большевистский террор, обыски, аресты. Молодежь голодала, мерзла и училась. В бедной студенческой столовой, куда приходили за обедом студенты и профессора, давали тарелку, похожего на бурду, супа без мяса с кусочками овощей и порцию гречневой каши, это было все на весь день. Для подкрепления «мешочничали», не смотря на запрет властей, шли пешком в стужу в дальние деревни верст за 20–40, чтобы выменять у крестьян на одежду или «романовские», краюху хлеба или бидон молока» (Казакова, 1936. С. 32).

Дополняет описанную ситуацию ассистент кафедры гистологии Пермского университета Ю.А. Орлов: «Помню, как мы с Лазаренко, Данини и Колачевым везли на санках на квартиру Колачева гигантскую, ледяную глыбу, объемом с человека среднего роста. Это был «комплект лошадиных кишок». Эту глыбу мы чуть не с «дубинушкой» втаскивали в маленькую кухонку квартиры А.Я. Колачева на Монастырской улице против пожарной каланчи. Глыба стояла до утра, оттаивая и наполняя ледяным холодом маленькую кухонку. На другой день Лазаренко, Данини и Колачев, его жена и я вскрывали эту грудку кишок, потом их долго мыли, скоблили в воде, резали на

кусочки и в чугушке ставили в печку и ели» (Пермский университет..., 1991. С. 35, 36).

Для того чтобы семье выжить, мужчины должны были добывать продукты. «Вместе с младшим братом Дмитрий ходил в деревню за продуктами. Усталый, полуголодный, но балагурит над собственным видом; валенки, мохнатой шапкой, мешком с товарами для обмена, какими-то ситцевыми платками, старыми брюками и т. д.». Сестра вспоминает такой случай:

«Ехали братья в теплушке, а рядом старичок, такой степенный, в очках, в серебрянной оправе, книжку читает – не то псаломщик, не то бывший лавочник. Ну, и подумали братья, что это коллега «мешочник» и давай ему рассказывать, что вот неслыханная удача – масла достали, и сметаны, и хлеба. А старичок слушал, слушал, поддакивал, а потом снял очки и также степенно: «А не угодно ли, товарищи, ваши документы, и пожалуйста-ка со мной, как приедем на допрос». Выскользнули незаметно на полустанке, да под теплушку соседнего поезда».

Анна вспоминала это время так: «Вечерами как на отдых охотно шли на факультет на лекции. И практические занятия, или собирались у кого-либо из профессоров, уходя от безрадостных будней в отвлеченные философские споры». Очень часто собирались у Болдыревых, т. к. Дмитрий Васильевич любил дискутировать, да и его личность притягивала к себе людей. Сестра так описывала его внешность: «Лицо аскета: высокий, худой, сухое острое лицо с пронизательными, глубоко сидящими глазами» (Казакова, 1936. С. 28–33).

26 декабря 1918 г. Пермь была очищена от большевиков. Было восстановлено городское самоуправление. 10 февраля 1919 г. начались занятия в университете (Свободная Пермь. 1919. 8 февраля). К этому времени (17 января) Болдырев был уже приват-доцентом историко-филологического факультета и И. О. секретаря совета Пермского государственного университета (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 13, 17). Сохранились в ГАПК протоколы заседаний совета университета с 5 января 1919 года по май, заполненные Болдыревым (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 15. Л.1–90).

Зимой 1919 года Пермь была прифронтовым городом, но при этом в городе выходило три газеты и один журнал. Преподаватели университета активно сотрудничали с печатными изданиями, в том числе и Болдырев. Так, в газете «Свободная Пермь» были напечатаны четыре его статьи: «Принцезы острова», «Два бреда», «Парад демократии» и некролог «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский» (Свободная Пермь. 1919. 8, 19 февраля, 25, 27 марта).

Кроме статей Дмитрий Васильевич читал лекции цикла «Школа Св. Софии», «Причины возникновения большевизма», в которой он впервые высказал мысль, что большевиков нужно карать мечом (Свободная Пермь. 1919. 2 апреля). Не даром, его 6 мая включают в состав комиссии по распространению агитационной, противобольшевистской литературы в Пермском уезде (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 32).

К этому времени он уже понимал, что нужно ехать в Сибирскую столицу, для того чтобы осуществить свою идею – организовать дружины крестоносцев. 20 мая Д.В. Болдырев был утвержден в должности и. д. приват-доцента по баллотировке, которая проходила 13 мая (21 шар «за», и 4 «против») (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 35).

В тот же день он пишет рапорт на имя ректора Пермского университета «о сложении с меня обязанности Секретаря совета с 20 мая сего года и предоставлении мне отпуска на время летних каникул» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 39).

Оставив семью (мать, сестру и жену с маленьким сыном) в Перми, он уезжает в Омск, где ему предлагают должность директора бюро печати (Казакова, 1936. С. 39).

Армия адмирала Колчака уже с конца весны 1919 г. начала терпеть поражения. 1 июля была сдана Пермь. Семья должна была срочно эвакуироваться вместе с Пермским университетом. Как вспоминала сестра Анна: «Десятидневное путешествие в наполовину набитой багажом теплушке, где должны еще помещаться 28 человек, намучило, будущее нависало темной тучей. В первый же день приезда, словно грозное будущих могил – похороны. Дорогой, во

время остановки на какой-то маленькой неизвестной станции, погиб, купаясь в озере, профессор ботаники Вейхард, друг нашей семьи, талантливый музыкант. Тело его мы довели до Омска...

Теперь даже трудно представить себе, каким счастьем казалось после десятидневного сиденья в полусогнутом виде (спать, вытянувшись на всю длину, в нашей теплушке нельзя было из-за обилия вещей и народа), возможность лечь, хотя бы без кровати на полу, но зато во всю длину, в простор, никого не давя...

Встреча с братом была единственной радостью в эти мрачные дни. Уже от одного его веселого голоса становилось легче, а бодрые речи будили надежду. Первым долгом отвез он меня с матерью в заранее приготовленную комнату...

В Омске, переполненном до отказа правительственными чиновниками, военными, беженцами, найти свободное помещение было редкой удачей» (Казакова, 1936. С. 40).

Дружины Святого Креста

В пригороде Омска скопилось огромное количество беженцев из Поволжья, Прикамья и Урала. Положение их было незавидное: лагеря были переполнены, питание было организовано из рук вон плохо, к тому же вышел приказ адмирала Колчака о мобилизации, но беженцев это не касалось, т. к. призывались мужчины, проживающие в Сибири с 1915 года. Таким образом беженцы могли вступить в армию только добровольцами, а это означало, что в случае попадания в плен они будут расстреляны красными.

В начале августа Дмитрий Васильевич возглавил инициативную группу, поставившую цель поднять беженцев на борьбу с большевиками. К этому времени он уже написал свою программную статью – «Необратима сила креста и есть наша сила». В ней он, в частности, писал: «Проникаясь христианским сознанием, мы тем самым возлагаем на себя и его внешнее выражение – знаки Креста. Мы, борющиеся против большевиков, естественно становимся крестоносцами. Сила Креста и есть наша сила,

*Рис. 7. Объявление в газете «Надежда России». 21 октября 1919 г.
Fig. 7. The announcement in the newspaper "Hope of Russia" 21.10.1919*

и другой силы в борьбе с большевизмом нет и не будет у нас. Крест есть наша защита от большевистской заразы, ибо мы подвержены ей только через ослабление христианского духа; Крест – и наш меч против большевиков, ибо сатанинская сила рассеивается перед силой Креста. Крест – наш путь; Крест – наше воскресение» (Казакова, 1936. С. 45–46).

9–19 августа во всех храмах г. Омска во время литургии и после ее на площадях были произнесены проповеди как священниками, так и мирянами с призывом стать на защиту веры христианской и записываться тут же в храмах добровольцами в Дружины Св. Креста (Наша Газета. Омск. 1919. 19 августа). Запись добровольцев в Дружины Св. Креста производилась в г. Омске ежедневно от 10 часов утра до 8 часов вечера в следующих местах:

1. В министерстве Внутренних Дел – Александровская улица, д. № 18;
2. В Главном Управлении по Делах Исповеданий – Люблянский проспект, 1-я Женская Гимназия, против базара;
3. В Русском Бюро Печати – Базарная площадь, 2-й взвод, д. Липатникова.

Записываться могут как лица непризывного возраста, так и взятые на учет (Наша Газета. Омск. 1919. 22 августа).

Идею создания Дружин Св. Креста поддержал о. Петр Рождественский, который совместно с Болдыревым, организовал «Гермогеновское братство» по организации Дружин «Святого Креста и Зеленого полумесяца». Д.В. Болдырев считал, что «каждая идея должна быть омыта кровью. Чтобы познать какую-нибудь идею, надо ее ра-

зыграть, т. е. воплотить в своей душе и в своем теле (Казакова, 1936. С. 51). Председателем стал протоиерей Рождественский, а товарищем председателя Д.В. Болдырев. По словам Енборисова: «О. Петр Рождественский – человек твердой решимости и даже властный, и это качество во всяких делах, особенно в такие тяжелые, даже критические моменты более чем необходимо». Дела пошли более чем успешно (Енборисов, 1932. Ин. 1873–1876).

«31 августа, в Омске, под председательством беженца из г. Осы Пермской губернии М. Вахитова прошло собрание мусульманского духовенства и мирян (беженцев и местных лиц), на котором обсуждались вопросы по организации особых отрядов и обслуживания нужд фронта. Выступили мусульмане: Вахитов, Сафа-Хазрет, Юсупов, Адугов. Призывали единоверцев встать на защиту веры и отечества от

*Рис. 8. Священник Петр Рождественский
Fig. 8. Priest Petr Rozhdestvenskiy*

большевизма.

Во время собрания была начата запись добровольцев. Собрание приветствовал начальник вновь формируемых добровольческих частей генерал Голицын, представитель старообрядцев – Дробинин и от братства Св. Гермогена – А. Ерохин, которые выяснили единство мусульманского религиозного движения против красных с христианскими, уже формируемыми дружинами» (Генерал Дитерихс, 2004. С. 326). И уже 6 сентября мусульмане объявили священную войну против большевиков. «Завтра, 7 сентября, по случаю мусульманского праздника «Курбан Байрам» состоится торжественное молебствие, после которого будет объявлен Газават (Священная война) против большевиков.

Религиозное движение, охватившее население, выражающееся в формировании Дружин Св. Креста, последнее время захватило и Сибирских мусульман, над верой которых также издеваются большевики.

Дружины Святого Креста пойдут в бой с врагами бок о бок с мусульманскими дружинами, идущими под зеленым знаменем Пророка на защиту своей веры» (Генерал Дитерихс, 2004. С. 327).

Крестonosцы принимали следующую присягу: «Я, брат дружины креста, обязуюсь и клянусь перед святым крестом и Евангелием быть верным Господу Христу, Святой церкви и друг другу, быть трезвым, честным, совершенно не произносить бранных слов, не быть жестоким с врагом, к своим всей душой браторасположенным. Аминь» (Генерал Дитерихс, 2004. С. 331).

Адмирал Колчак взял движение под свое руководство, назначив генерал-лейтенанта Голицына начальником добровольческих формирований, а 14 сентября Д.В. Болдырев был утвержден начальником агитационно-вербовочного отдела добровольческих формирований.

Было образовано пять районов добровольческих формирований: Омский, Томский, Иркутский, Якутский, Забайкальский и Дальневосточный. Чуть позднее добавился Семипалатинский. Задачи районного уполномоченного формулировались так: а) пропаганда идей добровольческого движения; б) вербовка добровольцев; в) подбор

Рис. 9. Генерал Владимир Васильевич Голицын

Fig. 9. General Vladimir Vasil'evich Golitsyn

и допущение офицеров к занятию командных должностей в формируемые части; г) снабжение добровольцев всем необходимым. Приказом № 1 по Томскому району от 17 сентября доброволец А.И. Гаврилович назначался начальником 1 агитационного и вербовочного отделения. Приказ № 8 от 5 октября предписывал Гавриловичу открыть 2-й и 3-й вербовочные городские пункты. Временно исполняющим обязанности начальника 2-го пункта стал Нардулла Карпов, а 3-го – Танжин.

По району подавались «Еженедельные сведения о ходе формирования добровольческих частей Томского района». Приказ № 4 по военному району от 23 сентября предписывал поручику Николаю Яковлевичу Ощепкову сформировать из добровольцев вербовочного пункта в с. Спасское 1-й Прикамский добровольческий батальон и приступить к исполнению обязанностей его временного командира. Поручику Балабанову, бывшему командиру 3-го Сайгатского полка Воткинской дивизии, предстояло сформировать в Ачинске 2-й Прикамский добровольческий батальон и вступить во временное командование им (Посадский, 2002. С. 89).

Из кого же должны формироваться Дружины Святого Креста?

Добровольцы, подлежащие мобилизации, состоящие на действительной службе солдаты и офицеры, но, разумеется, оставаясь в своих частях, чтобы в них, с разрешения начальства, образовывать свои крестonosные группы, а также женщины, для несения санитарной, хозяйственной и обозной службы.

В Дружинах Святого Креста должна быть строгая воинская дисциплина, но не должно быть грубых отношений между начальниками и подчиненными. В таких отрядах все братья и потому отношения между начальниками и подчиненными могут быть только братские. Брань, пьянство, нечестность не могут иметь место среди тех, которые приняли на себя крест (Наша Газета. Омск. 1919. 19 августа).

18 сентября в Омске в час дня перед Кафедральным собором состоялся всенародный молебен. Население города приняло в нем активное участие, и площадь перед собором была полностью занята. После молебна был проведен смотр первых Омских православных Дружин Святого Креста и мусульманских Дружин Зеленого Знамени. На смотре присутствовали: Главнокомандующий Восточного фронта генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, генералы: Б.И. Хорошихин, А.И. Дутов и В.В. Голицын.

М.К. Дитерихс, обращаясь к дружинникам, сказал: «Вас горсточка, но вы – тот фундамент, на котором будет строиться Россия» (Генерал Дитерихс, 2004. С. 337). Болдырев развил эту мысль: «Фундамент – вот то, чего решительно и трагически не достает нам. За это время в пространстве, заполненном некогда Россией, на наших глазах воздвигалось множество храмин и чертогов, причудливых, как дворцы Черномора. Мы перевидали множество стилей, башен, очертаний, узоров, но фундамента всего этого так и не видели».

Главнокомандующий принял парад. Стройными рядами проходили дружинники. Православные с восьмиконечным крестом на шапках и груди, мусульмане – со звездой и полумесяцем на шапке и рукаве. В первых рядах этой дружины шел инициа-

тор крестonosного движения, унтер-офицер профессор Болдырев (Наша Газета. Омск. 1919. 21 сентября).

1-я Омская Дружина Святого Креста, под командованием капитана П.П. Русина должна была выступить на фронт. Крестonosцы перед отправлением собрались у собора для выслушивания напутственного молебна. «Молебен служил архиепископ Сильвестер, который при миропомазании, приколол сам лично на меня [Енборисова], Болдырева и Русина, знаки крестonosца: на зеленом щите – белый осьмиконечный крест. В строю я [Енборисов], стоял на правом фланге, со мной рядом профессор Болдырев – оба с винтовками» (Енборисов, 1932. Ин. 1625–1630).

19 сентября батальон, который носил еще название 1-я Омская Дружина Святого Креста, в составе 11 офицеров, 395 штыков 82 сабель и при 2-х пулеметах прибыла в 3-ю армию адмирала Колчака.

Вскоре пришли вести о первой встрече крестonosцев с врагом. «Добровольческая дружина, силою в один батальон, занимала один из участков, у реки Тобол. Красные ночью большими силами перешли реку на смежном с добровольцами участке N-ской дивизии. Командир сводного полка этой дивизии получил приказ отойти, а дружинники получили приказ держаться до крайности. Против участка оттянутого полка красные высыпали в составе всей 54 бригады и двух кавалерийских полков. Не найдя того полка, против которого был направлен их удар, красные вдруг заметили в стороне, у себя на фланге, небольшую группу войск и решили окружить ее и уничтожить. Эта небольшая группа – были две мусульманские роты. Они стояли в резерве – двух рот крестonosцев, занимающих соседний участок по реке. Командир батальона, поручик Русин, сразу оценил обстановку и рассыпал в цепь резервные роты, под прямым углом к линии реки. Красные были уже недалеко, шли теперь прямо в лоб, стоя во весь рост, на расстоянии всего 150 шагов.

Внезапно по команде атакуемые мусульмане открыли сильный огонь из винтовок и пулеметов. Наступающие цепи были скошены моментально. На их место идут новые и также скашиваются, наконец, идут

колоннами и также гибнут. Наскакивала и кавалерия. Неприятель был на расстоянии даже 10 шагов и вновь отбрасывался. У нас работало 6 пулеметов, – говорил офицер, – участник боя. В первые же атаки мы скосили один полк. Такие потери еще более разгорячили красных. Их кавалерия все время старалась охватить фланг и зайти в тыл рассыпанным в цепь двум ротам полумесяца. Командир батальона растянул против этих наскоков кавалерии новую цепь из тех двух рот, которые до сих пор были на линии реки. Упорство красных, помимо их численного превосходства, объяснялось еще и тем, что это были коммунистические полки. Красная кавалерия была исключительно из петроградских коммунистов. Одеты они были шикарно; кожаные куртки, такие же брюки и красные шелковые платки» (<http://siberia.forum24.ru/?1-4-000000029-000-160-1>)

19 сентября Главнокомандующий Восточного фронта генерал-лейтенант М.К. Дитерихс утвердил «Положение о Дружинах Святого Креста». Для организации вербовочных пунктов добровольцев Болдырев совершал поездку в Томск, Новониколаевск, Барнаул. Вместе с ним отправился его друг Вс. Н. Иванов. Вот как последний описывал этот вояж: «Там предомной предстала, так сказать, сибирская провинция, где проходила эта самая мобилизация Дружин Св. Креста. В большом соборе в чудесный осенний день выступал с проповедью сам профессор Болдырев. Был он в английском солдатском обмундировании с белым крестом на груди; поверх формы был надет церковный стихарь, зеленый, с галунами. Он говорил о том, что большевизм есть «сила дьявола» и одолеть ее можно только крестом. На оратора, стоявшего на амвоне, глядели многочисленные смущенные, недоумевающие или иронически настроенные слушатели... Ведь профессор звал их под ружье!» (Иванов, 1994. С. 20).

В Новониколаевске за несколько дней записалось 400 человек, а биржевой комитет этого города пожертвовал Дружинам Св. Креста 400 тыс. рублей и 3 тыс. комплектов белья (Наша Газета. Омск. 1919. 13 октября).

Рис. 10. Подпоручик Всеволод Никанорович Иванов
Fig. 10. Lieutenant Vsevolod Nikanorovich Ivanov

Из Новониколаевска Болдырев двинулся в Томск, где с не меньшим подъемом прошло первое собрание братства Св. Креста. Здесь записалось около тысячи человек. По его словам: «Все наиболее крупные общественные организации Томска и Новониколаевска вовлечены в активную работу по добровольческому формированию» (Генерал Дитерихс, 2004. С. 333).

Еще больший успех имела проповедь крестоносного движения в Барнауле. Местный биржевой комитет пожертвовал до 400 тыс. рублей для формирования добровольческих дружин (Наша Газета. Омск. 1919. 23 октября). Добровольческое движение в этом районе не затихало до самого падения Барнаула. Вот документ, подтверждающий это:

ОБРАЩЕНИЕ

К служащим Алтайского губернского управления

При 5 Барнаульской Дружине Святого Креста и Зеленого Знамени, организовались в настоящее время две роты из крестьян-добровольцев, идущих на борьбу с большевиками.

Роты эти до последнего времени принимали участие в борьбе с бандами Рогова, каковые успешно ими ликвидируются.

Ввиду перерыва сообщений с Омском, вышеуказанная организация Святого Креста, будучи очень полезной в борьбе с бандами, составляющими угрозу для мирного населения, испытывает большие затруднения в материальном отношении.

Долг каждого из нас прийти на помощь означенным Дружинам Святого Креста, защищающим наше благополучие и самую жизнь и щедрым пожертвованием удовлетворить неотложные нужды их.

Помощник управляющего Алтайской губернией

И. д. начальника отделения

Старший делопроизводитель (Государственный архив Алтайского края. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 11. Л. 13).

Общественные организации Омска держивали крестоносцев. Так, «для крестовых дружин красным крестом был организован транспортный передвижной отряд в 40 повозок» (Наша Газета. Омск. 1919. 18 октября) «Семьи дружинников Св. Креста и мусульманских отрядов были размещены в здании артиллерийских мастерских по ул. Канцевича. 27 сентября состоялось освящение этого общежития. В нем устроены нары, имеется общая кухня. Все члены общежития получают ежедневно горячую пищу» (Наша Газета. Омск. 1919. 4 октября).

Пресса почти ежедневно освещала ход формирования дружин. «Сегодня, 23 сентября, уходит на фронт второй батальон крестоносцев. Одеты все по походному. Большинство – беженцы. Много пермских, но есть и омские.

Около 2-х часов крестоносцы выстроились на улице. Две роты русских и две роты мусульман. У русских – осьмиконечный крест на шапке и крест на груди. У мусульман – зеленая кокарда и зеленая на рукаве повязка с изображением звезды и полумесяца. У многих цветы в петлицах и на шапках: сказалась чья-то женская забота и ласка.

Команда: Смирно! И все замерло. Новая команда: На караул! Взметнулись винтовки и застыли. Из дверей вынесли знамя, повитое цветами. Оркестр грянул «встречу». Вытянулись в толпе военные, с рукой

у козырька. Все отдают честь знамени образу Родины.

Потом широко полились торжественные, молитвенные звуки гимна «Коль славен наш господь в Сионе».

Запели: «Спаси, Господи, люди твоя».

В густой толпе, на тротуарах, глубокие вздохи и слезы.

Шагом арш! – раздалась последняя команда.

Колыхнулись ряды, весело запели трубы оркестра и спорым, твердым шагом двинулась дружина – туда, домой к родным пепелищам» (Наша Газета. Омск). 1919. 23 сентября).

Второй батальон был отправлен на фронт, и 9 октября прибыл в штаб 11-й Уральской стрелковой дивизии, которая вела бои с 26-й стрелковой дивизией красных, в разведсводке которой сообщалось: «Со слов взятых 15 октября 1919 г. пленных 41 Уральского полка 11-й Уральской стрелковой дивизии 3-й батальон полка состоит из прибывших на днях добровольцев-крестоносцев Уральской дружины. На фуражках нашит крест белый 8-конечный, а у мусульман – полумесяц, одна половина красная, другая белая» (Российский государственный военный архив. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 891. Л. 32).

Начали прибывать крестоносцы из других городов. «9 октября [в Омск] прибыла партия добровольцев из Иркутска в 230 человек. Среди русских, в партии, есть сербы и чехи. Начальник чех – офицер.

В Петропавловск прибыло 45 добровольцев. В Семипалатинске и Барнауле успешно идет запись добровольцев. В Томске – 1000 человек, в Новониколаевске – 800. Две роты татар уже отправлены на фронт; в Омске скомплектованы еще 4 роты, 2 роты скоро отправятся на фронт, две – пока остаются в Омске. Вожди татарского добровольчества сумели собрать фонд 300 тысяч рублей и уже открыли госпиталь на 50 кроватей.

Организуется добровольчество среди киргиз, совсем особо от татар. Они формируются исключительно в кавалерию, в общем, будет целый полк» (Наша Газета. Омск. 1919. 12 октября).

«26 октября в отряде Зеленого знамени Братством Святителя Гермогена был устроен праздник добровольцев-крестоносцев, которые в 1 час дня собрались в городском Театре и разместились в партере. Ровно в назначенное время в литерной ложе показался Верховный правитель адмирал А.В. Колчак в сопровождении начальника добровольческих формирований генерал-лейтенанта В.В. Голицына и профессора Д.В. Болдырева. Верховный правитель произнес краткую речь. В два с половиной часа заседание было закрыто».

Между тем обстановка на фронте ухудшалась с каждым днем. Вот что писала по этому поводу Омская газета «Сибирский казак»: «Положение серьезное, но не безнадежное. Омску пока не грозит никакой непосредственной опасности..... Наша армия не утратила способности сопротивляться. Она только ждет помощи из тыла, чтобы, собравшись со свежими силами, дать новый щелчок красному шару, после которого последний начнет свое обратное движение».

Силы, необходимые для нашей армии, обязан дать тыл, который должен развить в этот критический момент максимум энергии (Сибирский казак. Омск. 1919. 5 ноября).

В субботу, 1 ноября, в два часа дня, в здании городской думы состоялось заседание особого совещания при начальнике добровольческих формирований генерале Голицыне с участием представителей общественных организаций, кооперации, земств, городского самоуправления и торгово-промышленников, посвященное обсуждению вопросов текущего момента и ближайших мероприятий в связи с событиями на фронте.

На совещании присутствовали Верховный правитель А.В. Колчак и члены совета министров во главе с премьер министром Вологодским. Профессор Д.В. Болдырев произнес приветственную речь, в которой сказал: «В эти тяжелые дни и, может быть, роковые дни, все должны объединиться для обороны Омска. Бежать на восток и постыдно и бесполезно. Все равно погибнешь в беспредельных просторах Сибири от голода, холода или тифа. Омск имеет огром-

ные ресурсы для обороны – живую силу, оружие, снаряжение и прочее и только паника мешает это видеть. Нужно побороть панику – в этом первая наша задача»

Затем с речами выступили представители общественных организаций. Говоривший от имени кооперации А.В. Сазонов призвал отвернуться от Иркутска и обратить свои взоры на Москву, для чего вступать в дружины добровольцами. Представитель «Земсоюза» предложил от имени союза все его достояние делу поддержки добровольцев. В том же духе высказались и другие участники собрания.

По окончании речей представителей общественности Верховный правитель, обрисовав положение на фронте, указал, что Омску никакой непосредственной опасности не угрожает, и судьба его будет решаться не здесь, а, может быть, за сотни верст. Безусловно, Омск как политический центр, не может быть отдан врагу, поэтому должны быть напряжены все силы для пополнения армии людьми, а также и к снабжению ее теплой одеждой (Наша Газета. Омск. 1919. 7 ноября).

Результаты активной деятельности профессора приносили свои плоды. По состоянию на 25 октября на территории Омского военного округа в Дружины Святого Креста поступил 1921 человек, а на 12 ноября записалось уже 3600 человек (Генерал Дитерихс, 2004. С. 341).

В лице Енборисова Болдырев получил надежного соратника. Голицын назначил его начальником Агитационно-Вербовочным отделом в г. Семипалатинске. Уже 5 октября им было созвано общее собрание беженцев, но собралось всего лишь 150 человек, поэтому решили созвать более многочисленное собрание 9 октября. Второе собрание было многолюдным, и оно решило, что все, способные носить оружие от 18-ти до 65 лет, должны встать в ряды защитников Родины. Также было решено созвать 19 октября собрание г. Семипалатинска и его окрестностей (Енборисов, 1932. Ин. 1657–1675). Омская газета сообщала: «К 19 октября в Семипалатинске и его окрестностях было свыше 2000 записавшихся в ряды Дружины Св. Креста и 100 женщин,

заявивших, что они поступают в армию для ухода за ранеными.

В Семипалатинске идет запись в добровольческие дружины. На собрании беженцев принята резолюция о вступлении беженцев от 18 до 55 лет в течение двух недель в крестовые дружины» (Наша Газета. Омск. 1919. 18 октября).

На собрании 19 октября была послана телеграмма Верховному Правителю адмиралу Колчаку.

«Общее собрание граждан г. Семипалатинска и его окрестностей под председательством войскового старшины Енборисова, узнав о вашем категорическом отпоре на посягательство на наше достояние Владивосток, глубоким чувством радости приветствуя это мудрое решение и, будучи уверено, что под Вашим руководством возродиться единая, могучая Россия, постановило: поручить президиуму довести Верховному Правителю, что все граждане Семипалатинска и его окрестностей, движимые чувством преданности Родине, в течение двух недель должны вступить в ряды добровольцев в Дружину Св. Креста и др. с 18 до 55 лет, о не вступивших ходатайствовать перед Вами немедленной мобилизации этого возраста.

Председатель собрания войсковой старшина Енборисов» (Енборисов, 1932. Ин. 1767–1781).

Если дела по формировании дружин в Семипалатинске шли успешно, то отправка их на фронт тормозилась под любым предлогом, поэтому Енборисов выехал в Омск, куда прибыл 1 ноября и случайно в 10 часов утра встретил Болдырева, поведав ему о своих бедах, а именно: крестоносцев из Семипалатинска неделями держат на пароходах, не распределяют в части и даже не ставят на довольствие. Профессор возмутился и, не попрощавшись, пошел к адмиралу Колчаку. В 5 часов вечера Енборисова вызвал Верховный Правитель, который, совместно с Болдыревым, выслушал его доклад о проделанной работе, произвел его в полковники и предложил прийти завтра для получения назначения (Енборисов, 1932, Ин. 1844–1863).

Но все-таки крестоносное движение развивалось медленно, а кроме того, имело

не мало противников. Тот же Вс. Н. Иванов вспоминал: «Крестоносцы из православных и Дружины Зеленого Знамени из мусульман дали не менее 6 тысяч добровольцев, но их разбросали по тыловым службам (в охрану Колчака и т. д.) на фронте их вливали в другие части. Офицеры подшучивали над ними. Люди теряли веру. Им выдали американские винтовки, которые через несколько выстрелов отказывали (затвор не выбрасывал гильзу). Одели их в широчайшие китайские ватные стеганые штаны без прорех и без поясов. Кто-то умышленно над ними смеялся» (Иванов, 1994. С. 25).

Полковник Енборисов приводит еще более шокирующие факты: «Посланные мной части из Семипалатинска по целым неделям держались на пароходах и содержались за свой счет, проедали последние гроши и не дождавшись квартир или назначения в ту или иную часть, возвращались обратно: прекраснейшие люди – разочаровывались в распорядительном аппарате, и говорили, понуря голову: «Нет, видно ничего не выйдет, а как нам хорошо говорили на собраниях» и с этими словами крестоносцы расходились» (Енборисов, 1932. Ин. 1936–1942).

4 ноября Болдырев отправил свою семью (жену с сыном, мать и сестру Анну) в Иркутск. Прощаясь с женой, Дмитрий Васильевич, словно предчувствуя, сказал: «Помни, не встретимся здесь, встретимся – Там» (Казакова, 1936. С. 17). Семья добралась до Харбина, обосновалась там. В картотеке Бюро российских эмигрантов сохранились дела жены и сына Дмитрия Васильевича.

Болдырев хотел выехать из Омска с полковником Енборисовым на лошадях, но обстоятельства их разлучили. Вышел он из города одним из последних со своими крестоносцами 13 ноября походным порядком. «Значит, оборонять Омск уже никому!» – писал в последствии Вс.Н. Иванов (Иванов, 1994. С. 30). Для того чтобы сохранить профессора Болдырева генерал Голицын приказал арестовать его и доставить в Новониколаевск, но крестоносцы не позволили это сделать (Енборисов, 1932. Ин. 1946–1949). Затем Болдырев попал в поезд адмирала Колчака. По воспоминаниям сестры

Болдырева, «последние дни своей свободы адмирал почти не расставался с Д.В. и постоянно беседовал с ним. Болдырев не пожелал уйти от Колчака, когда гибель стала очевидна.

В Иркутской тюрьме, в общей камере, где сидело 30 человек, ждавших смерти и охваченных отчаянием, Д.В. ежедневно читал лекции и рассказывал о страданиях святых мучеников и патриотов. Стража грозила ему, приказывала замолчать, но он продолжал читать. После его речей тюрьма словно преображалась. Измученные люди обретали силы, затихали. Спасшиеся, вспоминают о нем со слезами.

В тюрьме заболел тифом. Перенес его, но начались осложнения, от страшного изнурения пошли нарывы.

Во время болезни за ним самоотверженно ухаживала жена адмирала и неизмеримо много сделал для него его коллега по университету, проф. К., который, забыв об опасности для себя, доставлял в тюрьму с трудом добываемые продукты.

Умер он в полном сознании, вспоминая семью и молясь Пресвятой Богородице о спасении его философского труда «Знание и бытие», который был издан в Харбине

1 декабря 1935 года (Казакова, 1936. С. 52–54).

Как же сложилась судьба Дружин Святого Креста?

Полковник Енборисов выехал из Омска с несколькими единомышленниками. В Новониколаевске к нему присоединились почти все местные крестonosцы. Образовался добровольческий отряд в 100 человек под командованием Енборисова. Командиром роты был назначен капитан Смыслин, командантом отряда – капитан Русин, старшим адъютантом – подпоручик В.Н. Иванов (друг Болдырева), старшим квартирмейстером – А.Н. Полозов. В отряде была железная дисциплина, поэтому он дошел до Читы в количестве более 400 человек (Енборисов, 1932. Ин. 2007–2015).

Барнаульская Дружина Святого Креста пополнила ряды 3-го Барнаульского стрелкового полка, став 3-м батальоном. Она совершила Великий Сибирский ледяной поход в составе полка, дойдя до Читы (Забытый полк, 2009. С. 115).

Дружина Св. Креста, влитая 3-м батальоном в 41-й полк 11-й Уральской стрелковой дивизии попала в плен вместе со всем полком 10–13 ноября 1919 года

*Рис. 11. Могила Казаковых в Австралии
Fig. 11. Grave of Kazakovs in Australia*

(Красный Урал (Пермь). 1919. 14 ноября).

1-й Прикамский добровольческий батальон, сформированный в районе г. Томска, не сумел отступить с белыми войсками, поэтому перешел на нелегальное положение для борьбы с большевиками в тылу. Подпольная организация разработала план захвата г. Томска и в середине мая должна была выступить против Советской власти, но была раскрыта органами ЧК. В ночь на 14 мая были проведены аресты: военных (100 чел.), из них: офицеров – 29, контрразведчиков – 8, монархистов – 8, эсеров – 2, меньшевиков – 1. Всего по делу этой организации было расстреляно 44 человека, остальные получили разные сроки (Уйманов, 2012. С. 153–154).

Судьба остальных Дружин Святого Креста пока неизвестна.

Приложение 1

Биография генерал-лейтенанта Василия Ксенофонтовича Болдырева

Василий Ксенофонтович Болдырев, генерал-лейтенант, уроженец Орловской губернии, из потомственных почетных граждан, православного вероисповедания.

Родился 23 апреля 1850 г.

16 августа 1869 г. поступил на службу юнкером в 1-е Военное Павловское училище без экзаменов.

2 ноября 1870 г. произведен в чин портупей-юнкера.

С 1 декабря 1879 г. – старший портупей-юнкер.

11 августа 1872 г. по окончании полного курса наук в училище, произведен в чин подпоручика с зачислением по армейской пехоте и с прикомандированием к лейб-гвардии Финляндскому полку.

5 сентября 1872 г. переведен в лейб-гвардии Финляндский полк в чине прапорщика со старшинством с 11 августа 1871 г.

18 мая 1873 г. назначен делопроизводителем полкового суда.

18 августа 1873 г. «отчислен от должности во фронт».

22 августа 1875 г. прикомандирован к Николаевской академии Генерального Штаба.

С 4 апреля 1876 г. – подпоручик при академии.

Рис. 12. Василий Ксенофонтович Болдырев
Fig. 12. Vasilii Ksenfontovich Boldyrev

15 августа 1876 г. отчислен от Академии Генерального Штаба.

24 августа 1877 г. назначен командующим 1-й ротой.

С 30 августа 1877 г. – подпоручик в 1-й роте.

12 октября 1877 года поручик л-гв. Финляндского полка Болдырев был ранен в сражении у Горного Дубняка.

12 октября 1877 г. сдал роту.

4 мая 1878 г. прикомандирован к запасному батальону для поступления в Военно-юридическую академию.

11 сентября 1878 г. по расформированию батальона, присоединен к полку.

31 мая 1881 г. окончил полный курс Военно-юридической академии по первому разряду, отчислен от академии в распоряжении Главного военно-судного управления.

11 июня 1881 г. за отличные успехи в науках в Военно-юридической академии произведен в чин штабс-капитана.

21 июля 1881 г. командирован для практических занятий по военно-судебной части в Петербургский военно-окружной суд.

17 сентября 1881 г., не прибывая к месту назначения, командирован для практических занятий в Военно-прокурорский надзор того же суда.

21 ноября 1881 г. зачислен в ряды армейской пехоты в чине майора.

12 апреля 1882 г. назначен помощником военного прокурора Петербургского военно-окружного суда с переводом в военно-судебное ведомство в чине капитана.

30 августа 1884 г. за выслугу лет произведен в чин подполковника.

30 августа 1888 г. за выслугу лет произведен в чин полковника.

18 июля 1889 г. назначен военным судьей Казанского военного окружного суда.

16 августа 1889 г., не пребывая к месту назначения, прикомандирован к Петербургскому военно-окружному суду.

19 августа 1889 г. прибыл в Петербургский военно-окружной суд.

19 января 1890 г. назначен военным судьей Петербургского военно-окружного суда.

6 июля 1892 г. назначен исправляющим должность начальника Алтайского ведомства Кабинета Его Императорского Величества с зачислением по армейской пехоте с 6 июля 1892 г.

30 сентября 1892 г. прибыл в округ и вступил в должность.

12 ноября 1893 г. отбыл в Санкт-Петербург для обсуждения вопросов, касавшихся Алтайского округа.

7 апреля 1894 г. возвратился из Санкт-Петербурга и вступил в управление округом.

14 мая 1896 г. за отличие по службе произведен в чин генерал-майора, с утверждением в должности.

18 марта 1899 г. получил действительное старшинство в настоящей чине с 6 декабря 1898 г.

17 марта 1900 г. назначен заведующим Земельно-заводским отделом Кабинета Его Императорского Величества с оставлением по армейской пехоте.

27 мая 1900 г по 15 сентября 1900 г. командирован в Нерчинский округ Кабинета для ознакомления с деятельностью округа и обсуждения вопросов, касающихся организации Главного управления и учреждений в округе.

22 марта 1901 года В.К. Болдыреву присвоено звание почетного гражданина г. Барнаула.

25 апреля 1901 года удостоен звания корреспондента Николаевской главной физи-

ческой обсерватории за оказанную пользу науке и обсерватории.

7 июня 1901 года по 2 июля 1901 года командирован в Ловическое княжество и в Управление императорской охоты в княжестве для ознакомления и изучения на практике вопросов, касающихся различных отраслей хозяйства и производства.

26 февраля 1902 г. назначен представителем от Министерства Двора в особую комиссию при Министерстве финансов для выяснения современного положения золотого промысла в Восточной Сибири.

9 января 1902 г. назначен помощником управляющего Кабинетом Его Императорского Величества, заведующим Земельно-заводским отделом, с оставлением по армейской пехоте.

10 сентября 1903 г. назначен в состав образованной при Кабинете Его Императорского Величества особой комиссии по вопросу о праздновании в 1904 г. 200-летия Кабинета.

23 января 1904 г. – представитель от Министерства императорского двора при особых совещаниях при Министерстве внутренних дел и Министерстве земледелия и государственных имуществ.

13 ноября 1904 г. назначен членом Совета по горно-промышленным делам при Министерстве земледелия и государственных имуществ.

С 2 февраля 1905 г. – представитель от Министерства императорского двора для участия в Комиссии по составлению основных положений законопроекта о государственном страховании утративших трудоспособность рабочих и служащих на фабриках, заводах и промыслах.

С 7 февраля 1905 г. – представитель от Министерства императорского двора в особой комиссии по выяснению причин недовольства рабочих в Санкт-Петербурге и его пригородах и выработке мер по устранению таковых в будущем.

С 11 февраля 1905 г. – представитель комиссии для переоценке хранящихся в Кабинете изделий императорской Екатеринбургской гранильной и Колывановской шлифовальной фабрик, отправленных на Всемирную выставку в Люттих (Бельгия).

С 17 апреля 1905 г. за отличие по службе произведен в чин генерал-лейтенанта.

С 14 июля по 25 августа 1905 г. – временно исполняющий обязанности управляющего Кабинетом.

С 1 марта 1906 г. – представитель от Министерства императорского двора при комиссии по вопросу о взаимных отношениях промышленников и рабочих.

С 20 декабря 1906 г. – член особого совещания по рабочему законодательству.

С 6 февраля 1907 г. – представитель от Министерства императорского двора во Всероссийском съезде золотопромышленников.

16 марта 1907 г. уволен от службы с мундиром и пенсией.

11 апреля 1907 г. причислен к Кабинету Его Императорского Величества без содержания.

С 30 апреля 1907 г. – представитель Кабинета при Министерстве финансов по вопросу о пересмотре Положения о государственном промысловом налоге.

С 9 июня 1907 г. – председатель особой комиссии по вопросу о применении положения об обязательном страховании инвалидности и старости к Министерству императорского двора.

27 сентября 1907 г. принимал участие в заседании при Министерстве финансов об образовании акционерного общества для сооружения и эксплуатации Алтайской железной дороги.

С 25 февраля 1908 г. – представитель от Министерства императорского двора в особом совещании по вопросу о штате Капитула российских орденов.

С 3 апреля 1908 г. – председатель Министерства императорского двора в комиссии при Горном департаменте по вопросу о пересмотре постановлений о взимании дополнительной платы с неработающих приисков.

С 26 июня 1908 г. – председатель Министерства императорского двора и уделов в комиссии при Министерстве финансов по вопросу о преимуществах службы в отдаленных местностях империи, в западных губерниях и Царства Польского.

С 28 октября 1908 г. – представитель от Кабинета Его Величества в комиссии при

Министерстве финансов по вопросу о сооружении Омско-Семипалатинской железной дороги с ответвлением на Барнаул.

С 3 ноября 1908 г. – представитель Министерства императорского двора в комиссии для разработки ознаменования для торжественного празднования 200-летия Полтавской битвы.

С 19 января 1909 г. – представитель от Министерства императорского двора в совещании при Министерстве торговли и промышленности по вопросу об изменении некоторых постановлений о найме рабочих.

С 26 февраля 1909 г. – представитель от Министерства императорского двора в комиссии по разбору и определению местности хранения находящихся в Петропавловском соборе военных трофеев.

Имел награды: орден Св. Анны IV степени (4 июля 1878 г.) с надписью «За храбрость» за «дело» (12 октября 1877 г.), орден Св. Станислава III степени (16 ноября 1878 г.) с мечами и бантом за отличное мужество и храбрость, оказанные в делах с турками во время минувшей войны, орден Св. Анны III степени (30 августа 1884 г.), орден Св. Станислава II степени (30 августа 1888 г.), орден Св. Владимира IV степени (30 августа 1891 г.), орден Св. Владимира III степени (17 апреля 1894 г.), серебряная медаль в память царствования императора Александра III (26 февраля 1896 г.), серебряная медаль в память коронования императора Николая II (14 мая 1896 г.) для ношения в петлице на Андреевской ленте, бронзовая медаль (30 января 1897 г.) за труды по первой всеобщей переписи населения Российской империи, подарок ценностью в 1500 рублей и ежегодное воспитательное пособие для всех 7-х детей по 300 рублей на каждого до достижения ими двадцатилетнего возраста (14 апреля 1899 г.) за участи в трудах по причислению переселенцев Алтайского округа, орден Св. Станислава I степени (18 апреля 1899 г.) за лично-усердную службу, орден Св. Анны I степени (14 апреля 1902 г.), французский колониальный орден большой офицерский знак Черной звезды (19 ноября 1902 г.), австрийский орден Железной короны 1-го класса (20 января 1905 г.).

Был женат на Ольге Васильевне Немчиновой, дочери купца. Имел сыновей: Николая (родился 30 апреля 1883 г.), Дмитрия (20 апреля 1885 г.), Василия (20 февраля 1891 г.), Александра (18 мая 1896 г.), дочерей: Наталию (27 февраля 1888 г.), Ольгу (20 февраля 1891 г.), Анну (23 апреля 1898 г.). Жена и дети православного вероисповедания

Умер Василий Ксенофонович Болдырев 8 декабря 1916 года.

Источники: Послужной список Болдырева // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53785. Л. 3-26 об.

Старчевский А.А. Памятник Восточной войны 1877–1878 гг. СПб.: Типография Б.Г. Янпольского, 1878. С.29–30.

Жизнь Алтая (Барнаул). 1916. 9 декабря.

Приложение 2

1 октября 1919 г. в Омске умер рядовой дружины Св. Креста из граждан Пермской губернии Красноуфимского уезда Андрей Михайлович Рыжков (30 л.) от сыпного тифа (ГИАОО. Ф. 16. Оп. 11. Д. 095. Л. 210).

18 октября 1919 г. в Омске умер солдат дружины Св. Креста из граждан Пермской губернии Оханского уезда Ефим Дмитриевич Мелехин (46 л.) от брюшного тифа (ГИАОО. Ф. 16. оп. 11. Д. 095. Л. 218).

20 октября 1919 г. в Омске умер доброволец дружины Св. Креста из граждан Вятской губернии Глазовского уезда Николай Ожегин (34 г.) от сыпного тифа (ГИАОО. Ф. 16. Оп. 11. Д. 095. Л. 220).

22 октября 1919 г. в Омске умер доброволец дружины Св. Креста из граждан Уфимской губернии Бирского уезда Степан Степанович Банников (29 л.) от возвратного тифа (ГИАОО. Ф.16. Оп. 11. Д. 095. Л. 221).

28 октября 1919 г. в Омске умер солдат дружины Св. Креста из граждан Вятской губернии Глазовского уезда Никита Алексеевич Власов (33 г.) от сыпного тифа (ГИАОО. Ф. 16. Оп. 11. Д. 095. Л. 224).

Информация любезно предоставлена С. Парфеновым (г. Омск).

<http://siberia.forum24.ru/?1-4-000000029-000-160-1>

Приложение 3

Крестоносцы

Кровавые призраки бродят
И шепчут молитву уста.
На ратное дело уходят
Дружины Святого Креста.
Их ждет сиротливая Волга,
Их ждет золотая Москва...
Народ бесновался так долго
И труд заменили слова!
Наследье отцов погибает.
Повсюду позор и развал.
Средь огненных гроз нарастает
Девятый решительный вал.
За родину, семьи и Бога
Под знаменем чистым Креста
Идут они сумрачно, строго
И шепчут молитву уста.
И веришь, что ужасы ада
Прогонит Крестовый поход, –
Исчезнет звериная правда
И солнце покоя взойдет.

Вл. Менестрель.

*Источник: Наша Газета (Омск). 1919.
14 сентября.*

Приложение 4

Биографии

Николай Васильевич Болдырев родился 30 апреля 1883 года. 3 сентября 1901 года Николай окончил полный курс 1-го Кадетского корпуса и получил аттестат зрелости. 24 июня 1902 года управляющему Санкт-Петербургским учебным округом из департамента разряда высших учебных заведений министерства народного просвещения поступило отношение о разрешении зачислить Николая Болдырева в число студентов юридического факультета Санкт-Петербургского университета без представления аттестата зрелости. 19 июля 1902 г. подал прошение ректору Санкт-Петербургского университета о принятии его в число студентов юридического факультета. 23 июля 1902 г. был зачислен в студенты. 2 апреля 1907 года получил свидетельство об окончании полного курса наук на юридическом факультете университета. Весной 1908 г. по окончании юридического факультета был удостоен диплома первой степени. 11 декабря 1908 г. Н. Болдырев был оставлен в университете для

приготовления к профессорской и преподавательской деятельности по кафедре государственного права с 01.12.1908 года. 1 февраля 1909 г. командирован за границу на полгода с «ученой целью». Не позднее 19 января 1909 г. подал прошение ректору Санкт-Петербургского университета об увольнении его из числа студентов. 5 февраля прибыл к Санкт-Петербургскому призывному участку для отбывания воинской повинности.

27 мая 1911 г. определен на службу в Государственную канцелярию. 1 ноября 1912 г. допущен в качестве приват-доцента к чтению лекций в Санкт-Петербургском университете по курсу «История политических учений». 28 января 1913 г. командирован за границу на 2 года с «ученой целью». 21 февраля 1913 г. Н.В. Болдыреву предоставлено право ношения светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования Дома Романовых. (ЦГИАСПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10221. Л. 101 об. – 106).

6 июня 1917 года Приват-доцент Петроградского университета Н. Болдырев командирован в г. Пермь для чтения лекций по кафедре государственного права, но в Пермь не прибыл, т. к. по дороге был перенаправлен в Саратовский университет. 25 сентября 1929 года Николая Васильевича не стало.

Александр Васильевич Болдырев родился 18 мая 1896 года в г. Барнауле. 20 августа 1907 г. поступил в училище при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра. 13 мая 1914 г. окончил восьмиклассный курс гимназии и получил аттестат зрелости.

20 июня 1914 г. подал прошение ректору Санкт-Петербургского университета о принятии его в число студентов историко-филологического факультета. 1 июля 1914 г. был зачислен в студенты. 28 мая 1916 г. ему было выдано удостоверение в том, что он будет принят на ускоренные офицерские курсы в Пажеский корпус с 1 июня 1916 г. 9 сентября уволен из числа студентов университета.

2 марта 1918 г. подал прошение ректору Санкт-Петербургского университета о

Рис. 13. Александр Васильевич Болдырев
Fig. 13. Alexander Vasil'evich Boldyrev

повторном принятии его в число студентов историко-филологического факультета.

В марте 1918 г. был зачислен в университет. 15 августа 1918 г. Александр подает заявление в Пермский университет, как вольнослушатель историко-филологического факультета Петроградского университета и его зачисляют. После занятия г. Перми войсками адмирала Колчака его мобилизуют в Сибирскую армию. 27 ноября 1919 г. поступил на историко-филологический факультет Саратовского университета. Не позднее 11 августа 1921 г. был восстановлен в списке студентов этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук Петроградского университета. 27 марта 1922 г. Александр Болдырев получил свидетельство об окончании факультета общественных наук Петроградского университета. (ЦГИАСПб Ф. 14. Оп. 3. Д. 63972. Л. 2, 6, 8, 9). Работал в Петроградском университете, институте имени Герцина и электротехническом. В 1927 году женился. В 1928 арестован органами ГПУ, за то, что состоял в нелегальном антисоветском кружке «Абдем», но весной 1929 года выпущен на свободу и восстановлен на работе. 23 июля 1929 г. у него родилась дочь Софья, а утром он вновь был арестован, осужден на 5 лет и отправлен в концлагерь в г. Кемь Мурманской области. В 1931 году ему заменили концлагерь на ссылку в Котлас. Там провел еще три года, в 1934 году вышел на свободу и был восстановлен на всех 3-х работах. Защитил кандидатскую диссертацию. Переводчик Платона. В соавторстве с Я.М. Боровским написал учебник латинского языка для ву-

зов (1940). В осажденном Ленинграде в 1941 году ему была доверена ответственная работа по противовоздушной обороне в университете. В том же году А.В. Болдырева не стало.

Василий Васильевич Болдырев родился 20 февраля 1891 года. 14 июня 1908 г. окончил полный курс наук в кадетском корпусе императора Александра II. 17 июня 1909 г. подал прошение ректору Санкт-Петербургского университета о принятии его в число студентов математического отделения физико-математического факультета. 2 июля 1909 г. был зачислен в студенты. 2 июня 1914 года получил свидетельство об окончании полного курса наук на математическом отделении физико-математического факультета университета. Со 2 ноября 1915 г. – юнкер Михайловского артиллерийского училища на основании вольноопределяющегося 1 разряда. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53785. Л. 2, 29).

С 1914 по 1915 год преподавал в Крестовском коммерческом училище. С 1917 года был заведующим Аэродинамической станции в аэрологической обсерватории. С июля 1918 года по 4 декабря преподавал в Пермском университете метеорологию и математику. С 1918 по 1921 год преподавал в Саратовском университете. С 1922 по 1923 год читал лекции одновременно в трех Петроградских высших учебных заведениях. С 1923 по 1940 г. был преподавателем

высшей математики в военно-механическом институте. Кандидат физико-математических наук (архив Аркадия Карпова).

Русин Петр Петрович. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище по 2-му разряду в 1895 г. и направлен в 120 пехотный Серпуховский полк, в 1899 году – подпоручик 117 пехотного Ярославского полка, в 1908 году – делопроизводитель управления Шадринского уездного воинского начальника, на 1 января 1909 года – делопроизводитель управления Екатеринбургского уездного воинского начальника. На 14 ноября 1909 года – штабс-капитан 232 Ирбитского резервного батальона, в 1910 году – штабс-капитан 194-го пехотного Троицко-Сергиевского полка. Мобилизован в Красную армию в 1918 году. Осенью того же года перешел на сторону белых. Летом 1919 года – командир роты добровольческой Дружины Св. Креста в Омске, с декабря того же года – комендант отряда той же дружины. Участник Сибирского Ледяного похода. С 21 апреля 1920 года в Ижевской дивизии, полковник. В эмиграции в Китае. С осени 1925 года – командир отдельной юнкерской роты войск Чжан Зунчана. К 1927 году – в Харбине.

Статья поступила 19.04.2016 г.

Article received 19.04.2016 г.

Библиографический список

- Генерал Дитерихс. М., 2004. 640 с.
 Государственный архив Алтайского края. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 11.
 Государственный архив Пермского края. Ф. Р-180. Оп.1. Д. 15.
 ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 29.
 ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 40.
 ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 4. Д. 356.
 ГАПК. Ф. Р-180. Оп.7. Д. 55.
 Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5013.
 ГАХК Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5018.
 Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Шанхай, 1932. 288 с.
 Жизнь Алтая : ежедневная газета. Барнаул. 1916. 9 декабря.
 Забытый полк. Барнаул, 2009. 318 с.
 Иванов Вс.Н. Исход // Дальний Восток. Владивосток. 1994. № 12. С. 3–75.
 Иванов Вс. Н. Огни в тумане. Москва, 1998. 383 с.
 Казакова А. Рыцарь святого креста. Харбин, 1936. 54 с.
 Красный Урал. Пермь. 1919. 14 ноября.
 Краткая история Санкт-Петербургского религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева = http://solsoc.chat.ru/hist_r.htm
 Наша Газета. Омск. 1919. 18 октября.

Пермский университет в воспоминаниях современников. Пермь, 1991. 91 с.

Посадский А.В. Страницы Белого добровольчества на востоке России // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2002. № 11. С. 81–95.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1317. Оп. 2. Д. 891.

Свободная Пермь. 1919. 8 февраля.

Сибирский казак. Омск. 1919 5 ноября.

Ситников М.Г., Дмитриев Н.И. Болдырев Дмитрий Васильевич // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург. 2006. № 15. С. 65–71.

Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной

Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 гг.). Томск, 2012. 563 с.

Утро Сибири. Челябинск. 1919. 11 апреля.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИАСПб) Ф. 14. Оп. 1. Д. 10221.

ЦГИАСПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10636.

ЦГИАСПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 42835.

ЦГИАСПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 418.

ЦГИАСПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 487.

ЦГИАСПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 11.

Электронный ресурс.

<http://siberia.forum24.ru/?1-4-000000029-000-160-1>

References

Elektronnyi resurs [Internet source]. – <http://siberia.forum24.ru/?1-4-000000029-000-160-1>

Enborisov G.V. *Ot Urala do Kharbina* [From Ural to Kharbin]. Shanghai, 1932. – 5430 in.; <http://www.elan-kazak.ru>

GAKhK [SAKhK]. F. R-830. Op. 3. D. 5018.

GAPK [SAPK]. F. R-180. Op. 2. D. 29.

GAPK [SAPK]. F. R-180. Op. 2. D. 40.

GAPK [SAPK]. F. R-180. Op. 4. D. 356.

GAPK [SAPK]. F. R-180. Op. 7. D. 55.

General Diterikhs [General Diterikhs]. Moscow, 2004. 640 p.

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK) [State Archive of the Altaisky Krai (SAAK)]. FP. 1061. Op. 1. D. 11.

Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia (GAKhK) [State Archive of the Khabarovskiy Krai (SAKhK)]. F. R-830. Op. 3. D. 5013.

Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia (GAPK) [State Archive of the Permsky Krai (SAPK)]. F. R-180. Op. 1. D. 15.

Ivanov Vs. N. *Ogni v tumane* [Lights in the fog]. Moscow, 1998. 383 p.

Ivanov Vs.N. *Iskhod* [Exodus]. Dal'nii Vostok [Far East]. Vladivostok. 1994. No. 12. Pp. 3–75.

Kazakova A. *Rytsar' svyatogo kresta* [Knight of the Holy Cross]. Harbin, 1936. 54 p.

Krasnyi Ural. [Red Ural]. Perm'. 1919. 14 Nov.

Kratkaya istoriya Sankt-Peterburgskogo religiozno-filosofskogo obshchestva imeni Vladimira Solov'eva [Brief history of the Saint-Petersburg religious-philosophic society named for Vladimir Solov'ev] = http://solsoc.chat.ru/hist_r.htm

Nasha Gazeta [Our Newspaper]. Omsk. 1919. October, 18.

Permskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov [Perm' Univeristy in the memories of conemporaries]. Perm', 1991. 91 p.

Posadskii A.V. *Stranitsy Belogo dobrovol'chestva na vostoке Rossii* [Pages of White volunteering in the Eastern Russia]. Belaya armiya. Beloe delo [White Army. White Matter]. Ekaterinburg, 2002. No. 11. Pp. 81–95.

Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. F. 1317. Op. 2. D. 891.

Sibirskii kazak [Siberian Cossack]. Omsk. 1919. 5 Nov.

Sitnikov M.G., Dmitriev N.I. *Boldyrev Dmitrii Vasil'evich* [Boldyrev Dmitry Vasil'evich]. Belaya armiya. Beloe delo [White Army. White Matter]. Ekaterinburg. 2006. No. 15. Pp. 65–71.

Svobodnaya Perm' [Free Perm']. 1919. 8 Febr.

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIASPb) [Central State Historical Archive of the Saint-Petersburg (CSHASPb)]. F. 14. Op. 1. D. 10221.

- TsGIASPb* [CSHASPb]. F. 14. Op. 1. D. 10636.
- TsGIASPb* [CSHASPb]. F. 14. Op. 3. D. 42835.
- TsGIASPb* [CSHASPb]. F. 144. Op. 2. D. 11.
- TsGIASPb* [CSHASPb]. F. 19. Op. 125. D. 418.
- TsGIASPb* [CSHASPb]. F. 19. Op. 125. D. 487.
- Uimanov V.N. *Likvidatsiya i reabilitatsiya: politicheskie repressii v Zapadnoi Sibiri v sisteme bol'shevistskoi vlasti (konets 1919–1941mg.)* [Liquidation and Rehabilitation political repression in Western Siberia in the system of the Bolshevik government (end of 1919–1941)]. Tomsk, 2012. 563 p.
- Utro Sibiri* [Siberian Morning]. Chelyabinsk. 1919. 11 Apr.
- Zabytyi polk.* [Forgotten regiment]. Barnaul, 2009. 318 p.
- Zhizn' Altaya : ezhdnevnyaya gazeta* [Life of the Altai: daily newspaper. Barnaul. 1916. December, 9.

Сведения об авторе

Ситников Михаил Григорьевич, заведующий отделом метрологии Пермского национального исследовательского университета, 614068, Россия, Пермь, ул. Пермская, 230, 23, e-mail: zebzei@yandex.ru

Sitnikov Michail Grigor'evich, Director of the Department of metrology, Perm' National Research University, 23, 230, Permskaya str., Perm', 614068, Russia, e-mail: zebzei@yandex.ru

УДК 355.48 (47+57) «1919»

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-68-87

ДРУЖИНЫ СВЯТОГО КРЕСТА И ЗЕЛЕННОГО ЗНАМЕНИ – ПОСЛЕДНИЙ РЕЗЕРВ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА

© Р.Г. Гагкуев

Статья посвящена Дружинам Святого Креста сибирских городов. Автор интерпретирует эти воинские образования как последний резерв Колчака и описывает их роль в Гражданской войне в России.

Ключевые слова: Белое движение, Восточный фронт, добровольчество, Дружины Святого Креста и Зеленого Знамени, церковь, Временное высшее церковное управление, Российская армия, А.В. Колчак, М.К. Дитерихс, резервы.

Формат цитирования: Гагкуев Р.Г. Дружины Святого Креста и Зеленого Знамени – последний резерв адмирала А.В. Колчака // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 68–87. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-68-87

SQUADS OF THE HOLY CROSS AND THE GREEN BANNER – THE LAST RESERVE OF ADMIRAL A.V. KOLCHAK

© R.G. Gagkuev

The article is devoted to squads of the Holy Cross of Siberian cities. Author explains these military units as the last reserve of Kolchak and describes their role in the Civil War in Russia.

Keywords: White movement, Eastern Front, volunteering, squads of the Holy Cross and the Green Banner, church, Temporary Higher Church Administration, Russian Army, A.V. Kolchak, M.K. Diterikhs, reserves

Citation format: Gagkuev R.G. Squads of the Holy Cross and the Green Banner – the Last Reserve of Admiral A.V. Kolchak. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. Pp. 68–87. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-68-87

Во второй половине 1919 г. в связи со сложной обстановкой на белом Восточном фронте командование Российской армии попыталось увеличить масштабы добровольческого движения, которое приобрело ярко выраженную религиозную окраску и «достаточно четкую организационную структуру» (Посадский, 2002. С. 81). Изменению политики в отношении добровольчества способствовали как позиция, занятая Временным высшим церковным управлением (ВВЦУ), так и точка зрения командования белого Восточного фронта, считавшего возможным найти опору в народных массах с помощью провозглашения религиозной войны с большевизмом и крестового похода против «безбожной власти».

Ухудшение ситуации на фронте привело к тому, что необходимость развертывания широкого добровольческого движения была воспринята на уровне высшего командования. 6 августа 1919 г.¹ в Омске с призывом записываться в Дружины Святого Креста выступил русский философ и общественный деятель приват-доцент Пермского университета Дмитрий Васильевич Болдырев, занимавший к тому времени должность директора пресс-бюро при Российском правительстве. Формирование новых добровольческих подразделений – Дружин Святого Креста и Зеленого Знамени началось с одобрения и по инициативе

¹ Все даты приведены по новому стилю.
All data are done in new style.

главнокомандующего Восточным фронтом генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса. Общее руководство формированием дружин в начале сентября было возложено на генерал-лейтенанта Владимира Васильевича Голицына, который 14 сентября назначил Д.В. Болдырева начальником агитационно-вербовочного отдела Добровольческих формирований (Посадский, 2002. С. 86–87). Духовное окормление осуществлял митрофорный протоиерей Петр (А. Рождественский), председатель организационного кружка Братства святителя Патриарха Гермогена в Омске и председатель Братства по организации Дружины Святого Креста и Зеленого Знамени памяти патриарха Гермогена. На добровольческие формирования Российское правительство выделяло 10 млн рублей. Добровольцы поступали на службу на шесть месяцев, получали в собственность обмундирование и зимнюю одежду (Новикова, 2002. С. 96–97; Цветков, 2004. С. 45).

28 августа адмиралом Колчаком был подписан приказ № 182, согласно которому генерал В.В. Голицын назначался «начальником всех добровольческих формирований (Дружин Святого Креста, беженцев и проч.) с правами и содержанием командира неотдельного корпуса и с непосредственным подчинением начальнику штаба Верховного главнокомандующего» (РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 130). Генерал Голицын получил соответствующее управление и региональных уполномоченных со своими управлениями почти во всех губерниях, находящихся под властью Российского правительства. Омское управление возглавил поручик П.И. Васильев, Томское – полковник Б.А. Герасимов, Енисейское – подполковник Шлеер, Иркутское – подполковник Ильин, Читинское – полковник Цитович, Амурское – полковник Кирпичев, Приморское – полковник Матрошниченко (Карпов, 2014. С. 81).

29 августа 1919 г. Совет министров изменил и дополнил действовавшее «Временное положение о службе добровольцев в сухопутных войсках». Ряд статей положения излагался в новой редакции. Так, согласно изменениям, «...при призыве в войска сверстников добровольцев, последние»

сохраняли «свои добровольческие права и отличительные признаки до конца службы при условии, если поступили в войска не менее как за один месяц до объявления постановления Совета министров о призыве в [“] Правительственном вестнике [”]. Добровольцы, поступившие в войска менее, чем за один месяц до объявления призыва» сохраняли «свои добровольческие права только до конца того шестимесячного периода их службы, в котором застанет их объявление призыва сверстников» (добровольческая служба засчитывалась за общий срок действительной службы и в запасе). Помимо жалования, согласно новой редакции документа, добровольцы получали дополнительно единовременные пособия: «при поступлении на службу – 1000 рублей и по истечении двухлетней непрерывной и беспорочной добровольческой службы – 5000 рублей». Кроме того, «независимо от указанных... пособий» предусматривалась выдача «после каждого шестимесячного периода непрерывной беспорочной службы: после первого такого периода – 800 рублей, после второго – 1000 рублей, и после третьего – 1500 рублей». Служба считалась непрерывной и в том случае, если между двумя шестимесячными периодами службы были перерывы, продолжавшиеся не более двух месяцев. Правда, такой перерыв в счет общего двухлетнего срока добровольческой службы не включался и жалованием не оплачивался. Согласно документу, добровольцы также получали от казны «бесплатное обмундирование в размере действительной надобности», которое навсегда оставалось в их собственности, за исключением случаев увольнения «в дисциплинарном порядке или по суду». Семейные добровольцы, помимо жалования получали квартирные деньги в размере «одной трети основного оклада жалования» (по выступлении в поход эти деньги должны были выдаваться их семьям). Кроме того, постановление предусматривало помощь потерявшим трудоспособность добровольцам, а также семьям убитых и умерших вследствие ранений (РГВА. Ф. 39957. Оп. 1. Д. 56. Л. 361–362).

Важным стимулом притока добровольцев, большинство из которых состав-

ляли беженцы (зачастую – семейные), должно было стать предоставление «кредитосцам» жилья, что неоднократно подчеркивалось в разных воззваниях и обращениях. Но распоряжения ответственных лиц о выделении добровольцам жилья на местах зачастую исполнялись плохо. Для исправления ситуации потребовался отдельный приказ генерала Голицына № 21 от 10 октября, в котором сообщалось: «...Подтвердить командующим войсками округов необходимости особой заботливости по отношению расквартирования и довольствия дружинников и их семей, от чего во много будет зависеть успех поступления добровольцев. Так как квартирный вопрос во многих городах чрезвычайно тяжел, то командующим войсками должен сообщить теперь же генералу В.В. Голицыну. Сколько в каком пункте формирования в наличии помещений» (Карпов, 2014. С. 107–108).

Привлечению в ряды армии добровольцев призваны были способствовать активная пропагандистская кампания и организационные меры командования, пришедшиеся в основном на август – октябрь 1919 г. В конце августа Верховный правитель адмирал А.В. Колчак подписал воззвание «Русские люди!» с призывом к населению записываться в добровольческие части (воззвание также подписал начальник Добровольческих формирований генерал В.В. Голицын).

«Мы все живем одной мыслью, одним желанием восстановить нашу погибающую Родину, – обращался к населению Колчак. – Не только Европейская Россия, но и Урал захлебывается в крови братоубийственной войны, разграбляется, разоряется, ведется большевиками к нищете и голоду. Для борьбы с ними и для дальнейшего строительства обновленной земли русской, необходима крепкая по духу армия, достойная Великой России. Беженцы, добравшиеся к берегам Иртыша с Поволжья и Урала, поняли, что дальше бежать некуда. Они поняли, что час пробил, и как один записываются добровольцами в армию. Те же добрые вести идут из других мест Сибири. Я решил лично взять на себя высшее руководство добровольческим движением. К Вам обращаюсь люди русские.

Вечным проклятием покроется имя того, кто ждет, что за него и без него спасут Родину. В ком совесть есть, кто не калека, тот должен взять в руки винтовку. Вы, матери, жены и сестры, отвернитесь от своих сыновей, мужей и братьев, если они здоровы, могут встать в ряды армии, но предпочитают остаться в тылу» (РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 80. Л. 2).

27 августа с подобным воззванием к населению обратилось и Российское правительство: *«Все силы должны быть посвящены только одной цели – дать отпор надвигающемуся врагу, несущему смерть и всеобщее разрушение. Каждый, способный носить оружие, должен стать в ряды нашей доблестной армии, все же остальное население, в тесном единении с властью, должно неослабным трудом самоотверженно содействовать ее боевой работе»* (Генерал Дитерихс, 2004. С. 322).

7 сентября 1919 г. генерал В.В. Голицын в интервью «Нашей газете» довольно оптимистично оценивал начало добровольческих формирований: *«Отрадно видеть, что добровольчество идет с низов. Само население берется за оружие. Попутно это движение выдвинуло новый клич: «За веру Родины!». Православные под знаком креста и мусульмане под знаком полумесяца поднимаются на Священную войну. Мне рисуется волнующее душу зрелище: потерявший надежду на спасение и вверивший себя только Промыслу Божьему народ Советской России вдруг увидит идущие навстречу полки с великим знаменем Святого Креста. Рост добровольчества огромен. Из Томска, Новониколаевска, Красноярска и других городов сообщают о ширящемся движении. Кто бывал в бою, тот знает, что в победу вера только тогда, когда надеешься на верность соседа. Добровольческие отряды поэтому будут самостоятельными единицами»* (Карпов, 2014. С. 78–79).

Глава британской военной миссии генерал-майор А. Нокс заказал у Библейского общества 100 000 экземпляров Священного Писания на русском языке, которое должно было вручаться каждому из добровольцев (прибыли в Сибирь только в ноябре 1919 г.). Дружинники Святого креста

должны были, по мысли командования, не только физически численно усилить боевые части, но и вернуть им моральную волю к борьбе, «стать примером жертвенности тыла фронту во имя общей победы» (Цветков, 2004. С. 45).

13 сентября 1919 г. генералом М.К. Дитерихсом отдельной директивой был определен штат и должностное соответствие окружных уполномоченных по формированию Дружин Святого Креста и Зеленого Знамени войсковым офицерам. В соответствии с ней должность окружного уполномоченного приравнивалась к должности командира бригады, а его помощник пользовался правами командира полка. Для формирования добровольческих дружин Сибирь подразделялась на пять районов: Омский (Алтайская и Тобольская губернии, Акмолинская и Семипалатинская области, а также Новониколаевский уезд Томской губернии); Томский (Енисейская и Томская (Новониколаевского уезда) губернии); Иркутский (Иркутская губерния, Урянхайский и Якутский края); Забайкальский (Забайкальская область) и Дальневосточный (Амурская и Приморская области, Уссурийский край и полоса отчуждения КВЖД). Каждый из районов в свою очередь делился на агитационно-вербовочные отделения. В задачи районного уполномоченного начальника Добровольческих формирований входили: пропаганда идей добровольческого движения, вербовка добровольцев, подбор офицеров на командные должности, а также снабжение добровольцев всем необходимым. 18 октября приказом главнокомандующего в ведение начальника Добровольческих формирований передавались, помимо уже находившихся в его распоряжении вновь формируемых дружин, также и добровольцы, набираемые для Ижевской и Воткинской дивизий, а также других, уже действовавших на фронте частей (Карпов, 2014. С. 81–82; Посадский, 2002. С. 85–87).

17 сентября генерал Дитерихс отдал приказ, в котором говорилось: «Вербовка добровольцев и формирование добровольческих дружин Верховным правителем и Верховным главнокомандующим возложены на генерала Голицына. Вербовка допущена из всех элементов, как подлежащих,

так и не подлежащих призыву. Уполномоченные по добровольческому формированию узаконены и ныне находятся уже на местах. Вербуемые уполномоченными добровольцы подлежат сбору при управлениях начей (так в документе. – прим. публикатора документа), удовлетворяются военачальниками вступительным 1000 рублевым пособием, каждый зачисляется на довольствие. Ком[андующие] войсками и вое[нные] нач[альники] оказывают всемерное содействие снабжению, вооружению... по согласованию с уполномоченными генерала Голицына содействуют отправлению на фронт. Дружины подлежат отправке на фронт в полки по указанию генерала Голицына тотчас после сбора, вооружения и снаряжения» (Карпов, 2014. С. 149–150).

19 сентября генералом Дитерихсом было утверждено «Положение о Дружинах Святого Креста». Создаваемые дружины были одновременно и «воинской частью», и в то же время составляли «религиозные братства», имеющие своего небесного покровителя (например – дружины «Святого Гермогена», «Святого Александра Невского», «Сергия Радонежского» и др.) и устав. Все вместе дружины образовывали Братство Святого Креста. Дружины Святого Креста создавались как воинские добровольческие части (рота, батальон), борющиеся «с большевиками, как с богоотступниками, за Веру и Родину». В них могли поступать лица всех христианских исповеданий (другие конфессии могли образовывать свои отряды в составе дружин). Вступающий в дружину помимо обычной присяги, давал обет верности Христу и друг другу перед Крестом и Евангелием. В «знак служения делу Христову» поверх платья дружинника налагался восьмиконечный крест (носился только в строю). Дружинники, наряду с соблюдением воинской дисциплины, должны были следовать особым правилам, «исключающим пьянство, нечестивость, сквернословие, распущенность, притеснение мирных жителей и так далее». Дружинники именовались между собой братьями (женщины – сестрами), а при обращении к офицерам могли использовать слово «брат» вместе с офицерским чином (например, «брат-поручик»). Помимо того, что в дру-

жины могли поступать лица всех христианских вероисповеданий при них могли также существовать и «не христианские отряды (например, мусульманские), сражающиеся за веру и единого Бога, подчиняющиеся своим уставам». Если численность сформированной дружины была недостаточной для самостоятельной деятельности, она могла входить в состав других действующих частей (предпочтительно добровольческих) «в виде отдельных рот или отдельных батальонов, но никоим образом не распределяются между ротами полка» (РГВА. 39499. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–1 об.). Генерал Голицын дополнительно сообщал, что приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала Колчака в штат отряда Святого Креста вводилась также должность священника с правами помощника командира полка. В качестве штатной структуры Дружин Святого Креста и Зеленого Знамени штаб Верховного главнокомандующего решил использовать штат отдельного сводного батальона, согласно которому в дружине должно было находиться 968 строевых и 57 нестроевых военнослужащих (Карпов, 2014. С. 84–85, 124).

19 сентября в газете «Русская армия» была опубликована присяга «крестоносцев»: *«Я, брат Дружины Святого Креста, обязуюсь и клянусь перед Святым Крестом и Евангелием быть верным Господу Христу, Святой церкви и друг другу, быть трезвым, честным, совершенно не произносить бранных слов, не быть жестоким с врагами, к своим всей душой браторасположенным. Аминь»* (Карпов, 2014. С. 85).

Ранее, 19 августа омская «Наша газета» сообщила, что в «...Дружины Святого Креста могут записываться все, как подлежащие мобилизации, так и не призываемые. Могут записываться в них и стоящие на действительной службе солдаты и офицеры, но, разумеется, оставаясь в своих частях, чтобы в них с разрешения начальства образовывать свои крестоносные группы. В Дружины Святого Креста могут записываться также и женщины для несения санитарной, хозяйственной, обозной службы» (Генерал Дитерихс, 2004. С. 259–260). В одной из листовок, призывавшей становиться в ряды добровольцев, говорилось:

«Православные! Оружие против сатаны есть святой крест... Белый крест проложит вам путь до святынь московских. Нашивайте белый крест на грудь и на правую руку вашу, которую вы творите божие дело» (Плаксин, 1968. С. 126).

В омской газете «Свободная речь» в опубликованной 19 августа статье «Сила креста» Д.В. Болдырев призывал население становиться на защиту церкви и Отечества: *«Нам, как непомнящим родства, нужно прежде всего сознать, вспомнить, что мы христиане, а те, кто против нас – антихристы и сатанинские варвары. Только в этом сознании различаем мы точно себя и врага, и, следовательно, становимся на путь победы над ним. Проникаясь христианским сознанием, мы тем самым возлагаем на себя и его внешнее выражение – знак Креста. Мы, борющиеся против большевиков, естественно становимся крестоносцами. Сила Креста и есть наша сила, и другой силы в борьбе с большевизмом нет и не будет у нас. Крест есть наша защита от большевистской заразы, ибо сатанинская сила рассеивается перед силой Креста. Крест – наш путь. Крест – наше воскресение»* (Сила креста, 2008. С. 106).

12 октября омская газета «Русское дело» опубликовала обширное интервью профессора Болдырева о формировании добровольческих дружин в Новониколаевске и Томске: *«Хотя добровольческое движение в этих городах только началось, там оно принесло уже довольно осязательные плоды. В Новониколаевске записалось в несколько дней 400 человек, в Томске – около тысячи. По-прежнему главным возбудителем добровольческого движения служит подъем религиозного чувства с лозунгом борьбы за веру. Этот религиозный подъем отражается, между прочим, в совершенно новом для Сибири явлении – организации церковной общественности. Так в Новониколаевске по примеру Омска образовалось Братство святого Гермогена, объединившее все православное население города. «Я, – сказал профессор, – был свидетелем громадного подъема, с каким прошло организационное собрание братства Святого креста в Томске. Прекрасно идет дело у мусульман. Правда, в мусульман-*

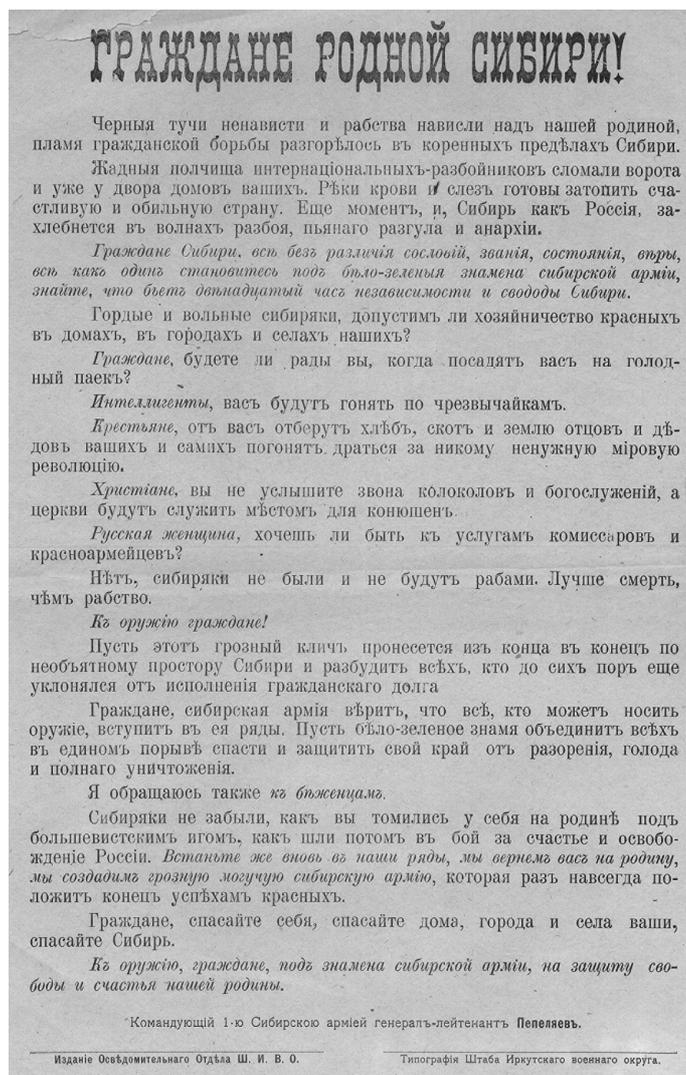
ской среде Новониколаевска и Томска были некоторые попытки связать добровольческое религиозное движение с узко национальными политическими целями, но эти попытки были решительно преодолены государственным разумом мусульман, патриотизмом и верностью Исламу. В результате вместо национальной армии, о которой уже поднималась речь, мусульмане Новониколаевска и Томска решили формировать отдельные мусульманские Дружины Зеленого Знамени. Не в меньшей мере добровольческое движение обязано своим ростом участию в нем элементов светской общественности. [...] Мы присутствуем только при зарождении этой волны, полем которой должна служить вся Сибирь. Целые слои населения и области Сибири еще не успели вовлечься в нее, но есть серьезные основания позволяющие думать, что удастся поднять добровольческое движение, также под лозунгом за веру, и среди киргиз Акмолинской области, и даже ламаистского населения Забайкалья. Это расширение добровольческого движения является ближайшей задачей его руководителей» (Генерал Дитерихс, 2004. С. 332–333).

26 октября в омском «Русском деле» Болдырев вновь взывал к потенциальным добровольцам: «Вера – вот единственная твердость и фундамент России. Мы видели эту твердость месяц тому назад на параде новых крестоносцев. Мы видели ее в суровых лицах, теперь мы видим ее на деле. Крестовая дружина уже получила первое боевое крещение. Много Божьих воинов полегло костью. Но Божье воинство твердо выдержало натиск превосходных сил, разбившихся о горсточку крепких духом людей. Измена впервые извела твердость веры» (Твердость веры, 2008. С. 109). Епископ Андрей Уфимский, один из первых, благословивших крестоносное движение, в своем обращении к верующим в «Правительственном вестнике» 1 октября 1919 г. призывал: *«Женищины должны шить белье для фронта, мужчины, негодные к военной службе, должны позаботиться, чтобы одеть хоть одного солдата, или идти в санитары. А все остальные должны немедленно идти на фронт. Другого выхода больше нет! Если вы не пойдете на фронт,*

то фронт пойдет до вас! Помните это твердо» (Карпов, 2014. С. 50).

Согласно директиве главнокомандующего Восточным фронтом генерала Дитерихса от 20 сентября под общим руководством начальника Добровольческих формирований генерала Голицына (при участии общественных организаций) в Омском и Иркутском округах должны были ускорено формироваться Дружины Братства Святого Креста. Их планировалось отправлять на фронт без боевой подготовки в тылу (обучение планировалось уже в дивизиях). Каждая дружина включалась на правах батальона в состав полка (добровольцы не дробились между ротами). Директивой от 25 октября генералу Голицыну предписывалось к 20 ноября завершить формирование 8 добровольческих дружин для полков группы генерал-майора С.Н. Войцеховского, а к 20 января – сформировать для 1-й Сибирской армии генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева 12 добровольческих дружин (Петров, 2008. С. 307–309). Сразу после этих указаний Дитерихса генерал Голицын отдал распоряжение об отправке на фронт первого формирования из «крестоносцев» – 1-й Омской Дружины Святого Креста, направленной в 3-ю армию. Помимо формирования Дружин Святого Креста в тылу командование предусматривало формирование «крестоносных» частей и на фронте. Существовало отдельное распоряжение командирам воинских частей не препятствовать переходу находящихся уже в строю чинов в дружинники. При каждой армии предполагалось создание вербовочных пунктов для добровольцев, но дальнейшего развития эта инициатива не получила. Частично приток добровольцев произошел из воинских частей, находившихся в тылу (Карпов, 2014. С. 125, 150).

Религиозное добровольческое движение было широко поддержано общественностью. Одними из первых откликнулись на формирование Дружин Святого Креста старообрядцы. Уже 17 августа в Омске было проведено общее собрание местных старообрядцев и беженцев-старообрядцев из других регионов страны (Вятской, Нижегородской и Пермской губерний). Старообрядцы приняли обращение к адмиралу

**Воззвание генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева. Осень 1919 г.
Proclamation of General-Lieutenant A.N. Pepelyaev. Autumn, 1919**

Колчаку, в котором сообщили что «решили организовать дружины крестоносцев и влиться в ряды армии, дабы своей грудью отстаивать до последней капли крови родину, веру и достояние отечества от врагов, преступников, безбожников и предателей – большевиков» (Карпов, 2014. С. 87). 3 сентября омская газета «Сибирская речь» опубликовала обращение к беженцам комиссии Старообрядческого собрания, в котором, в числе прочего, сообщалось и о льготах, положенных дружинникам и их семьям: «Старообрядческое собрание (всех сословий) из граждан города Омска и беженцев единогласно постановило основать дружины крестоносцев, защищать веру Христову, достояние народа и свое достояние. Идите, записывайтесь в эту дружину. Берите винтовки и бейте наемников красных, богоотступников, воров, убийц. По-

сылайте жен и дочерей ваших в сестры милосердия, стариков в санитары. Помогайте, кто чем может. Семьям вашим будет сейчас же дано помещение омскими старообрядцами и Военным ведомством. Основан особый денежный фонд для пропитания семей беженцев, поступивших в дружину крестоносцев, и для обеспечения самих крестоносцев в случае утраты ими трудоспособности. Приходите записываться в Министерство внутренних дел» (Беженцы-старообрядцы, 2008. С. 79). Советский историк Г.Х. Эйхе в работе «Опрокинутый тыл» в 1966 г. без ссылки на источник упоминал, что агитационные поездки с этой целью предпринимал известный старообрядец, духовный писатель Ф.Е. Мельников, а также епископ Томский и Алтайский Иоасаф (в миру – И.С. Журавлев) (Эйхе, 1966. С. 130, 370).

27 августа в Омске, в здании 1-й Омской женской гимназии, состоялось собрание беженцев Поволжья, Прикамья, Урала и занятых большевиками районов Западной Сибири. «Мы, беженцы Приволжья, Прикамья, стоящие лагерями около города Омска, – говорилось в постановлении, – не имея другого крова, кроме неба, не знаем другой Родины, кроме родной нашей земли, очищенной от большевиков – разорителей наших домов, осквернителей наших святынь. Все потеряв мы имеем только одно стремление встать на защиту нашей Родины и наших святынь. Мы не побежим вслед за трусами, спекулянтами и мародерами, думающими только о спасении себя и своего имущества». В принятом собравшимися и опубликованном 4 сентября в «Нашей газете» постановлении указывалось: «1. Всем беженцам, стоящим лагерями около Омска, записаться добровольцами в Дружины Святого Креста. 2. Просить Верховного правителя всех беженцев, бежавших с 1 октября 1917 г. от 18 до 50 лет и не записавшихся добровольцами до 2 сентября 1919 г. для г. Омска, немедленно мобилизовать, а тех беженцев, которые успели бежать за границу, вызвать обратно для исполнения долга защиты Родины с указанием предельного срока их возвращения, после которого они будут рассматриваться как государственные изменники. 3. Из мусульман, пожелавших встать на защиту своей веры, образовать при своей Дружине Святого Креста особые отряды, с особым зеленым знаменем» (Резолюция, 2008. С. 324–325).

Редакция резолюции того же собрания беженцев, опубликованная 30 августа в газете «Русская армия», существенно отличалась: «1) Так как бежать больше некуда и не для чего, ибо чем дальше, тем гуще все сибирские города переполнены и беженцы не найдут там не только хлеба, но и крова, то поступить всем беженцам, находящимся теперь в Омске, Куломзине и на берегах Иртыша в Дружины Святого Креста для защиты Родины, Веры от банд иноземных и иноверных разбойников. 2) Всех беженцев, уклонившихся от добровольного поступления в армию, в самый кратчайший срок мобилизовать (не позднее 2 сентября). 3) Просить Верховную власть издать приказ, что

все граждане России, выехавшие за границу, начиная с октября месяца 1917 г., должны в указанный краткий срок вернуться обратно для поступления в армию. Если же они этого не сделают, то считать их изменниками Родины, а имущество их конфисковать» (Симонов, 2001. С. 78).

27 августа также состоялось собрание представителей беженцев-мусульман, скопившихся в районе Омска, Новониколаевска и ряда других городов. В принятом постановлении указывалось, что из числа мусульман, пожелавших стать на защиту своей веры, необходимо создавать при формирующихся Дружинах Святого Креста особые отряды со своим Зеленым Знаменем. 31 октября под председательством беженца из города Осы М. Вахитова состоялось собрание мусульманского духовенства. Непосредственно на собрании была начата запись добровольцев в Омский отряд Зеленого Знамени Пророка. В сентябре мусульманское духовенство усилило свою деятельность по вербовке добровольцев в отряды Зеленого Знамени. 7 сентября, в день торжественного молебствования по случаю мусульманского праздника «Курбан-Байрам», большевизму был объявлен «Газават» (Священная война). Мусульманское духовенство призывало верующих под Зеленым Знаменем идти бок о бок с Дружинами Святого Креста на войну с большевиками (Карпов, 2014. С. 95–96). Осенью 1919 г. в печати подчеркивалась необходимость единства всех конфессий в борьбе с большевизмом. Так, в редакционной статье газеты «Русское дело» от 26 октября говорилось: «Еще в первые дни большевистского мятежа, когда по России покатила волна пьяных погромов, мусульманские роты сплошь и рядом оказывались единственными защитниками разгромляемых городов. В последний период, когда начался уже организованный и принципиальный грабеж большевиками православных церквей и монастырей, зачастую мусульмане выступали защитниками христианской святыни и отстаивали ее неприкосновенность. Мусульманское духовенство не раз активно вмешивалось в те зверские расправы, которые чинили большевики над православным духовенством, и спасало жизнь христиан-

ским священникам. Рядом с христианскими дружинами крестоносцев поднимаются мусульманские Дружины Зеленого Знамени, одушевляемые теми же самыми идеями религии, государственности, национальности. Которые святы нам на путях нашего возрождения. Зеленое Знамя Пророка поднято против красного флага большевиков, который всюду несет с собою разрушение права и государства, безрелигиозный нигилизм и разгром национальной культуры. Среди сил, борющихся за возрождение России, видное место принадлежит русскому мусульманству, и неувядаемый венок рыцарской верности и доблести – его передовому воинству, Дружинам Зеленого Знамени Пророка» (Карпов, 2014. С. 96–97).

9 октября газета «Русская армия» сообщила об открытии в разных городах Сибири отделов Братства Святого Креста. 26 октября издание проинформировало, что в Томске «для борьбы с большевизмом возникло Братство Святого Креста, доступ в которое открыт для исповедников всех отраслей христианства». 28 октября «Русская армия» писала: «Мы должны напрячь всю энергию, чтобы крестоносное движение, движение «за веру» охватило самые широкие круги нашей общественности. Мы должны пробить народную толщу и там раскрыть истинный смысл борьбы с большевизмом как с апостолами атеизма» (Плаксин, 1968. С. 126; Плаксин, 1987. С. 141).

Несмотря на недостаток времени и сложности в организации движения «крестоносцев» первые добровольческие части были сформированы уже в скором времени. 18 сентября в Омске состоялся смотр дружин, о котором отдельной заметкой от 21 сентября рассказала «Наша газета»: «...В час дня перед кафедральным собором состоялось всенародное молебствие. Народу была полна площадь. После него был проведен первый смотр первых Омских православных Дружин Святого Креста и мусульманских – «Зеленого Знамени». Прибыли генералы: [М.К.] Дитерихс, [Б.И.] Хорошихин, [А.И.] Дутов, [В.В.] Голицын. Дитерихс принял парад. Стройными рядами проходили дружинники. Православные с восьмиконечным крестом на шапках и на

груди, мусульмане – со звездой и полумесяцем на шапке и рукаве. В первых рядах этой дружины шел инициатор крестоносного движения унтер-офицер профессор [Д.В.] Болдырев». Главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г.К. Гинс вспоминал, что в октябре 1919 г. по улицам Омска «ходили крестоносцы, поступившие в ряды армии для защиты веры православной. Рядом с ними маршировали мусульмане со знаком полумесяца» (Гинс, 2008. С. 472).

28 сентября в кафедральном соборе Новониколаевска состоялось торжественное открытие Новониколаевского отделения Братства святителя Гермогена. «...Из толпы присутствующих вышел профессор Болдырев в форме унтер-офицера Дружины Святого Креста, – сообщила «Сибирская речь». – Уверенная, полная горячей веры в предпринятое святое дело защиты поруганной Веры Христовой и Родины, речь профессора длилась целый час. Просто и понятно профессор-крестоносец излагал перед верующими весь цинизм, весь антирелигиозный смысл большевизма в России, посеянного иноземной немецкой рукой.

[...] Затем гражданин Копылов сообщает собранию, что в настоящее время среди присутствующих есть уже желающие быть дружинниками и просит принять их под сень Святого Креста. Этот 54-летний гражданин – отец семейства, а другой – отец семейства из 9 человек. Поклонимся им, как лучшим из нас и скажем им русское спасибо! Выходят эти два достойных сына Святой Руси и принимают братское целование от вождя крестоносцев генерал-лейтенанта Голицына» (Религиозное движение, 2008. С. 105). Журналист подпоручик Всеволод Иванов, непосредственный очевидец формирования «крестоносных» частей, позднее вспоминал об этом же эпизоде: «...В середине сентября выехал из Омска в Новониколаевск... Там предо мной предстала, так сказать, сибирская провинция, где проходила эта самая мобилизация Дружин Св[ятого] Креста. В большом соборе в чудесный осенний день выступал с проповедью сам профессор Болдырев. Был он в английском солдатском обмундировании с белым крестом на груди; поверх

формы был надет церковный стихарь, зеленый, с галунами. Он говорил о том, что большевизм есть «сила дьявола» и одолеть ее можно только крестом. На оратора, стоявшего на амвоне, глядели многочисленные смущенные, недоумевающие или иронически настроенные слушатели... Ведь профессор звал их под ружье! Болдырев уехал из Новониколаевска в Томск. Я остался в городе – я не примкнул к этому движению, не веря в религиозное упорство нашего народа. [...] Формирование дружин в Новониколаевске шло не очень успешно. Город был наводнен спекулянтами, кооператорами, торговцами, эсерами. Все, кто готов был сражаться с оружием в руках, уже давно ушли в добровольцы. Однако в населенных пунктах ближе к Алтаю идея организации дружин нашла значительную поддержку среди сельского населения – зажиточных крестьян и старообрядцев, готовых сражаться и не боявшихся войны» (Иванов, 1994. С. 19).

Некоторые из организаторов Дружин Святого Креста, несмотря на отсутствие какого-либо устоявшегося организационного аппарата, тем не менее достигли значимых успехов в деле формирования крестноносных дружин – скорее вопреки, чем благодаря сложившейся на осень 1919 г. ситуации. 19 октября, после большой подготовительной работы, состоялось собрание беженцев Семипалатинска и его окрестностей под председательством члена Омской Дружины Святого Креста войскового старшины Г.В. Енборисова, на котором сразу же началась запись добровольцев в «крестonosцы». «Принимая во внимание тяжелое положение дорогой нашей Родины, – говорилось в резолюции собрания, – причиняемое безбожными варварами-большевиками, и находя необходимым и обязательным ее спасение, мы все граждане, проживающие в городе Семипалатинске и его окрестностях, постановили: теперь же в течение двух недель записаться и вступить в ряды славной нашей армии добровольцами, в Дружину Святого Креста, Ижевской дивизии и др. добровольческие части армии Верховного правителя от 18 до 55 лет, с оружием в руках защитить от насилия советской власти, и если кто-либо в

указанный срок не запишется, и не вступит добровольцем, то уполномочить воинского начальника города Семипалатинска ходатайствовать перед Верховным правителем о немедленном объявлении этому возрасту мобилизации, и просить президиум о настоящем постановлении телеграфировать Верховному правителю». Участники собрания также потребовали от местных властей сделать проверку всех лиц призывного возраста, «устроившихся в тылу и оказавшихся физически сильными и способными, командировать на фронт, заместив их соответствующими старших возрастов и физически слабыми» (Енборисов, 2014. С. 90–91). Адмирал Колчак тут же ответил Енборисову приветственной телеграммой: «Благодарю Вас и общее собрание граждан Семипалатинска и его окрестностей, состоявшееся 19 октября под Вашим председательством, за воодушевляющие его стремления реально и всемерно содействовать мне в борьбе с большевиками, с успешным исходом которой неразрывно связан рост нашего Государственного авторитета во вне. С удовлетворением убеждаюсь, что порыв национального достоинства все крепнет в стране» (Енборисов, 2014. С. 91).

Работа войскового старшины Енборисова по призыву добровольцев в Семипалатинске была более чем успешной. Согласно его собственной оценке, «только из Семипалатинского района» вербовка добровольцев дала «до 2000 человек, а всего было около 6000 человек, но другая организация, так сказать, исполнительный, или еще вернее, распределительный орган во главе с генералом В.В. Голицыным и его помощником поручиком П.И. Васильевым – эти, вполне надежными бойцами – не сумели распорядиться, посланные мной части из Семипалатинска по целым неделям держались на пароходах и содержались за свой счет, проедали последние гроши и не дождавись квартир или назначения в ту или иную часть, возвращались обратно: прекраснейшие люди – разочаровывались в распорядительном аппарате, и говорили, понуря голову: «Нет, видно ничего не выйдет, а как нам хорошо говорили на собраниях» и с этими словами крестonosцы расходились. Об этом на приеме у Верховного

[правителя А.В. Колчака], я обо всем доложил ему» (Енборисов, 2014. С. 96).

Первые добровольческие части отправились на фронт уже менее чем через месяц. Омская «Сибирская речь» 23 сентября сообщала об отправке 20 сентября первых Дружин Святого Креста: «Трогательны были эти проводы добровольцев, – сообщал корреспондент газеты. – После свершения молебствий отряды построились около театра Кристалл-Палас со своими зелеными знаменами. И каждый воин доброволец имел на груди букеты живых цветов. Была грязная погода, шел дождь, но публики на проводы собралось очень много. Публика осыпала добровольцев живыми цветами и ложились эти живые цветы даже на серую грязь улицы, придавая ей какой-то особенный и праздничный вид. Сосредоточенно серьезные лица добровольцев. И печаль, и тоска, и надежда в правоту великого дела была написана на них и высокий дух самопожертвования во имя его светился в их очах. У кого из добровольцев оставались родственники в Омске, они пожали им в последний раз руку и вставали в ряды. Но у многих никого здесь не было» (Дружинны..., 2008. С. 107). 19 сентября в распоряжение командующего 3-й армией убыла 1-я Омская Дружина Святого Креста в составе 11 офицеров, 395 штыков и 82 сабель. 21 сентября в распоряжение дежурного генерала 3-й армии убыл 1-й маршевый батальон Отдельной Ижевской добровольческой дивизии (11 офицеров и 601 доброволец при 32 пулеметах). 24 сентября в 3-ю армию направился 2-й маршевый батальон той же дивизии, в составе 6 офицеров, 2 чиновников, 1 врача, 617 добровольцев, при 24 пулеметах (Посадский, 2002. С. 90). Фронт, испытывавший огромную потребность в пополнениях, безусловно, был заинтересован даже в небольших по численности, но морально устойчивых дружинах добровольцев. Командующий Волжской группой генерал-лейтенант В.О. Каппель в октябре 1919 г. в интервью Российскому телеграфному агентству заявил: «Для полного торжества дела надо, чтобы фронт был обеспечен возможно полнее всем необходимым и прежде всего людьми, особенно же добровольцами, как наиболее созна-

тельными бойцами. Их убыль за полтора года боевой деятельности [1-го Волжского] корпуса сильно заметна. Тыл должен приложить все силы к снабжению фронта всем необходимым: теплыми вещами и бельем. Большею частью добровольцы из дружин Святого креста слиты с другими частями, но есть отдельные формирования, в которых добровольчество составляет значительный процент. Так как добровольческий элемент самый сознательный, настоятельно необходимо, чтобы в тылу была развита самая усиленная агитация в пользу добровольчества. Больше сознания, больше гражданского долга со стороны всех кругов общества, и дело возрождения Родины пойдет быстрее» (Генерал Каппель, 2010. С. 174).

По данным советского историка Р.Ю. Плаксина, помимо вышеописанных Дружин Святого Креста и Зеленого Знамени в Сибири в 1919 г. по инициативе архиепископа Омского Сильвестра и британского генерал-майора А. Нокса создавались и другие добровольческие части (например, полк Ильи Пророка) с ярко выраженной религиозной окраской, преимущественно из служителей церкви и добровольцев (Плаксин, 1968. С. 125; Плаксин, 1987. С. 141). Н.Д. Карпов и О.В. Золотарев упоминают о формировании Святой бригады из трех полков: полка Иисуса Христа, полка Богородицы и полка Николая Чудотворца, а также старообрядческой Дружины Святого Креста и православного 335-го имени Марии Магдалины полка (Емельянов, 2010; Золотарев, 1994. С. 86–87). Исследователю А.В. Посадскому удалось найти упоминание о «полке Иисуса Христа» в Государственном архиве Саратовской области. Кроме того, знамя полка Михаила Архангела хранится в Центральном музее Вооруженных Сил. Данные отрывочные свидетельства указывают на существование еще одной, «возможно, наименее структурированной ветви добровольческого движения и, шире, православного сопротивления большевистской власти» (Посадский, 2002. С. 93).

26 октября 1919 г., после отправки первых партий «крестоносцев» на фронт, в Омске были подведены итоги начального

этапа добровольческого движения. Руководителями братства Святителя Гермогена в здании городского театра был устроен праздник для начавших прибывать в следующие дружины добровольцев. Высокий статус собранию придавало участие в нем Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и некоторых министров Российского правительства, духовенства и иностранных представителей. «Добровольческое движение возникло в России одновременно с победой большевизма и развалом старой Русской армии, – сказал в своем обращении к собранию, опубликованном 28 октября в омском «Русском деле», адмирал Колчак. – Возникло в России добровольчество сначала на Юге, где вокруг истинных сынов родины – генерала [М.В.] Алексеева, память которого мы недавно чтим, и его сотрудников, генерала [Л.Г.] Корнилова и [А.И.] Деникина, образовались отряды, превратившиеся ныне в мощные армии. На Востоке добровольчество возникло иначе. Здесь оно связано с выступлением братского нам чешского народа, причем добровольческие силы пополнялись преимущественно беженцами, на себе испытавшими гнет большевизма. Ныне добровольчество возникает уже в среде сибирского населения и на новой основе, под лозунгом Святого креста и Зеленого знамени. И это естественно: что такое большевизм? Большевизм в его практической сущности – это социализм, доведенный до абсурда, построенный на противоречиях, ведущих к отрицанию национальности и религии. Но нет национальности без религии, поэтому большевизм интернационален и атеистичен. Возрождение государства идет поэтому всегда путем пробуждения национального чувства и подъемом чувства религиозного. Великий русский народ не может погибнуть. Не раз наша Родина переживала тяжкие времена; и ныне Россию спасет идея религиозная, идея Креста. Мы переживаем небывалое поистине историческое событие: враждовавшие прежде Крест Христов и полумесяц теперь соединились, чтобы вместе ринуться на борьбу с атеизмом большевизма. И крест, и полумесяц победят. Я приветствую добровольцев, которые

идут восстанавливать нашу Родину» (Праздник, 2008. С. 107).

Однако начало добровольческой кампании в момент тяжелых поражений на фронте и дезорганизации в тылу даже с учетом готовности определенной части населения встать в ряды «крестоносцев» не могло принести ощутимых для фронта результатов. В ноябре 1919 г. Верховный правитель России адмирал Колчак в воззвании «К населению Сибири» сделал одну из последних попыток призвать в ряды армии добровольцев. *«В грозный час, угрожающий гибелью всему русскому делу я обращаюсь к вам, граждане, с призывом защищать себя, свои семьи, свое достоинство с оружием в руках, – обращался Колчак к населению Сибири. – Немедленно вступайте в ряды нашей Русской армии, пополните ее бойцами, понимающими, за что они борются. Я обращаюсь, прежде всего, к крестьянам, как наиболее многочисленной части населения Сибири. [...] ...Большая часть Западной Сибири находится в состоянии анархии и хозяйничанья красных банд, уничтожающих все достоинство населения и обрекающих Сибирь подобно большей части России разорению и голодной смерти. Беритесь же за оружие, чтобы отстоять себя и свои права на жизнь по своей воле и желанию. Вступайте добровольцами в армию, организуйте отряды самообороны, уничтожайте в своей среде изменников и предателей большевиков. Я обращаюсь ко всему имущему населению Сибири: пора понять, что никакие пространства Сибири не спасут вас от разорений и позорной смерти. До сих пор вы думали, что правительство и армия будут вас защищать без всякого участия с вашей стороны, но настал час, когда вы должны сами взяться за оружие и идти в ряды армии. Идите же вы в армию, помогите своим достоинством, деньгами, продовольствием, одеждой. Забудьте о чужой помощи; никто кроме вас не будет вас защищать или спасать. Помните, что время не ждет и от вас зависит час гибели или победы»* (РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 80. Л. 12).

Накануне падения Омска, 5 ноября в помещении его городского театра, профес-

сор Болдырев на собрании, устроенном Русским бюро печати, выступил с одним из последних своих призывов к населению. Стремясь привлечь в ряды «крестоносцев» огромное число беженцев, скопившихся в столице Белой Сибири и ее окрестностях, он ставил в пример даже большевистский опыт обороны Петрограда от Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. «Атмосфера паники именно ужасна тем, что она подтачивает дух верности, – взывал Болдырев к собравшимся. – Паника заглушает веру в победу, деморализует волю. И трусы, думая, что спасают себя, губят дело спасения Родины. [...] ...В голове одна неотвязная мысль: куда бежать и как бежать? Но бежать – верная и бесславная гибель... Бежать и незачем: ресурсы Омска огромны. Есть в нем и люди и военное снаряжение, стоит только протянуть руки и взять. История нам ясно показывает, какую огромную потенциальную силу таит в себе город с большим населением. Например, в [18]70-е годы пруссаки легко разбили французов на полях битв, их регулярную армию и сразу же задержались под Парижем, когда население взялось его защищать. Немцы не могли взять Париж приступом. И Париж пал только от голода. Разве не то же наблюдается и с Петроградом. Сколько раз армия Юденича подходила к нему и сколько раз от него откатывалась! Это же самое может быть и с Омском. В Омске множество народу и в досталь оружия, надо только протянуть к нему руку, и протянуть не судорожно, со страхом, а протянуть добровольно. Ибо только в добровольческой армии спасение России. Кадры добровольцев у нас уже есть и они уже успели отметить себя достойными своих обетов. Я усердно рекомендую записываться вам именно в эти добровольческие части. Эти дружины стойки и преисполнены веры и верности» (Собрание, 2008. С. 99).

1 ноября в «Сибирской речи» было опубликовано воззвание Братства Святителя Гермогена: «Позор сильным, безумно бегущим, проклятием клеймит их история многострадальной Родины. Сильные и здоровые, идите на фронт, а слабые и женщины помогайте больным и раненым, несите кто теплую одежду, кто белье, кто

хлеб и т. д. Носящие мундиры, оставьте канцелярии, – они сейчас обойдутся и без вас, честь вашего мундира зовет вас к оружию. Все – на защиту милой Родины и беззащитных жен и детей» (За Веру..., 2008. С. 102)». 4 ноября «Сибирская речь» опубликовала резолюцию Собрания церковно-приходских советов, состоявшегося 2 ноября в Омске. В ней представители церковно-приходских советов фактически отказывались от призыва к населению идти добровольцами в армию, и переходили к призыву провести тотальную мобилизацию «добровольцев». «По вопросу мобилизации постановлено, – говорилось в резолюции, – через особую делегацию просить Верховного правителя немедленно провести мобилизацию всех способных носить оружие и особенно военных. Пребывание последних сейчас в городе, а не на фронте – крайне тягостно. Добровольцами многие граждане идти по понятным соображениям не решаются, а по мобилизации пойдут с охотой. Нельзя не согласиться с необходимостью не медлить с мобилизацией, когда видишь, как здоровые и сильные люди через все ходы и всеми способами устремляются вон из города. Необходимо задержать безумных, трусливых людей; пусть человек все делает из-под палки. Сейчас она необходимее, чем когда-нибудь. Это мнение всех бывших на собрании. Одним из присутствующих было указано на необходимость фильтрации мобилизуемых. Эту работу с большой пользой для дела могли бы делать домовые и квартальные комитеты. При этой гарантии мобилизация может быть проведена немедленно, причем мобилизуемые являются все с теплым обмундированием, облегчая здесь работу правительства» (На собрании, 2008. С. 102). 11 ноября во время организации обороны Омска Колчак обратился непосредственно к населению Омска с призывом вступать в добровольческие Дружины Святого Креста и в добровольческий Железный батальон. В соответствующем приказе Колчак предупреждал всех, кто собирался уехать и избежать «долга защиты города», что средства передвижения им предоставляться не будут (Карпов, 2014. С. 141).

В подписанном 25 ноября на станции Новониколаевск приказе адмирал Колчак в последний раз возлагал надежды на добровольческое движение, принявшее немалый размах, но фактически не давшее никакой отдачи Российской армии. *«Для борьбы за возрождение Великой Свободной России повелеваю широко охватившее страну добровольческое движение объединить и использовать для самообороны и формирования народного ополчения, – обращался к населению Верховный правитель. – На всей территории страны объявляю общий призыв всенародного ополчения, каковой привести в исполнение незамедлительно распоряжением начальника штаба моего и главнокомандующего Восточным фронтом. Призываю все население Государства к широкой самодеятельности, активной работе и полной энергии, дабы твердым национальным русским путем, чуждым всяких политических партий... происков и реакций, – вывести исстрадавшийся русский народ и страну к мирной жизни, к труду, свободному правопорядку и строительству»* (РГВА, Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 173).

Численность добровольцев, поступивших в 1919 г. в ряды Российской армии адмирала Колчака, едва ли когда-нибудь можно будет установить точно. Глава британской военной миссии генерал-майор А. Нокс в опубликованной им в одной из газет статье полагал, что Сибирь должна была дать армии порядка 660 000 добровольцев (цифра, безусловно, завышенная). Отметим, что советский историк И.Д. Эйнгорн в одной из публикаций, по сути, приравнивал высказанную А. Ноксом в начале октября 1919 г. прогнозную цифру добровольцев к некоему плану по их набору (Эйнгорн, 1987. С. 23). Однако Нокс в своей статье лишь сравнивал усилия Великобритании и России, проводя не вполне уместные аналогии: «Армия нуждается в добровольцах для моральной поддержки мобилизованных молодых солдат. [...] Женщины Англии добровольно соглашались на разлуку с мужьями, сыновьями, и благодаря их патриотизму быстро удалось набрать два миллиона добровольцев. По этому расчету, Сибирь должна дать 660 000 добро-

вольцев» (Гинс, 2008. С. 476). Начальник Добровольческих формирований генерал Голицын намечал привлечь до 30 000 добровольцев (Будберг, 2001. С. 285). На практике, хотя точных данных о числе вставших под ружье добровольцев и нет, их общее количество оказалась гораздо ниже.

Журналист подпоручик Всеволод Иванов, в качестве пропагандиста участвовавший в движении «крестоносцев», вспоминал: «На фронт было послано до 6000 человек дружинников, не считая готовых в тылу, и это было за полтора месяца работы! Военные, конечно, критиковали, указывая на «необычный способ набора», и, по обычному невежеству своему, распыляли добровольцев по отдельным частям, либо брали из них людей в разные конвои и т. д. Интеллигенция немедленно принялась исследовать это движение с точки зрения лояльности его в европейской проблеме... Некоторые резкие выпады в этом направлении вождей старообрядцев дали ей возможность заклеить «черносотенством» поднимаемое национальное и религиозное движение и на том успокоиться в своем косном подходе» (Иванов, 1932. С. 48). Власти, по словам Иванова, «широкой рукой черпали» стремящихся на фронт добровольцев «в разные тыловые службы, вроде конвоя Верховному. Затем, при отправлении на фронт, не оставляли крупной одной частью, а разбивали по другим частям, вследствие чего люди, конечно, теряли уверенность в себе, да еще под постоянным подтруниванием офицерского состава и товарищей». Не лучшим образом было поставлено и снабжение дружинников: «Винтовки им были выданы новые, американские, те самые, у которых затвор переставал действовать после десятка выстрелов, а в виде теплой одежды им пожалованы были китайские широчайшие, стеганные синие штаны, без прорех. Словно, кто-то умышленно издевался над этими простыми, хорошими, честными и действительными людьми...» (Иванов, 1921. С. 26).

Трудности в использовании добровольцев на фронте были связаны еще и с тем, что поступавшие летом – осенью 1919 г. в войска «крестоносцы» в большинстве своем прежде не служили в армии. По-

этому для их подготовки требовалось продолжительное военное обучение, как минимум 4–5 месяцев. Но на практике до своей отправки в действующие части добровольцы находились в строю всего 1–2 месяца. За такой короткий срок новобранцы не успевали получить необходимые военные навыки и психологически свыкнуться с армейской службой. Прибывая на фронт, добровольцы зачастую не знали, как им действовать в боевой обстановке (Симонов, 2001. С. 84). Часть сформированных дружин пополнили тыловые гарнизоны и охранные команды (Цветков, 2004. С. 45). Особо отметим, что все немалые усилия, предпринимаемые правительством, духовенством и военным командованием в деле призыва добровольцев в армию «были ограничены в основном территорией губернских городов, предпринимались в городских храмах, театрах и лагерях беженцев» (Карпов, 2014. С. 76), что, безусловно, сказалось на широте охвата потенциальных новобранцев.

По данным Д.Г. Симонова, на 25 октября в пределах Омского военного округа в Дружины Святого Креста записался 1921 человек. Кроме того, с 1 января по 25 октября 6151 доброволец поступил в другие войсковые части и соединения Российской армии (среди получивших пополнения частей – Алтайский конный туземный дивизион, Воткинская стрелковая дивизия, 12-й Сибирский стрелковый кадровый полк, Егерский батальон при Ставке, Ижевская стрелковая дивизия, Кадровый инженерный взвод, Казачий корпус, Образцовый егерский артиллерийский дивизион, 11-й Сибирский стрелковый кадровый полк, Полк генерала Пепеляева, 5-й Сибирский пластунский батальон, 52-й Сибирский стрелковый полк, 43-й Сибирский стрелковый полк, 46-й Сибирский стрелковый полк, 3-й Сибирский пластунский батальон, 3-я батарея Сибирского кадрового артдивизиона, 13-й Сибирский стрелковый кадровый полк). К 9 ноября в перечисленных частях насчитывалось 6957 добровольцев, в большинстве бывших беженцев. Основная масса добровольцев поступила на службу в июле – сентябре, с началом «добровольческой кампании». Причем цифра в 6957 че-

ловек не охватывает всех добровольцев, поступивших в 1919 г. на службу в армию на территории Омского военного округа. Вероятно, определенное количество добровольцев убыло на фронт в составе 11-й, 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий и некоторых других частей. Кроме того, добровольческие формирования велись и в других округах. В Иркутском военном округе на 10 ноября находилось два добровольческих формирования: 1-я Иркутская Дружина Святого Креста (9 офицеров, 2 подпрапорщика, 6 фельдфебелей, 70 унтер-офицеров и 135 рядовых; всего 222 человека) и Пермский сводный батальон (6 офицеров, 1 чиновник, 4 подпрапорщика, 3 фельдфебеля, 40 унтер-офицеров и 181 рядовой; итого – 235 человек) (Симонов, 2001. С. 83–84). А.В. Посадский, на основе известных случаев отправки добровольцев на фронт осенью 1919 г., говорит о примерно 2500 дружинниках. Всего же, согласно опубликованным данным, за сентябрь – декабрь можно говорить об отправке на фронт около 2500 дружинников. При этом следует учитывать, что эти сведения изначально не полны, так как охватывают не все районы Сибири (Посадский, 2002. С. 92).

Об этом говорит и телеграмма генерала Голицына командующему 3-й армии генерал-майору К.В. Сахарову от 20 сентября. В ней начальник Добровольческих формирований указывал, что «добровольцы для Дружин Креста поступают в большом числе, но у меня нет офицеров идеи духа для сбора и составления дружин. Так как первые 10 дружин будут для полков Вашей армии, то благоволите, избрав полки, приказать командировать из них по 5 офицеров соответственного качества на дружину в Омск в распоряжение генерала Голицына для приема дружин и препровождения их на фронт» (Новикова, 2002. С. 97). В ответ на это обращение Сахаров 21 сентября телеграфировал подчиненным ему командирам групп: «Главковосток наметил первые 10 дружин Святого креста для вверенной мне армии и приказал избрать полки, командировать из них по пять офицеров для приема дружин и препровождения их на фронт. Офицеры должны быть избраны со-

ответствующие идеи, то есть быть религиозными и ставящие высоко борьбу за поруганную большевиками православную веру. Выберите и командуйте с получением сего по пять офицеров в Омск в распоряжение генерала Голицына от следующих полков: 13[-го] Уфимского, 31[-го] Стерлитамакского, 1[-го] Волжского, 9[-го] Симбирского, 49[-го] Казанского, 27[-го] Камышловского, 43[-го] Верхнеуральского, 48[-го] Туринского, 50[-го] Сибирского стрелкового и Саткинского егерского. Ввиду большого притока в Омске добровольцев и важности для армии скорого прибытия на фронт дружин командование... должно быть произведено незамедлительно, причем можно выбрать офицеров из всей дивизии. Об исполнении донести» (Новикова, 2002. С. 97–98).

Назначенный в конце октября главным командующим Восточным фронтом генерал-лейтенант К.В. Сахаров телеграммой № 7942/оп. от 14 ноября предписывал: «Для наилучшего применения добровольцев, набираемых пунктами генерала Голицына и организациями братств, дабы дать возможность добровольцам сражаться [на] фронте, а нашим частям получить большую крепость, приказываю установить следующий порядок комплектования добровольцами полков и дивизий: 1) Добровольцы, собранные в дружины или батальоны по 500–700 человек каждый, направляются в дивизии 2-й и 3-й армии, где каждая такая дружина входит целиком [в] полк, образуя совместно с прежними коренными добровольцами его крепкое и надежное ядро... Такой полк после этого присоедин[яет] к своему номеру и названию наименование «Добровольческий»; когда все полки дивизии будут пополнены добровольцами, то же наименование «Добровольческая» присоединяется и к номеру дивизи[и]. 2) Очередь пополнения дивизий и полков добровольцами устанавливается штабом фронта. На ближайшее время укомплектовать дивизии: 3-ю Симбирскую, Особую [Добровольческую] ([генерал-майора П.П.] Краморенко) и 7-ю Уральскую горных стрелков. 3) В виду важного значения для Русской армии указанного порядка, всем начальникам следить за точным выполнением его, донося

по команде о всех нарушениях и причинах, вызвавших таковые. 4) Начальнику Добровольческих формирований и обществам братств усилить деятельность по набору добровольцев, направляя таковых без малейшей задержки в армию порядком, указанным [в] пункте первом, как соберется хотя бы одна дружина» (Генерал Дитерихс, 2004. С. 342). Документ позволяет считать, что приток добровольцев в армию сохранялся даже в момент начавшегося общего отступления, в условиях полной дезорганизации тыла.

Исследователь вопроса добровольческих формирований в Сибири 1919 г. А.В. Посадский отмечает, что вопрос о боевой работе дружин и их дальнейшей судьбе «сложен и не может быть пока освещен с достаточной полнотой». В начале октября разведка красных зафиксировала в Уральской группе 3-й армии отряд крестовцев численностью до 600 человек. Вероятно, речь шла о 1-й Омской Дружине Святого Креста, прибывшей на фронт как раз в это время. Пополнение же в 3-й армии «полком» численностью в 1200 штыков совпадает по времени и численности с отправкой из тыла двух ижевских маршевых батальонов. По данным другого советского источника, сообщалось о сдаче 6 января 1920 г. у деревни Дрокино под Красноярском после упорного боя конногренадерского полка и добровольческого батальона (Воробьев, 1939. С. 45; Посадский, 2002. С. 92).

Многие из формировавшихся добровольческих дружин дополнили силы Восточного фронта уже во время начавшегося Сибирского Ледяного похода, растворившись в сохранивших еще боеспособность частях (Генерал Дитерихс, 2004. С. 243–244). Командир 3-го Барнаульского стрелкового полка полковник А.И. Камбалин вспоминал о том, что во время выступления его полка из Барнаула, третий батальон полка, собранный из только что призванных новобранцев, был распущен как ненадежный. Он был заменен местной дружиной «крестовиков», проделавший с ним весь Сибирский Ледяной поход (Камбалин, 2004. С. 218). К выехавшему из Омска с семьей и с членами своего Вербовочного

отделения полковнику Оренбургского казачьего войска Г.В. Енборисову в Новониколаевске присоединились почти все находившиеся в городе «крестоносцы». К образовавшемуся отряду численностью более 100 человек по дороге присоединялись как одиночные люди, так и целые части. В Забайкалье отряд полковника Енборисова, ядро которого составляли «крестоносцы», пришел довольно крупной, сплоченной и дисциплинированной частью. В начале апреля в Чите она была переформирована в Добровольческий Егерский отряд при штабе 3-го отдельного стрелкового корпуса (Енборисов, 2014. С. 123–124).

Подводя итоги попыткам командования белого Восточного фронта использовать добровольцев как один из основных источников для комплектования армии, отметим несвоевременность и запоздалость такого решения. В телеграмме заместителю председателя Совета Министров С.Н. Третьякову 11 декабря Колчак отмечал, что «...добровольческое движение, несмотря на все усилия, слабо и дает незначительные результаты» (Последние дни, 1926. С. 86–87). Религиозная основа «крестоносного» движения во второй половине 1919 г. оказалась неспособной привлечь в ряды армии большое число добровольцев. Исследователь вопроса Н.Д. Карпов справедливо отмечает, что «несмотря на принятые меры по пропаганде целей, задач,

необходимости и важности крестоносного движения, приток добровольцев не стал явлением массовым. Общество в целом и армия в частности, испытав сильнейший натиск сторонников атеизма, перед революцией, и особенно в годы Гражданской войны, оказались не готовыми к религиозной войне» (Карпов, 2014. С. 253). Командование Российской армии, ориентируясь, прежде всего, на развертывание массовой регулярной армии, испытывая трудности в подготовке резервов, начало формировать добровольческие дружины только в конце августа 1919 г. Нехватка времени, сил и кадров, вкупе с бюрократизмом и непрофессионализмом многих исполнителей, как в центральных органах, так и на местах, изначально делали задачу вербовки большого числа добровольцев непосильной. Личный состав дружин состоял преимущественно из гражданских беженцев и не имел достаточной военной подготовки. В силу этого дружины несли в боях тяжелые потери, а «крестоносцы» не показали высокой боевой ценности. Ставка на добровольчество, в то время, когда фронт был уже близок к катастрофе, а большая часть идейных борцов с советской властью уже находилась в армии, в результате не оправдалась.

Статья поступила 01.03.2016 г.

Article received 01.03.2016 г.

Библиографический список

Беженцы-старообрядцы // Белая гвардия. Альманах. № 10. Русская Православная церковь и Белое движение. М., 2008. С. 78–79.

Будберг А.П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Мн.; М., 2001. 336 с.

Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция. М., 1939. 87 с.

Генерал Каппель. Беседа // Каппель и каппелевцы / ред. и сост. Р.Г. Гагкуев [и др.]. М., 2010. 786 с.

Генерал Дитерихс / ред.-сост. В.Ж. Цветков [и др.]. М., 2004. 640 с.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2008. 672 с.

Дружины Святого Креста // Белая гвардия. Альманах. № 10. Русская Православная церковь и Белое движение. М., 2008. С. 107.

Емельянов С.Н. Военное духовенство белых армий юга России и Сибири: историко-юридические аспекты деятельности // Материалы VI Всероссийских научно-образовательных Знаменских чтений. Курск, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.курская-епархия.рф/znamen-skie_chteniy/2010/pdf/12/12_9.pdf (дата обращения: 31.01.2016).

Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Оренбургское казачье войско. М., 2014. 308 с.

За Веру и Родину. От Братства святителя Гермогена // Белая гвардия. Альманах. № 10. Русская Православная церковь и Белое движение. М., 2008. С. 102.

Золотарев О.В. Христоролюбивое воинство русское. М., 1994. 110 с.

Иванов Вс.Н. В Гражданской войне (Из записок омского журналиста). Харбин, 1921. 136 с.

Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте. Харбин, 1932. 366 с.

Иванов Вс.Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск, 1994. № 12. С. 3–62.

Камбалин А.И. 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе назад // Великий Сибирский Ледяной поход / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. М., 2004. С. 213–238.

Карпов Н.Д. Крестоносцы – последний резерв Колчака. М., 2014. 336 с.

На Собрании церковно-приходских советов // Белая гвардия. Альманах. № 10. Русская Православная церковь и Белое движение. М., 2008. С. 102.

Новикова Т.М. Последние резервы белого фронта: 1-я Иркутская дружина Святого Креста // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2002. № 11. С. 96–100.

Петров А.А. Эволюция планов командования белого Восточного фронта в сентябре – декабре 1919 г. // Генерал Дитерихс / ред.-сост. В.Ж. Цветков [и др.]. М., 2004. С. 307–313.

Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. М., 1968. 192 с.

Плаксин Р.Ю. Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Л., 1987. 208 с.

Посадский А.В. Страницы белого добровольчества на Востоке России // Белая

армия. Белое дело. Екатеринбург, 2002. № 11. С. 81–95.

Последние дни Колчаковщины. М.; Л., 1926. 231 с.

Праздник крестоносцев // Белая гвардия. Альманах. № 10. Русская Православная церковь и Белое движение. М., 2008. С. 107–108.

Резолюция собрания представителей беженских лагерей г. Омска 27 августа 1919 г. // Генерал Дитерихс / ред.-сост. В.Ж. Цветков [и др.]. М., 2004. С. 324–325.

Религиозное движение в Сибири // Белая гвардия. Альманах. № 10. Русская Православная церковь и Белое движение. М., 2008. С. 105.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13.

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 80.

РГВА. 39499. Оп. 1. Д. 285.

РГВА. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 56.

Сила Креста // Белая гвардия. Альманах. № 10. Русская Православная церковь и Белое движение. М., 2008. С. 106.

Симонов Д.Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 г. // Гражданская война на Востоке России. Проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 67–86.

Собрание по поводу текущего момента // Белая гвардия. Альманах. № 10. Русская Православная церковь и Белое движение. М., 2008. С. 99–100.

Твердость веры // Белая гвардия. Альманах. № 10. Русская Православная церковь и Белое движение. М., 2008. С. 109.

Цветков В.Ж. Генерал Дитерихс, последний защитник Империи // Генерал Дитерихс / ред.-сост. В.Ж. Цветков [и др.]. М., 2004. С. 9–86.

Эйнгорн И.Д. Союз несбывшихся надежд. Церковь и контрреволюция в Сибири // Наука и религия. М., 1987. № 2. С. 23–24.

Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. 384 с.

References

Bezhenstsy-starobryadtsy [Refugees-old-believers]. *Belaya gvardiya. Al'manakh. No. 10. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i Beloje dvizhenie* [White Guard. Almanac No. 10. Russian Orthodox Church and White Movement]. Moscow, 2008. Pp. 78–79.

Budberg A.P. *Dnevnik belogvardeitsa: Vospominaniya. Memuary* [Diary of White guard: Memories. Memoirs]. Mn.-Moscow, 2001. 336 p. (In Russian)

Druzhiny Svyatogo Kresta. Belaya gvardiya. Al'manakh. No. 10. Russkaya Pra-

voslavnaya tserkov' i Beloe dvizhenie. [Squads of the Holly Cross. White Guard. Almanac #10. Russian Orthodox Church and White Movement] Moscow, 2008. P. 107. (In Russian)

Eikhe G.Kh. *Oprokinutyi tyl* [Overturned rear]. Moscow, 1966. 384 p. (In Russian)

Eingorn I.D. *Soyuz nesbyvshikhsya nadezhd. Tserkov' i kontrrevolyutsiya v Sibiri* [Union of Lost Dreams. Church and Contra-revolution in Siberia]. *Nauka i religiya* [Science and religion]. Moscow, 1987. No. 2. Pp. 23–24. (In Russian)

Emel'yanov S.N. *Voенное dukhovenstvo belykh armii yuga Rossii i Sibiri: istoriko-yuridicheskie aspekty deyatel'nosti* [Military clergy of the White armies of Southern Russia and Siberia: the historical and legal aspects of the activity]. *Materialy VI Vserossiiskikh nauchno-obrazovatel'nykh Znamenskikh chtenii. Kursk, 2010* [Proceedings of the VI Russian scientific-educational Famous readings]. (In Russian) Available at: www.курская-епархия.рф/znamenskie_chteniyay/2010/pdf/12/12_9.pdf (accessed 31.01.2016)

Enborisov G.V. *Ot Urala do Kharbina. Orenburgskoe kazach'e voisko* [From Ural to Kharbin. Orenburg Cossack Army]. Moscow, 2014. 308 p. (In Russian)

Gagkuev R.G. Ed. *General Kappel'. Beseda* [General Kappel'. Conversation]. *Kappel' i kappelevtsy* [Kappel' and Kappel's people]. Moscow, 2010. 786 p. (In Russian)

Gins G.K. *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povоротnyi moment russkoi istorii 1918–1920* [Siberia, allies and Kolchak. Turning point in the Russian history]. Moscow, 2008. 672 p. (In Russian)

Ivanov Vs.N. *Iskhod. Povestvovanie o vremeni i o sebe* [Exodus. Story about time and about ourselves]. *Dal'nii Vostok*. [Far East] Khabarovsk, 1994. No. 12. Pp. 3–62. (In Russian)

Ivanov Vs.N. *Ogni v tumane. Dumy o russkom opyte* [Lights in the fog. Thoughts of the Russian experience]. Harbin, 1932. 366 p. (In Russian)

Ivanov Vs.N. *V Grazhdanskoi voine (Iz zapisok omskogo zhurnalista)* [In Civil War (Notes from the Omsk journalist)]. Harbin, 1921. 136 p. (In Russian)

Kambalin A.I. *3-i Barnaul'skii Sibirskii strelkovyi polk v Sibirskom Ledyanom pokhode nazad* [3rd Barnaul Siberian rifle regiment in Siberian Ice Hike back]. *Velikii Sibirskii Ledyanoi pokhod* [Great Siberian Ice Hike]. Moscow, 2004. Pp. 213–238. (In Russian)

Karpov N.D. *Krestonostsy – poslednii rezerv Kolchaka*. [Crusaders – the last reserve of Kolchak] Moscow, 2014. 336 p.

Na Sobranii tserkovno-prikhodskikh sovetov [At a meeting of parish soviets]. *Belaya gvardiya. Al'manakh. No. 10. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i Beloe dvizhenie* [White Guard. Almanac No. 10. Russian Orthodox Church and White Movement]. Moscow, 2008. P. 102. (In Russian)

Novikova T.M. *Poslednie rezervy belogo fronta: 1-ya Irkutskaya družhina Svyatogo Kresta* [Last reserves of the White Front: 1st Irkutsk squad of Holy Cross]. *Belaya armiya. Beloe delo* [White Army. White Matter]. Yekaterinburg, 2002. No. 11. Pp. 96–100. (In Russian)

Petrov A.A. *Evolyutsiya planov komandovaniya belogo Vostochnogo fronta v sentyabre – dekabre 1919 g.* [Evolution of plans of the White Eastern Front Command in September – October, 1919]. *General Diterikhs*. [General Diterikhs] Moscow, 2004. Pp. 307–313. (In Russian)

Plaksin R.Yu. *Krakh tserkovnoi kontrrevolyutsii 1917–1923 gg.* [Collapse of the Church Contra-revolution in 1917–1923]. Moscow, 1968. 192 p. (In Russian)

Plaksin R.Yu. *Tikhonovshchina i ee krakh: Pozitsiya pravoslavnoi tserkvi v period Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii i grazhdanskoi voiny*. [Tikhonovschina and its collapse: the position of the Orthodox Church in the period of the Great October Socialist Revolution and Civil War]. Leningrad, 1987. 208 p. (In Russian)

Posadskii A.V. *Stranitsy belogo dobrovol'chestva na Vostoke Rossii* [Pages of White volunteering in the Eastern Russia]. *Belaya armiya. Beloe delo* [White Army. White Matter]. Yekaterinburg, 2002. No. 11. Pp. 81–95. (In Russian)

Poslednie dni Kolchakovshchiny [Last days of the Kolchak regime]. Moscow-Leningrad, 1926. 231 p. (In Russian)

Prazdnik krestonostsev [Crusaders holiday]. *Belaya gvardiya. Al'manakh. No. 10. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i Beloe dvizhenie* [White Guard. Almanac No. 10. Russian Orthodox Church and White Movement]. Moscow, 2008. Pp. 107–108. (In Russian)

Religioznoe dvizhenie v Sibiri [Religious Movement in the Siberia]. *Belaya gvardiya. Al'manakh. No. 10. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i Beloe dvizhenie* [White Guard. Almanac No. 10. Russian Orthodox Church and White Movement]. Moscow, 2008. P. 105. (In Russian)

RGVA [RSMA]. F. 39499. Op. 1. D. 285. (In Russian)

RGVA [RSMA]. F. 39499. Op. 1. D. 80. (In Russian)

RGVA [RSMA]. F. 39597. Op. 1. D. 56. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. F. 39499. Op. 1. D. 13. (In Russian)

Sila Kresta [Cross force]. *Belaya gvardiya. Al'manakh. No. 10. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i Beloe dvizhenie* [White Guard. Almanac No. 10. Russian Orthodox Church and White Movement]. Moscow, 2008. P. 106. (In Russian)

Simonov D.G. *K voprosu o voennom stroitel'stve v tylovykh okrugakh kolchakovskoi armii v 1919 g.* [On the question of military building in the rear districts of Kolchak's army in 1919]. *Grazhdanskaya voina na Vostoke Rossii. Problemy istorii* [Civil War in the Russian East. Problems of history]. Novosibirsk, 2001. Pp. 67–86. (In Russian)

Sobranie po povodu tekushchego momenta [Meeting about the current situation]. *Belaya gvardiya. Al'manakh. No. 10. Russkaya*

Pravoslavnaya tserkov' i Beloe dvizhenie [White Guard. Almanac No. 10. Russian Orthodox Church and White Movement]. Moscow, 2008. Pp. 99–100. (In Russian)

Tsvetkov V.Zh. Ed. *General Diterikhs* [General Diterikhs]. Moscow, 2004. 640 p.

Tsvetkov V.Zh. *General Diterikhs, poslednii zashchitnik Imperii* [General Diterikhs, the last defender of the Empire]. *General Diterikhs* [General Diterikhs]. Moscow, 2004. Pp. 9–86. (In Russian)

Tsvetkov V.Zh. *Rezolyutsiya sobraniya predstavitelei bezhenskikh lagerei g. Omska 27 avgusta 1919 g* [Resolution of the meeting of representatives of refugees camps in Omsk, August, 27, 1919]. *General Diterikhs* [General Diterikhs]. Moscow, 2004. Pp. 324–325. (In Russian)

Tverdost' very [Firmness of faith]. *Belaya gvardiya. Al'manakh. No. 10. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i Beloe dvizhenie* [White Guard. Almanac No. 10. Russian Orthodox Church and White Movement]. Moscow, 2008. P. 109. (In Russian)

Vorob'ev V.F. *Tobol'sko-Petropavlovskaya operatsiya* [Tobol'sk-Petropavlosk campaign]. Moscow, 1939. 87 p.

Za Veru i Rodinu. Ot Bratstva svyatitelya Germogena [For Faith and Motherland. From the brotherhood of St. Hermogenes]. *Belaya gvardiya. Al'manakh. No. 10. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i Beloe dvizhenie* [White Guard. Almanac No. 10. Russian Orthodox Church and White Movement]. Moscow, 2008. P. 102. (In Russian)

Zolotarev O.V. *Khristolyubivoe voinstvo russkoe* [Christ-Russian army]. Moscow, 1994. 110 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Гягкуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, главный редактор Объединенной издательской группы «Дрофа» – «Вентана-граф», 123308, Россия, г. Москва, ул. Зорге, дом 1, e-mail: gagkuev@yandex.ru

Gagkuev Ruslan Grigorievich, Doctor of Historical Sciences, chief-editor of the joint publishing group “Drofa” – “Ventana-graf”, 1, Zorge str., Moscow, 123308, Russia, e-mail: gagkuev@yandex.ru

УДК 94 (437)(57) «1918/20»

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-88-118

ДОСУГ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНЕРОВ В РОССИИ И НА ПУТИ ДОМОЙ В 1919–1920 гг.

© Далибор Ваха (перевод С. Магида)

Статья описывает некоторые особенности повседневной жизни чехословацких добровольцев в России во время Гражданской войны. Чешские и словацкие добровольцы (обычно более или менее точно именуемые как чехословацкие legionеры) были военным корпусом, который изначально создавался для борьбы с Австро-Венгрией и Германией. Тем не менее в 1918–1920 гг. они воевали с Красной Гвардией, красными партизанами и Красной Армией в Восточной России и Сибири. Они логически связаны с Белыми Русскими силами, однако преследовали свои собственные цели – выжить и живыми вернуться домой. Исследование не нацелено, собственно, на военные операции или политическую подоплеку, оно сфокусировано на занятиях солдат в свободное время, включая музыку, театр, чтение и т. д. Последняя часть текста посвящена возвращению чехословацких волонтеров (легионеров) домой на кораблях, буквально совершивших путешествие вокруг земного шара.

Ключевые слова: Россия, Гражданская война в России, Первая мировая война, чехословацкий добровольческий корпус в России, чехословацкие legionеры, занятия в свободное время, музыка, театр, окопные газеты, повседневная жизнь, Сибирь.

Формат цитирования: Далибор Ваха. Досуг чехословацких legionеров в России и на пути домой в 1919–1920 гг. / пер. С. Магида // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 88–118. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-88-118

CZECHOSLOVAK LEGIONNAIRES AND THEIR FREE TIME IN RUSSIA AND ON THE WAY HOME (1919-1920)

© Dalibor Vacha (translated by S. Magid)

The text outlines some features of the Czechoslovak volunteers' everyday life in Russia during the Russian Civil War. Czech and Slovak volunteers (usually more or less precisely labeled as Czechoslovak legionnaires) were a military corps which had been originally built to fight Austria Hungary and Germany, nevertheless, in years 1918-1920, they fought the Red Guards, Red partisans and finally the Red Army in Eastern Russia and in Siberia. They are logically connected with the White Russian Forces however they pursued their own goals – to survive and come home alive. The study itself does not focus on military operations or their political background, it focuses on free time activities of those soldiers, including music, theater, reading etc. The last part of the text is devoted to the Czechoslovak volunteers' (legionnaires') way home by boats, literally around the globe.

Keywords: Russia, Civil War in Russia, First World War, Czechoslovak Volunteer Corps in Russia, Czechoslovak legionnaires, Free Time activities, Music, Theater, trench newspapers, everyday life, Siberia

Citation format: Dalibor Vacha. Czechoslovak Legionnaires and their Free Time in Russia and on the Way Home (1919–1920) / translated by S. Magid. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. Pp. 88–118. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-88-118

«Один за другим дни уходили в забвение... До обеда народ немного тренировался в вольных упражнениях у военного лагеря, выполнял работы на кухне, стирал

и штопал белье, колос дрова и делал другие подобные работы. Клапка, Когоут и Шкопек занимались своими лошадьми и гоняли их по лугу. Некоторые братья учились верховой езде. После обеда репетировали музыканты, братья-«соколы» оттачивали игру в девятером..., а Богач увел певцов в здание школы и там учил их искусству мужского хорового пения. Остальные штудировали французский, читали те несколько книг, которые ходили по кругу из теплушки в теплушку и были захвачены как календари столетней давности, писали дневники или бродили вокруг эшелона...» (ZEMAN, 1931. s. 204).

С 1914 г. чехословацкие военнослужащие в России называли себя добровольцами, термины «легионеры» и «русские легионы» для их обозначения появились в Чехословакии только в конце 1918 г. Причем пробразом названия послужил именно современный им французский иностранный легион, а не легионы Древнего Рима. Терминологическую новацию чехословаки в России первоначально встретили негативно, но постепенно все же приняли. Окончательно она утвердилась в мемуарной литературе 1920–1930-х годов.

В начале 1919 г. положение добровольцев в России снова изменилось, чехословацкие соединения были отозваны с западных антибольшевистских фронтов и переброшены на охрану Транссибирской железнодорожной магистрали. Речь шла о задаче особенно важной – магистраль была главной транспортной артерией и позвоночником всех сибирских «белых» режимов. В отличие от второй половины 1918 г., движение легионерских эшелонов замедлилось, а во многих случаях и вообще прекратилось. Изменения коснулись всех аспектов жизни легионеров и были еще углублены реорганизационной деятельностью командования корпуса, которая началась после приезда Милана Рагислава Штефаника (первого чехословацкого министра обороны (Československý Deník, 1918. 2, 7 декабря).

В связи с известной статичностью и (поначалу) более спокойным характером службы, у солдат было больше свободного времени; люди, занимавшиеся в корпусе

культурой могли в связи с этим более тщательно готовиться, на них уже не давил тот пресс, под которым они находились в условиях боевой обстановки еще несколько месяцев назад. Сдвигом можно также, без сомнения, считать переход от любительских мероприятий к профессионализму, от неорганизованного досуга к организованному. Стало заметно меньше непрофессиональных театриков, хоров и других кружков. Практически все было официально учтено, записано в таблицы, имело руководителя, завхоза, более или менее контролируемую и действующую структуру. По мере того как армию покидал первоначальный дух добровольчества¹, до известной степени исчезала также стихийная активность, то культурное просвещение, которое так динамично развивалось, благодаря усилиям «снизу», спонтанному желанию отдалиться чему-либо всей душой, все, что было так типично для войска в предшествующие годы. На этот упадок влияли сложные условия, в которых находились солдаты и которым они противостояли.

Определение того, чем был досуг в легионе, является довольно сложной проблемой; в дальнейшем изложении под ним будет пониматься то время, которое солдат проводил вне службы и военных действий. Если при изучении мирного времени можно говорить об определенной периодичности «свободных минут» (таких как воскресенье, праздники и т. п.), то во время войны речь идет о периодах повторяющихся нерегулярно и длящихся по-разному. Все к тому же осложнялось позицией индивидуума в пространстве и времени, – у добровольцев в разных местах и на разных этапах службы были диаметрально противоположные возможности к проведению досуга, т. е. времени вне строя. Следующее описание относится к Иркутску, который долгое время оставался столицей чехословаков в Сибири;

¹ Начиная с 1 января 1919 г., вступающие в корпус солдаты уже не получали статут добровольцев; с этого времени отменяются почти все «демократические привилегии», которые были до этого в корпусе. Since January, 1, 1919 entering into the Corps soldiers have not received the status of volunteers; since then cancelled almost all “democratic privileges, which were previously in the Corps.

здесь он сравнивается с другими местами дислокации частей корпуса вдоль Транссибирской магистрали: «Службы там достаточно, свободного времени тоже и используется оно по-всякому. На кого там ни посмотришь, в Иркутске у каждого есть какое-то свое занятие. Есть у них там театр, библиотека, шикарная дядюшкина чайная², такое «солдатское собрание» (выделенные слова и выражения написаны в чешском тексте по-русски. – Прим. пер.), но совершенно замечательное. Я там был три раза и скажу вам, что то, что у нас тут при штабе полка, это ерунда, по сравнению с тем, что у них там в Иркутске. Они там играют в шахматы, в шашки, в футбол, во что хотите, гуляют с барышнями. Какую девушку в Иркутске ни возьми, каждая, по меньшей мере, «дочь полковника» и все ищут «защитника», который бы их отвез к родителям» (VLASÁK, 1934, s. 222).

Краеугольным камнем просветительской и культурной деятельности в войске в ту пору был ИОО (Informačně osvětový odbor), т. е. Информационно-просветительский отдел, который в своих «командах» сосредотачивал наиболее талантливых, опытных мастеров либо просто энтузиастов со всего корпуса. Когда и как он возник? В конце мая 1918 г. в Челябинске, на I съезде корпуса было организовано (либо подтверждено существование) двенадцати отделов (финансового, военного, кадрового, обеспечения, юридического, медицинского, социальных дел, пропаганды, просветительского, народно-хозяйственного, словацкого и земляческого). Из них нас интересуют два – просветительский и информационный. Два эти отдела, независимые друг от друга (ведением дел), были в начале 1919 г., по приказу генерала Штефаника о реорганизации управленческого аппарата (KRATOCHVÍL, 1928, s. 246, 249), ликви-

Рис. 1. Генерал М.Р. Штефаник
Fig. 1. General M.P. Shtefanik

дируемого ОЧСНР в России³, соединены в один отдел, который получил название Информационно-просветительского. Для этого отдела в своеобразной языковой среде легиона прижилась аббревиатура ИОО, которую затем солдаты заменили словом «сотня». Всем этим «цирком» командовал и управлял более чем усердный председатель Йозеф Кудела, который был не только автором многочисленных корреспонденций во всех возможных печатных органах во время своего пребывания в России, но он не замолчал и вернувшись на родину. Послевоенная деятельность Йозефа Куделы хорошо известна современным историкам⁴.

³ Отделение Чешского Национального Совета в России, до момента своей ликвидации главный политический орган чехословацкого движения в России. Department of the Czech National Council in Russia, until its liquidation it was the main political subject of the Czechoslovak movement in Russia.

⁴ Напр.: KUDELA, Josef, *Generál St. Čeček, Velitel povolžské fronty*, Brno 1930; *S naším vojskem na Rusi I, V době příprav*, Brno 1922; *S naším vojskem na Rusi II, Na druhou frontu*, Brno 1923; *Přehled vývoje čsl. revolučního hnutí na Rusi, Do odchodu čsl. armádního sboru z Ukrajiny*, Praha 1923. Й. Кудела также редактировал *Deník plukovníka Švece* (Praha 1923). For example: KUDELA, Josef, *Generál St. Čeček, Velitel povolžské fronty*, Brno 1930; *S naším vojskem na*

² Речь идет о чайных, организованных на средства ИМКА, которую называли «американским дядюшкой».

The talk is about the tea-café organized by the funding of IMKA which was named “American uncle”.

Центром всего отдела был секретариат, которым руководил поэт и редактор журнала «Чехословенские беседы» Йозеф Копта⁵. Секретариат осуществлял надзор за бухгалтерами и завхозами; он также распоряжался складами с припасами, которые были необходимы Отделу с хозяйственной точки зрения. Наиболее значимой в Отделе была журналистско-информационная работа, которую осуществлял «Чехословенский денник». Вся продукция Информационного отдела печаталась в особой типографии, которая в 1918 г. определенное время находилась в поезде, так же как наборное отделение или склады красок и бумаги. Отделение просвещения занималось организацией театральных постановок, лекций, библиотек и музыкальных выступлений. О библиотечном отделении, музыкальной «команде», театральной «команде» и симфоническом оркестре будет подробно сказано ниже. Ко всему этому можно прибавить отделение живописи и скульптуры, каждое с несколькими мастерскими, и, не в последнюю очередь, историко-архивное отделение, которому принадлежит большая заслуга в сохранении многих важных документов разного характера. Организация нескольких высокопрофессиональных художественных коллективов, буквальное их создание из ничего, большой размах журналистской деятельности и целый ряд более или менее успешных мероприятий – все это была только вершина айсберга огромной ежедневной работы Отдела.

Музыка

Говорят, что музыка соединяет народы, что это язык, который не требует слов. Одним из тех, кто действенность этой поговорки доказал в тяжелых условиях жизни в России во время русской гражданской войны, был чешский композитор и дирижер Рудольф Карел, который работал учителем

музыки в Ростове-на-Дону и в Таганроге уже перед войной, в легион вступил в 1918 г. после краткой остановки для «дела служения большевизму», и в феврале 1919 г. стал дирижером симфонического оркестра, находящегося в ведении ИОО. В Сибири у этого оркестра было мало конкурентов, поскольку русские оркестры находились в состоянии хаоса, как и оркестры, составленные из рядов австро-венгерских военнопленных. Оркестры военнопленных использовались сибирскими официальными властями; так, на одном из концертов в Красноярске, который окончился скандалом по поводу того, исполнять или не исполнять государственный гимн царской России, присутствовал и представитель британской армии подполковник Джон Уорд.

Оркестр под руководством Карела⁶ провел в Сибири 92 концерта – в Екатеринбурге, Омске, Владивостоке и во множестве других городов. Больше всего концерты проводились на разных участках сибирской магистрали, соединяющей два таких железнодорожных узла как Иркутск и Омск. Последние два выступления вне родины оркестр провел в Сингапуре во время возвращения в Чехословакию. Во время первого полугодия управления оркестром Карел подготовил вместе с музыкантами исполнение, по меньшей мере, 38 музыкальных произведений (16 симфоний и больших симфонических поэм и 22 малых музыкальных опусов), из этого числа – 11 сочинений чешских авторов.

Рудольф Карел в униформе легионера и «его» сибирский симфонический оркестр задокументированы также и в образной форме. На одной из самых известных фотографий весь оркестр снят под открытым небом и это напоминает нам о том, что большая часть концертов проходила вне каких-либо концертных залов. За одним

Rusi I, V době příprav, Brno 1922; *S našim vojskem na Rusi II, Na druhou frontu*, Brno 1923; *Přehled vývoje čsl. revolučního hnutí na Rusi, Do odchodu čsl. armádního sboru z Ukrajiny*, Praha 1923. I. Kudelya had also edited *Deník plukovníka Švece* (Praha 1923).

⁵ Подробнее об этой и следующих персоналиях см.: (GALANDAUER, 1993). For more details about this person and others see: (GALANDAUER, 1993).

⁶ Хотя формальным командиром оркестра был прапорщик Владислав Складак, истинной душой и мозгом оркестра являлся, конечно, Рудольф Карел. Завхозом «художественной воинской части» был Вацлав Иннеман.

Although the formal commander of the orchestra was ensign Vladislav Skladal, the true soul and brain of the orchestra was, of course, Rudolf Karel. Steward of “the art-military troop” was Vaclav Inneman.

Рис. 2. Чешские музыканты
Fig. 2. Czech musicians

исключением, все шестьдесят членов оркестра были военнослужащими Чехословацкого корпуса; исключением была русская исполнительница Лидия Львовна Альбрехтова, которая работа в оркестре на догворе.

На одном из концертов симфонического оркестра во Владивостоке побывал и руководитель делегации из Чехословакии Франтишек Вацлав Крейчи: «...еще несколько сочинений для оркестра и программа завершается симфонической поэмой Римского-Корсакова „Пасха“. Как видно, высоко мы поднялись со времен своей спартанской жизни в сибирской и маньчжурской глуши, можем теперь получать удовольствие от высоких музыкальных переживаний. Все это, конечно, благодаря тому, что у нас есть уже здесь, во Владивостоке, искушенный сибирский оркестр, которым руководит Рудольф Карел» (KREJČÍ, 1922, s. 298). Встреча во Владивостоке не была первым знакомством Франтишека Вацлава Крейчи с сибирским оркестром; впервые с работой Карела Крейчи познакомился недалеко от Байкала и уже там оркестр, главным номером которого была на том концерте «Пятая симфония» Бетховена, поразил Крейчи качеством своего исполнения.

Сибирский «ангажемент» Карела помог ему сделать карьеру и стать повсеместно

известным, ибо, по большей части, именно его заслугой оркестр в своем исполнении достиг такого мастерства. Это верно оценивает Крейчи, говоря: «Только Сибирь дала ему то, чего он не мог найти дома: руководить оркестром с дирижерской палочкой в руке. С другой стороны, только вот такая сильная индивидуальность могла создать это чудо чешского музыкального искусства, каким был симфонический оркестр нашего сибирского легиона» (KREJČÍ, 1922, s. 69). Успех этого музыкального коллектива был таким, что не было никаких шансов достать билеты в день его концерта – они бывали полностью проданы уже за два дня перед этим.

В распоряжении просветительского отдела находилась еще «музыкальная команда», в которую в конце 1918 г. входило несколько талантливых людей. К ним относились виртуоз игры на скрипке Йозеф Музика (в источниках и литературе можно обнаружить ошибочный вариант его фамилии: Музыка), пианист и композитор Олдржих Блеха, певец-тенор Демков, бас Голы и сопранистка Лаврова. В состав «музыкальной команды» входил и скрипичный виртуоз Франтишек Шмид, который сначала давал концерты для владивостокского гарнизона, а потом отправился в персональное турне по Китаю и Японии. Музыкальная команда не получила такого успеха

как симфонический оркестр, но в течение 1919 г. провела 37 отдельных концертов и еще в 22 концертах приняла участие.

Множество концертов дали полковые оркестры, которые принимали участие в различных общественных мероприятиях, включая и церемониалы международного характера, такие как, например, приветственные марши в честь приплывших во Владивосток политических деятелей или воинских частей союзников. Полковую музыку с похвалой упоминает подполковник британской армии Джон Уорд; он, однако, вспоминает и об одном конфузе точно не названного им оркестра, который в честь его солдат и его самого сыграл песню «Правь, Британия», ошибочно полагая, что исполняет британский государственный гимн (WARD, s. 8).

Тот факт, что чехословаки не застыли на уровне старых, давно опробованных музыкальных методов, жанров и стилей, доказывает своим свидетельством французский генерал Морис Жанен. К сожалению, сдержанность генерала не позволяет нам точно определить, какой музыкальный коллектив занялся экспериментированием, возможно, это был как раз оркестр Карела: «6 (марта 1920. – Д.В.) вечером был концерт чехословаков. Совсем неплохо. В программе был виртуозный номер, сочиненный капельмейстером и названный «1914–1919. Война в России». Он состоял из тридцати небольших фрагментов типа «Атака казаков», «Взятие Львова», «Финский полк наступит на левом фланге» и т. д. Чтобы не было накладок, у рамы поставили солдата, который держал на палке рамочку, куда он в нужный момент вставлял кусок бумаги с названием следующего номера. Это был истинный рекорд, достигнутый в области описательной [deskriptivní] музыки» (JANIN, 1923, s. 234).

К наиболее известной музыкальной продукции официальных коллективов, включая полковые оркестры, нужно прибавить концерты-гуляния, которыми легионеры радовали любящее музыка русское общество. Самым знаменитым является, конечно же, концерт оркестра 7-го полка на вокзале в Новониколаевске 25 мая 1918 г., который должен был отвести внимание

противника перед атакой соединений Гайды (Gajda, 1920, s. 25).

Музыкой постоянно занимались и неформальные кружки или просто отдельные добровольцы. Особенно им понравилась такой классический русский музыкальный инструмент, как гармонь, но не забыты были ни гитара, ни скрипка, ни духовые. Морис Жанен в день именин Иосифа (19 марта) 1920 г. был удивлен общей музыкальностью солдат армии, которой он руководил как верховный главнокомандующий союзных войск: «Где они только достали все эти инструменты? Меня просто потрясает, сколько у них скрипачей» (JANIN, Maurice, *Moje účast*, s. 237).

Музыку солдаты не только слушали. Оркестры широко участвовали в вечерах культуры, из которых некоторые превращались просто в вечера танцев: «...ударники из нашего ударного полка собрались в своем клубе на танцевальный вечер. Тот оказался притягательным и для множества ребят из наших 9-й и 12-й рот [5-го полка. – Д.В.], среди которых был и я. Вечер вполне удался, шустрые ударнички удивили нас тем, как здорово они разбирались в русских танцах, которые сами по себе очень красивы. Было там и много девчат, хотя местным и трудно было в связи с чрезвычайным положением добраться сюда. Где девушек не хватало, там друг с другом танцевали парни. Музыка была что надо, оркестр ударников и еще рояль со скрипками, зал был вместительный, так что ребята развлекались от души...» (CÍSAŘOVSKÁ, 2001, s. 16).

Нельзя не упомянуть и механическую музыку, то есть граммофоны, которые постепенно переставали быть для солдат недоступной роскошью.

Театр

Армейский театр Чехословацкого корпуса в России (ранее бывший «Театральной командой при Информационно-просветительском отделе Филиала Национального совета») являлся еще одним из «изделий» пропагандистско-просветительского отдела; официально он входил в сектор просвещения, которым распоряжался Людвик Кундера. Самим театром руководил Йозеф

Йеничек, человек с еще довоенным актерским опытом и неудавшейся послевоенной актерской карьерой. В армейском театре успешно играл Зденек Штепанек, который после войны стал известен как Бенъямин Смола; этот театр отличался от остальных еще и тем, что в нем было также две или даже четыре актрисы. Одной из этих актрис была барышня Кустова, изначально хористка пражского Театра на Виноградах; она еще до войны поехала в Россию в отпуск и в конце концов оказалась в чехословацком армейском театре, с которым и вернулась домой.

В полковых театральном ансамблях женские роли исполняли переодетые и нарядные мужчины. Всего в армейском театре в конце 1919 г. играло 18 человек; актеры были в то же время военнослужащими корпуса, что им давало всевозможные выгоды и привилегии (одежду, паек, жилье). И в хозяйственном отношении их снабжал корпус, было у них собственное помещение, был к ним придан и обслуживающий персонал, который обеспечивал деятельность театра (в качестве суфлеров, костюмеров, рабочих сцены, театральных художников и т. п.), но официально работал на кухне или в административном аппарате.

Театр был основан в феврале 1919 г. в Екатеринбурге, его деятельность состояла в бесконечных поездках туда и обратно по Транссибирской магистрали в разные города, где находились чехословацкие гарнизоны. В течение первых девяти месяцев в 17 городах было дано 235 представлений разных жанров, с разным актерским составом и разного качества. Практически каждое представление пользовалось огромным успехом; но популярности оркестра под управлением Карела театру так и не удалось достичь среди русских – мешал языковой барьер. Последнее выступление состоялось еще в мае 1920 г., затем труппа погрузилась на корабль и пустилась в путь на родину; так завершилась ее деятельность. Из репертуара можно упомянуть такие пьесы, как всеми особенно любимый «Третий звонок» Штеха и «Жатву» Шуберта. Исполнялась, конечно, и классика, например, «Марыся» братьев Мрштиков,

«Яношик» и др. Всего было отрепетировано не менее 24 спектаклей, из них 4 одноактные (по пьесам чешских авторов – 12).

Отдельные полковые театры старались идти в ногу с армейским театром, но, хотя и не без исключений, не имели равных возможностей, особенно ощущалось отсутствие актрис. Впрочем, и в полковых театрах встречались известные люди, так, например, художественным руководителем театра 1-го полка был до октября 1919 г. уже опытный драматург Франтишек Лангер. Достаточную известность снискал театр на Русском острове во Владивостоке; его творческим лидером был актер еще довоенного времени Вацлав Менгер, благодаря изумительной памяти которого труппа располагала рядом сценариев классических спектаклей – в России эти сценарии невозможно было достать. В репертуар этого небольшого театра входили спектакли по таким пьесам, как «Флашман-воспитатель» Эрнста, «Дочь поджигателя» Тыла и другие, из которых, скажем, спектакль «У белого конька» запечатлен и на фотографиях. Представления театра под управлением Менгера посетила и так называемая «делегация с родины». Эта Группа политиков и специалистов под руководством Франтишека Вацлава Крейчи прибыла в Россию в августе 1918 г.; ее задачей было не только передать новости из дома, но и посылать информацию обратно в Чехословакию, а затем действовать в Сибири в качестве полномочного представителя чехословацкого правительства. Члены «делегации» оставили воспоминания о Менгере, особенно интересно свидетельство Винченца Червинки (ČERVINKA, 1920, s. 48). Вацлав Менгер не боялся никаких экспериментов, на Русском острове спектакль «У белого конька» ставили прямо на природе, хотя в распоряжении театра был и в целом неплохой зал в одном из казарменных зданий.

Солдаты ходили и в местные театры; своего рода культурным шоком могло быть посещение китайского театра; его описание оставил нам Карел Фибих. В тексте очевидно стремление автора откомментировать удивительное представление до последней детали, мы же ограничимся лишь кратким отрывком, который, однако, впол-

не достаточен для того, чтобы почувствовать атмосферу театра и реакцию чехословацких добровольцев: «У входа в зрительный зал стояли два русских стражника, которые, несмотря на протест билетеров с косичками, втолкнули нас вовнутрь. Наши носы окунулись в атмосферу, прямо-таки беременную рыбой и «ароматами» чеснока. Деревянный пол зрительного зала, поднимающегося в виде амфитеатра, скрипел как дырявая гармоника. Мы быстро уселись на скамью в последнем ряду. Представление шло полным ходом. Чары экзотики захватили нас и мы уставились на все это, точно попали на луну... Все это было для нас чем-то совершенно невообразимым... Китайские актеры в гротескных масках, выраженные под драконов, в маскарадных одеждах, занимались какой-то неестественной акробатикой, в то время как отдельные виртуозы, застыв в скованных позах, пели свои арии прямо-таки разрывающими сердце голосами. Мы, конечно, ни черта не могли понять, что означало и изображало все это кривляние, визжание,

верещание и фокусничество. Сзади, на сцене без кулис, вместо которых свисало множество разноцветных лент и фонариков, сидели на подушках, брошенных на толстый ковер, 6 музыкантов, составляющих оркестр этой оперы, и в течение всего действия они творили чудеса в деле извлечения всевозможнейших фальшивых аккордов, а минутами создавали просто адский грохот. Визгливая дисгармония звуков чередовалась в безумном темпе с гроыханием жести и барабанным боем, рвущие нервы туши и арии следовали за воющим блянием актеров...» (FIBICH, 1938, s. 140).

Праздники и торжества

Штатскому человеку может показаться, что воинские торжества и публичные принесения присяги или смотры никакой цели в самих себе не имеют и проводятся только для той части общества, которую воинская часть на марше и военная техника могут привести в состояние перманентного восторга. Это не так. Воинские торжества поддерживают мораль войск, придают военно-

Рис. 3. Чешские кавалеристы, 1919 г.

Fig. 3. Czech cavalry, 1919

служащим должное чувство единства, чувство гордости тем, что все они принадлежат к людям, носящим военную форму.

В период тяжелых боев 1918 года не было практически никакой возможности устраивать подобные «праздники», но с ноября 1918 г., когда в Россию прибыл первый чехословацкий министр обороны Милан Растислав Штефаник, состоялся сразу целый ряд таких акций. То же самое происходило и после прибытия в Сибирь и во время поездок по гарнизонам делегации из Чехословакии, которая приехала летом 1919 г. (KREJČÍ, 1922). Пребывание делегации в гостях у армии превратилось в одну непрерывную карусель смотров, воздавания почестей, ораторских выступлений, официальных вечеров и «аудиенций». Особенно любимым и удававшимся зрелищем были воинские смотры. Помимо полковых годовщин праздновался день Св. Вацлава (28 сентября) и отмечался день сожжения Магистра Яна Гуса (6 июля). В самый большой праздник превратилось 10 ноября 1918 г. в Екатеринбурге – день вручения знамени второй стрелковой дивизии Чехословацкого корпуса.

Следующие несколько строчек мы по-

святим тому, как выглядел типичный «парад» русского легиона. Первым шагом было определение программы и ее рамок, потом выбор воинского соединения, перед которым ставилась основная задача смотра или цикла упражнений, проходивших в присутствии зрителей. Вторым шагом был выбор места, где такой смотр или такой праздник мог состояться. Смотры с демонстрацией элементов боевых действий обычно проводились за городом, тогда как классические парады и торжества передачи знамен проходили на площадях больших русских городов. Если речь шла об учениях за городом, то выбирался специальный ландшафт, подходящий для проведения предполагаемых действий; если речь шла о демонстрации кавалерийской атаки, это была равнина; для саперов подбирали реку, через которую они могли навести мост и т. п. Иногда ландшафт приходилось приспособлять к потребностям учений; сложнее всего было рытье траншей и окопов или подготовка артиллерийской позиции; практические демонстрации элементов военного искусства пользовались наибольшим успехом (Vanek, 1929, s. 731). «Одна ударная рота и батарея Куликовского про-

Рис. 4. 7-й Чешский стрелковый полк на празднике святого Вацлава – покровителя Чехии, Иркутск, 28 сентября 1918 г.

Fig. 4. 7th Czech infantry regiment at the feast of St. Wenceslas – the patron saint of the Czech, Irkutsk, September, 28, 1918

демонстрировали на специально подготовленном полигоне с заграждениями из колючей проволоки и окопами учения, целью которых было взятие этой укрепленной полосы. Стремительность и точность в исполнении данной задачи, как и отличная стрельба артиллеристов Куликовского, которые стреляли с расстояния в 4 версты на цели, находящиеся в 30 шагах перед наступающими ударными подразделениями, заслужили высокую оценку, о чем вестовой Франтишека Крейчи сообщил командиру батальона майору Гасеку и всем ударникам, участвовавшим в рискованных маневрах с применением ручных гранат...». Учения проходили в Нижнеудинске 12 сентября 1919 г., задействован был ударный батальон.

Особый восторг у зрителей, военных или гражданских, вызывали смотры кавалерийских частей. Например, у станции Клюквенная «...при звуках музыки прошел 2-й кавалерийский полк во главе со своим командиром полковником Червинкой. Впечатление было великолепное...».

Третьим шагом была подготовка программы, которая в большинстве своем проходила в рамках тренировочных упражнений выбранных соединений; таким образом, программа, намеченная за штабными

столами, спускалась на уровень участвующего в смотре солдата. Четвертым шагом была подготовка местности с учетом присутствия приглашенных гостей и простых зрителей. Центральным пунктом такой подготовки была установка трибуны, на которой должны были стоять или сидеть почетные гости, высший командный состав и приглашенная элита местного общества. Простыми зрителями были не принимавшие участие в смотре легионеры, а также представители местного русского населения. Дневники легионеров передают восторженную атмосферу, охватывающую солдат, их ощущение собственного мастерства, ловкости, гордости, вызванных умением выполнить поставленную задачу; несмотря на это, мы находим также и критические замечания в адрес этих публичных мероприятий. В нескольких случаях солдаты воспользовались такими торжествами для проведения политических демонстраций, направленных против руководства легиона: «Уже первое мая праздновали в [четвертом. – Д.В.] полку весьма оригинальным способом; особенно странно все это казалось русской публике. Часть полка шла под красным знаменем, а часть под красно-белым» (KRATOCHVÍL, 1928, s. 331).

Рис. 5. Парад в Клюквенной
Fig. 5. Parade in Kliukvennaya

Парады и торжества были благодарной темой разных репортажей, печатных или зафиксированных на фотографиях. В связи с этим, в нашем распоряжении находится большой выбор письменных источников и огромная иконографическая их коллекция. Множество фотографий было издано в виде открыток, использовано в пропагандистских целях; не существует ни одной репрезентативной публикации о легионе, в которой бы не было фотографии военных учений, парада или иного торжественного мероприятия. Так, достаточно обильно представлены, например, военные маневры, проходившие в Иркутске осенью 1919 г.

К мероприятиям скорее гражданского плана и более интимного характера относилось празднование Нового года, в большинстве своем соединявшееся с подведением итогов и отчетностью, но всякий раз и с алкогольными возлияниями. Не всегда это сопровождалось буйным весельем; необходимо помнить, что речь идет о 1919–1920 гг., когда легионеры уже очень долго оставались в России и определенный процент их уже отплыл на родину, так что такой праздник сопровождался неизбежной горечью, как, например, Рождество 1919 г. Очень лаконично и с укором в адрес всего мира рождественские праздники 1919 г. комментирует, например, Йозеф Харват: *«Сегодня Сочельник, который мы уже так надеялись отпраздновать дома, в Чехии»* (KRATOCHVÍL, 1928, s. 15).

Чтение

Флагманским кораблем печатной продукции ИОО был, конечно же, «Чехословенски деник» [«Чехословацкая ежедневная газета»]; всего вышло 717 номеров этой газеты (последний вышел 18 июля 1920 г.), имевшей большой тираж, приблизительно 11 тысяч экземпляров; эта газета выходила наиболее регулярно и является до сих пор очень ценным историческим источником. Газета распространялась бесплатно, ее рассылали за счет бюджета Чехословацкого корпуса в отдельные части по всей магистрали и во все гарнизоны. Только за первые шесть месяцев 1919 г. было отпечатано и разослано 3 628 600 экземпляров газеты «Чехословенски Деник», что действитель-

но можно считать достижением, достойным признания.

Из других периодических изданий по популярности приближалась к «Ежедневничку», как нежно называли «Чехословенский Деник» солдаты, выходящая на русском языке газета «Телеграммы Чехословацкой ежедневной газеты», в которой перепечатывались некоторые сообщения, специально предназначенные для русского населения. Газету «Чехословенски вояк» [«Чехословацкий солдат»] объединяла с «Ежедневником» фигура главного редактора Войтеха Голечека. Выходили также «Словенске гласы», литературное обозрение «Чехословенске беседы», которыми руководил тогда еще совсем молодой Йозеф Копта, и такие нерегулярные издания, как «Уржедни вестник» [«Официальный вестник»] и «На страж» [«На караул»].

В число наиболее интересных периодических изданий входил «Чехословенски валечны справодай» [«Чехословацкий военный журналист»], иллюстрированная ежемесячная газета, где отдельные фотографии сопровождалась подписями на четырех языках (чешском, русском, французском, английском). Эта газета была интересна уже тем, что всегда выходила с изрядным опозданием и каждый следующий ее номер стоил дороже, чем предыдущий.

Свою историю имел и сатирический журнал «Гоупачки» [«Качели»], создание которого было реакцией на отрицательное отношение некоторых легионеров к официальной газете «Чехословенски Деник»; именно эту последнюю они называли «качелями», подчеркивая, что она их «укачивает», т. е. им лжет. ИОО в главе с Йозефом Куделой показал, что действительно обладает здоровым чувством юмора, когда создал печатный орган, и вправду называвшийся «Качели». Воннослужащие корпуса немецкого и венгерского происхождения также имели свои газеты на родных языках; у немцев был двухнедельник «Хаймат», у венгров – «Мадьяр Гонфитарс».

Нельзя не упомянуть и бывшую сначала весьма оживленной издательскую деятельность по производству малотиражных, вручную изготовленных печатных органов, которые создавались небольшими группка-

ми энтузиастов; например, журнал «За свободу», который первоначально издавали только для 1-й роты 1-го полка, но позднее «повысили» на журнал полковой, который составлялся уже с большей мерой профессионализма. В число подобной периодики входили такие печатные органы, как «Тулак» [«Бродяга»] (5-й роты 1-го полка), «Вртуле» [«Винт»] (авиационного отряда), «Колем света» [«Вокруг света»] (5-го полка), «Максим», «Куломет» [«Пулемет»] (пулеметных подразделений) или «Слован» [«Славянин»] (2-го полка), который выходил даже с приложением, представляющим собой учебник французского языка. Количество газет и одноразовых «номеров» в 1919–1920 гг. значительно уменьшилось по сравнению с продукцией 1914–1918 гг., но постоянно существовала группа летописцев, которые работали над официальными хрониками (полковыми и т. п.), над хрониками неформальных объединений и над личными дневниками.

Что касается завятых читателей, то для них ситуация в 1919–1920 гг. улучшилась несравнимо, хотя до идеала было все

еще далеко. Кроме издания периодики ИОО занимался также изданием книг, которые собирал в так называемые книжные фонды: «Библиотека чехословацкого солдата» (на чешском языке), «Библиотека словацких голосов» (на словацком языке) и русская «Чехословацкая библиотека», и, помимо того, отдел пытался регулярно доставать уже изданные книги и включать их в «походные библиотеки», которые перемещались из соединения в соединение. Организованы были также малые библиотечки до 200 томов, которые посылались отдельным полкам, а те могли эти книги обменивать между собой. Часть отчета за 1919 г., посланная ИОО на родину и касающаяся библиотечного фонда (Vanek, 1929, s. 750), показывает довольно малое количество книг – 14 035 (при более чем 50 тысячах потенциальных читателей!), из которых 11 037 составляли фонд передвижных или полковых библиотек. Жалобы обычно касались случайности в подборке книжного фонда, которая была обусловлена его хаотическим созданием «на марше». ИОО в большинстве своем получал книги в каче-

Рис. 6. В теплушке
Fig. 6. In the wagon

стве дара (из Чехословакии, из США), покупал он их лишь в минимальной степени, что способствовало разношерстности фонда. Большая часть книг была, естественно, не на чешском или словацком языках; свое отделение имели легионеры немецкого происхождения. Книги могли одалживать военнослужащие и штатские лица, но они должны были иметь статус чехословацкого гражданина. Библиотекам подчинялись книжные мастерские, где книги не только «ремонтировали» и «чинили», но также их переплетали, поскольку в то время книги обычно выпускались в несброшюрованном виде. В подобных мастерских, однако, недоставало людей, а главное, на них не хватало финансовых средств и материалов.

Набор книг в теплушках менялся мало. Солдаты возили с собой лишь небольшое число книг. Если они у солдат и были, то те обычно дарили их библиотекам. С наибольшей нагрузкой работали библиотеки и книжные абонементы ежедневной печати в больницах, и еще интерес к чтению любых печатных изданий был во Владивостоке, когда легионеры ждали там корабли, на которых должны были возвращаться домой. Основным видом чтения оставались периодика и разные тонкие брошюрки.

Досуг легионеров был также посвящен чтению и писанию писем. Появилась возможность время от времени налаживать контакты с домом, эти контакты становились все более постоянными, письма приходили либо на кораблях из Европы, либо делали большой крюк через Соединенные Штаты. Почти всегда письма приходили с опозданием, тем не менее они служили солдатам единственным истинным источником информации о тех, кого они оставили дома, когда их призвали в армию.

Настроение при получении писем было скорее тоскливым, грустным, меланхолическим. Письма эти напоминали солдатам, что они уже очень давно находятся далеко от дома. И самые банальные новости вызывали слезы. Над долом меланхолии часто сверкали молнии и били грома отчаяния и неудержимого гнева. Солдаты узнавали о смерти своих близких, о переменах и опустошениях, которые принесла война в их жизнь. Родители, друзья, братья и сестры,

жены – никого из них не щадила смерть. *«Не бери в голову, братишка, – утешали брата, у которого после прочтения первых строчек начинали катиться слезы по щекам. – Ты не один такой! Почти на каждой станции есть кто-нибудь, кто о ком-нибудь плачет...»* (VLASÁK, 1934, s. 189).

Узнавали неприятные новости о своем имуществе, но самыми горькими были письма от жен и подруг, которые сообщали своим мужьям и любовникам, о том, что они расходятся с ними, что всему конец, что у них появились новые знакомства, что родились внебрачные дети... Нас, однако, здесь интересует не столько содержание отдельных писем, сколько реакция на них легионеров, а эта тема в источниках почти всегда обходится молчанием. Одним из немногих, кто упомянул эту тему, был Рудольф Власак, который рисует нам ситуацию, возникшую после прихода первой почты с родины. Один легионер оплакивает своего младшего брата, павшего на итальянском фронте, другой иронически изумляется тому, что с его женой происходят чудеса, поскольку она родила сразу двух сыновей через полгода после его ухода на войну. В конце концов Власак оставляет тему прощения, мечты о встрече и говорит о том, что не все легионеры получали письма абсолютно катастрофического характера. Мысли и чувства солдат разъедало также и сокрушение над тем, какой «беспорядок» царит в молодой республике, какие она делает ошибки. В письмах, и не только частных, проскальзывает желание, чтобы легионеры, уж, наконец вернулись назад и навели в республике порядок. «Ждем вас, как спасителей», – писали из дома в письмах и заявлениях. Тем более горькой оказывались порой встречи с реальностью, когда солдат принимали дома не как спасителей, но как чужаков, как незваных пришельцев.

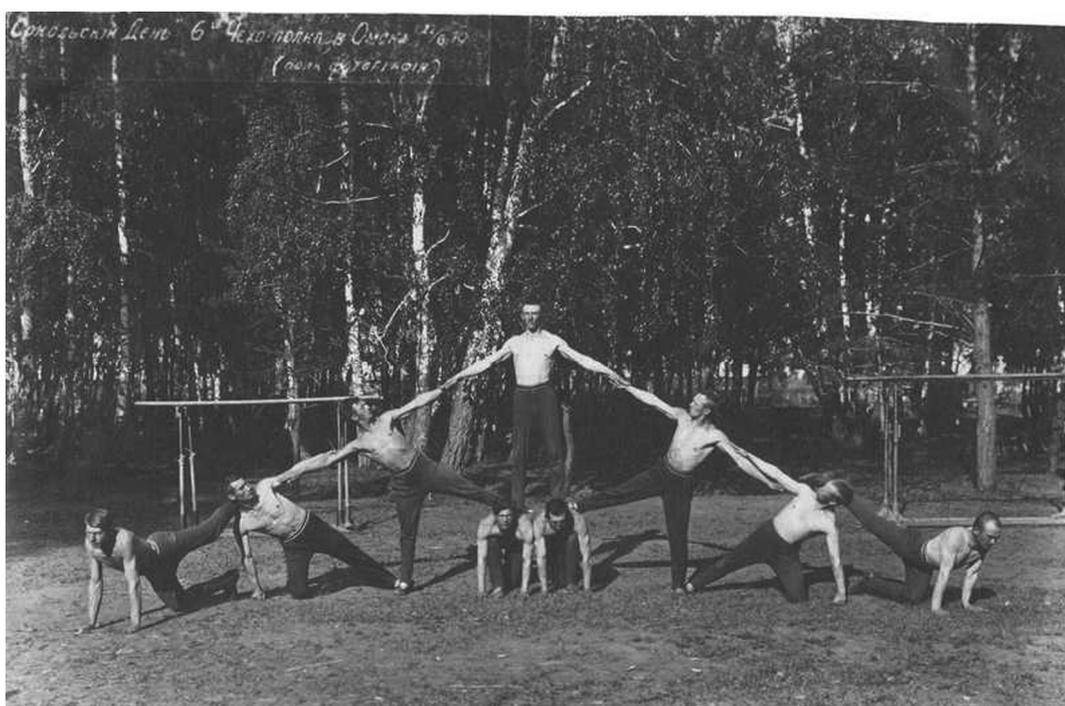
Другие виды досуга

Нельзя обойти стороной спорт, разные спортивные занятия, которые составляли неотъемлемую часть жизни легионеров. Самым любимым видом спорта был футбол, с которым лишь отчасти могли конкурировать другие спортивные игры. Именно

футбол более всего представлял чехословаков во время «международных» матчей во Владивостоке и на магистрали, в которых они играли против команд военных частей союзников; в большинстве случаев речь шла об импровизированной встрече, никакие официальные соревнования, конечно, не проводились. *«Для разнообразия мы увлеченно играем в футбол, но с первой же подачи я нечаянно всаживаю мяч Франте Свободе прямо в глаз. „Гол!“, кричит „Ку-*

лас“ и веселится всюю, когда Франтишек, негодую, начинает меня „благословлять“» (FIBICH, Povstalci III, 1938, s. 262).

Пору упадка переживала сокольская идея. Соколы-энтузиасты либо погибли, либо у них не было больше времени на их любимое занятие, либо оно им просто надоело; последние оставшиеся энтузиасты составляли лишь каплю в море, теряясь в разбухшем легионерском войске. Об отношении солдат к сокольским упражнениям

**Рис. 7, 8. Сокольский день в 6-м чешском стрелковом полку. Омск, 22 июня 1919 г.
Fig. 7, 8. Sokol'sky Day in the 6th Czech infantry regiment. Omsk, June, 22, 1919**

Рис. 9, 10. Сокольская гимнастика с ружьями в честь приезда чехословацкой делегации в Иркутск, 29 августа 1919 г.

Fig. 9, 10. Sokol'sky gymnastics with guns in order to the visit of Czech delegation to Irkutsk, August, 29, 1919

говорит Ян Фаларж: «Наши ребята разучивают „вольные упражнения“ (бр. Поспишил). Вроде бы в июне будет сокольский слет. Из нашего вагона в добровольных упражнениях приняли участие лишь два энтузиаста...» (KREJČOVÁ, 2000, s. 71). Гораздо реже, чем раньше, в воинских частях теперь проводились разные атлетические соревнования и конкурсы, в которых имели место как стандартные дисциплины (бег,

поднятие тяжестей), так и нетрадиционные (например, бег в мешках).

Досуг становился все более и более пассивным, это сказывалось не только на упадке интереса к спорту, но меньше оставалось и любительских музыкальных кружков, театров, затейников. Кажется, что этому процессу способствовало подавленное настроение, царившее во всем Чехословацком корпусе. Все больший размах приобре-

тают азартные игры – особенно карты, а также увлечение алкоголем (все растущее и растущее), поиски проституток, ссоры и споры (гораздо более яростные, чем когда-либо раньше), а то и просто ничегонеделание.

Не перестал существовать и спиритизм, как раз, наоборот, у отдельных невротиков в легионе он завоевал еще большую любовь, чем когда-либо прежде, и эта поглощенность потусторонним миром доходила до того, что кончалась иногда отказом выполнять приказы командиров. Речь шла о том, что некоторые солдаты не только должны были детально продискутировать каждый приказ между собой, но еще и спросить, что по этому поводу думает спиритический столик. Следующее замечание Власака, хотя и значительно гиперболизировано, но если убрать из него иронию, мы увидим самую суть происходящего: *«Ревята все-таки вылезали из теплушек, спрашивая сами себя „Идти или не идти?“ Потом считали тех, кто не вынул рук из карманов и заключали: „На фиг!“ Ничего тут не выгорит! В самом лучшем случае ответы на все вопросы отстукивал спиритический столик – то была последняя инстанция. Вызывали дух султана Мехмеда VII, тот говорил „не надо“ и это было святое...»* (VLASÁK, 1934, s. 91).

Не забывались и карточные игры, их было множество разных видов. Карты, как зеницу ока, хранили еще со времен австрийской армии или они были куплены уже в России, или за дело брался какой-нибудь искусный рисовальщик, который создавал оригинальные карты по собственному вкусу. В большинстве своем карты были захватаны, замусолены, погнуты, поскольку постоянно были в игре. Некоторые азартные игроки-фанатики даже отказывались от сна. Играли как на спички, так и на деньги; иногда и на довольно большие суммы. Определенный процент легионеров настолько стал жертвой азарта, что начал искать удовлетворение своих желаний и в русских заведениях и иногда такой игрок проигрывал все дочиста. Самой любимой карточной игрой был, конечно, «марьяж» во всех своих самых диковинных вариантах, играли также в «очко» или в «двадцать одно», но

не упускали из виду и трактирные игры вроде «булки», «дурака» и «фербла» (FIBICH, Povstaleci III, 1938, s. 72).

Ничто не тянется так бесконечно долго, как скучный вечер в закрытом пространстве теплушки или казармы. Солдаты заполняют время разговорами, руганью, рассказыванием всяких историй, воспоминаниями и ссорами. Невозможно до конца реконструировать темы этих бесконечных разговоров, но о некоторых из них остались свидетельства. Одной из самых частых тем была тема дома – далекая мечта, которую сопровождал и страх. Солдаты вслух размышляли о своих близких, о своем прошлом и будущем, строили большие планы, либо со страхом ожидали тех изменений, которые произвела в их доме война. Разговоры касались и политических тем, а это почти неизбежно приводило к ругани и спорам; говорили об устройстве будущего свободного государства, о мести «австриякам», о «наведении порядка». Переругивались во весь голос, за резким словом не лезли в карман, не случайно многие теплушки или проводимые в них дискуссионные посиделки получили ироническое прозвище «парламент». Там обсуждалась политическая ситуация, но мыли косточки и командирам, особенно нелюбимым соратникам по оружию, и анализировали военные действия. *«Говорили о земельной реформе [имеется в виду реформа, которая тогда проходила в ЧСР. – Д.В.], о деле, которое и при всех своих недостатках, означало большой шаг вперед; это было действительно большое дело. „Оппозиционер“ Свитак сумел его раскритиковать: „Мошенничество! Обман! Лапша на уши! Обглоданная кость, которую бросили собакам, чтобы те из-за нее грызлись, оставили хозяина в покое и „не причиняли неудобства“ зверью“»* (VLASÁK, 1934, s. 186).

Преимущество имели те теплушки, в центре которых находился талантливый рассказчик, который умел целыми часами занимать внимание «местного населения». Действительно произошедшие или вымышленные истории касались не только доменной жизни, у некоторых весьма авантюрной, но, скажем, и службы в Чешской дружине, в сербской дивизии, а самой люби-

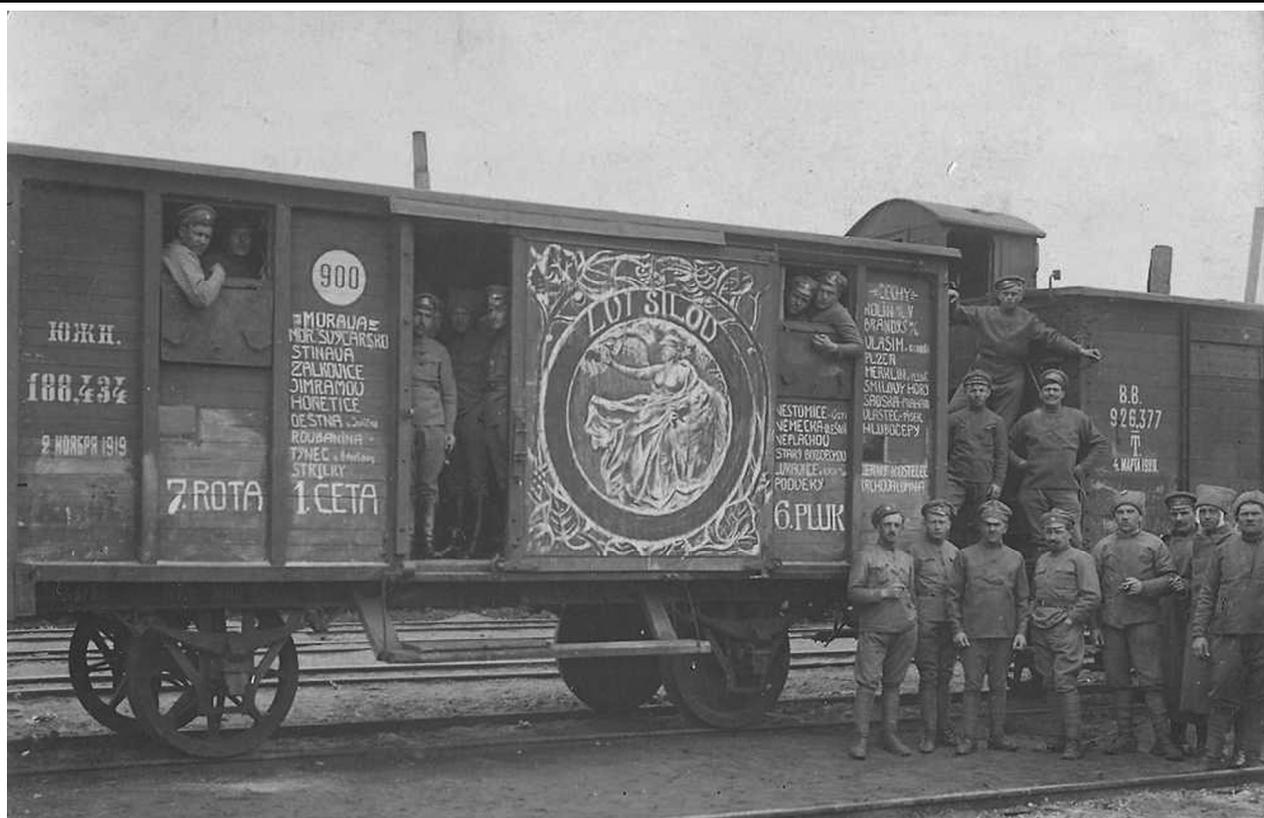

Рис. 11. Украшенная теплушка 6-го чешского полка
Fig. 11. Decorated wagon of the 6th Czech infantry regiment

мой была тема сражения у Зборова. Как кажется, важную роль играли мифы, легенды и особенно сказки, знания которых от потрепанных жизнью, в большинстве своем вульгарных и нередко очень грубых добровольцев мало кто мог ожидать: «...иной раз брат рассказывает народную сказку – и стар и млад внимательно его слушают. А когда сказка кончается, ну, смеху, ну, шутки!» С другой стороны, в этом не было ничего удивительного, ведь сказки и сказочные мотивы часто использовались в театральных спектаклях, в представлениях кабаре – уж не говоря о театрах кукольных. Долгими вечерами в теплушках и на вокзалах солдаты обсуждали практически абсолютно все, что составляло их жизнь: семью, жену, спорт, небесные тела, оружие... Высказывание вслух своих взглядов, мечтаний и страхов сближало их между собой и укрепляло и так уже достаточно сильное взаимное расположение.

Практически в чисто мужском обществе нельзя не столкнуться с грубыми, подчас и жестокими шутками. Таким «солдатским юмором» сокращали бесконечно тянущееся время и легионеры; Карел Фибих вспоми-

нает взрывоопасные сигареты: «Вокец высыпал из нескольких патронов порох, который по горсточкам завернул в бумажные трубочки и всунул в верхнюю часть папиросных гильз так на одну треть длины. Эта приманка раскладывается на столике и Чермак зовет всю роту „на затяжечку“... Первым взрывается Гейдук...» (FIBICH, *Povstalci IV*, 1938, s. 200).

Сибирь прямо-таки манила заняться охотой. На диких животных солдаты охотились не только ради улучшения меню, но также и из-за меха, да и просто удовольствия ради, ведь немало легионеров и до войны были заядлыми охотниками. Излюбленной целью были птицы, зайцы, олени, кабаны; не боялись солдаты и хищников, охотились даже на медведей и волков, не говоря уже о лисицах (VLASÁK, 1934, s. 144). К любимым видам отдыха относилась и рыбалка. С течением времени такие индивидуальные охотничьи экспедиции в тайгу становились все более опасными, поскольку банды повстанцев стягивались все ближе к железной дороге и их излюбленной добычей становились как раз такие одиночки, не только охотники, но и грибки, на

Рис. 12. Чехи играют в боулинг у казарм 28-го Сибирского стрелкового полка. Иркутск, 1919 г.

Fig. 12. The Czechs play bowling at the barracks of the 28th Siberian infantry regiment. Irkutsk, 1919

которых они нападали из засады и которых убивали.

С приездом в Россию американцев (не только солдат, но и сотрудников ИМКА⁷) расширилась программа русских кинотеатров. Некоторые кинематографы завели даже сами американцы; речь не шла о постоянных залах, но о передвижных киноустановках, которые могли быть доставлены куда угодно. Что было в программе? «Показывали заурядные американские вестерны, действие которых происходило в прериях, где шла пальба по индейцам, все эти погони с лассо и накидыванием удавки на шею попавшимся. Франта громко протестует: „Это же халтура, сплошное надувательство, столько выпущенных патронов и так мало убитых!“» (FIBICH, *Povstalec IV*, 1938, s. 23). Киножанры дополнялись, конечно, еще комедиями и романтическими фильмами, все это было на очень низком художественном уровне; однако важно было то, что солдаты хотя бы на минутку могли забыть о своей ситуации.

Некоторые из них вообще впервые увидели кино в России; Винценц Червинка говорит о том, что кино показывали даже в железнодорожном вагоне (ČERVINKA, 1920, s. 308).

Нельзя не упомянуть и о распространности и жадном впитывании самых разных слухов и «параш»; снова появляется целый ряд мифов, которые с каждым критическим моментом обрастают новыми подробностями. Слухи носили позитивный характер, – скажем, о том, что уже близится день отъезда из России, что во Владивостоке уже готовы корабли, – но также и характер негативный, – говорили о подорванных поездах, о сотнях погибших, о необходимости снова открыть фронт против большевиков, об измене собственного руководства и даже о предательстве со стороны Антанты и чехословацкого правительства. «Тот, кто хотел себя растравливать в любых обстоятельствах, занимался этим и по вечерам во время дискуссий. Критиковал, иронизировал, высмеивал – абсолютно всё, включая и законы, о значении которых для народа такой паренек не мог иметь и не

⁷ Young Men's Christian Association.

имел ни малейшего представления. Ну и так же набрасывались на всякие негативные явления, о которых упоминали газеты, и размазывали их до бесконечности...» (VLASÁK, 1934, s. 185). Карел Фибих считает, что создание и распространение слухов было прямо-таки одним из видов проведения досуга: «Некоторые из этого производства слухов сделали для себя особый вид спорта, занимаясь которым, убивали время; так, „достоверную“ новость, пущенную в оборот на одном конце военного лагеря, тут же торопились передать на другой его конец, чтобы опровергнуть другую, прямо ей противоречащую „достоверную новость“» (ŠERVINKA, 1920, s. 29).

В свою очередь, Просветительский отдел устраивал целый ряд лекций образовательного и просветительского характера на самые разные темы. Качество и содержание отдельных докладов весьма отличались друг от друга, равным образом, как и места, где они проводились. Обычным местом проведения лекции был театральный зал, комната для собраний, но также и пространство под чистым небом. Темы просветительских, образовательных и учебных лекций касались особенностей внутренней политики России, международного положения, военных дел, но иногда и таких отраслей знания, как история, право, финансовая наука. Лекторы вербовались из специалистов – ученых, учителей средних школ и гимназий, но качество этих лекций, судя по оставленным воспоминаниям, было очень неравным. О том, кто и как проверял уровень знаний самих лекторов (если это вообще делалось), нет никаких сообщений.

Солдаты изучали также иностранные языки; русский язык был уже достаточно знакомым, часто учили английский и постоянно – французский; в легионерский жаргон проникло и несколько японских слов, например, таких как *коничева* (добрый день) или *мусимэ* (барышня).

У легионеров было множество домашних животных, чаще всего это были собаки всех возможных пород, расцветок и моделей поведения. Солдаты испытывали к бродячим собакам особую симпатию, скорей всего, сравнивали их судьбу со своей соб-

ственной и относились к ним, в большинстве случаев, с большой нежностью. Можно с уверенностью сказать, что самой любимой и самой распространенной породой собак была так называемая «уличная помесь», в Сибири особая «вокзальная помесь», т. е. та порода, которую в разговорном чешском языке называют «дворнягой». Дружья-собаки завоевали бессмертие, став героями легионерской литературы; невозможно забыть «Жука» из «Третьей роты» Копты, но самой известной легионерской собакой стал «Раф», герой романа Лангера «Пёс 2-й роты». К домашним животным относилась также целая плеяда разнообразных птишек, – особенно певчих, живших в своих клетках, подвешенных под потолком теплушек и веселящих их обитателей или отравляющих им жизнь.

Типичным легионерским «любимцем теплушек» стал медведь; он является символом пребывания Чехословацкого корпуса в Сибири. Многие легионеры мечтали привезти своего мохнатого друга на родину, некоторым это даже удалось, потом их преподносили в качестве дара президенту республики (VOLF, 2000, s. 13–17). С этими домашними любимцами было больше всего проблем; медведи-малыши были еще трогательны, но по мере взросления, медведю требовалось все больше еды, которой не всегда хватало. О медведях и о разных их фортелях вспоминает множество легионеров: «...в команде полковой музыки приключилось несчастье; повесился конёк, который возил полковой барабан; привязали его к дереву, а он сунул голову в двойную петлю и утром его нашли ужедохлого. Взамен коня выдрессировали медведя, который потом гордо переваливался, таская за собой турецкий барабан. Дрессированных медведей в Чехословацком корпусе было немало»⁸. О самом экзотическом домашнем животном рассказывает Йозеф Копта; речь у него идет о прирученной лани! (КОПТА, 1931, s. 237).

Животные были собственностью отдельных солдат, но часто также имущест-

⁸ Воспоминания Йозефа Хухела, см. в: STIBOROVÁ, 2000, s. 83. Memories of Joseph Huhel, see in: STIBOROVÁ, 2000, p. 83.

Рис. 13. Медведи в неволе
Fig. 13. Bears in captivity

вом, талисманом и одновременно проблемой целой теплушки или воинского соединения. Необходимо подчеркнуть, что большинство из этих солдатских любимцев должно было остаться в России. Любовное отношение к животным было вызвано тоской по взаимности, потребностью о ком-нибудь заботиться, иметь друга, самого близкого товарища. Иногда, правда, все это было только капризом, ошибкой, животное быстро надоедало, и его бросали на произвол судьбы. В общем отношение легионеров к домашним любимцам не очень отличалось от того, которое преобладает у нас и до сего дня.

Одним из самых распространенных видов досуга являлся, несомненно, поиск сексуальных приключений; к самым экзотическим из них относились посещения имевших дурную репутацию публичных домов, включая и визиты к японским гейшам во Владивостоке. Некоторые искатели приключений буквально все свое свободное время посвящали таким визитам (FIBICH, 1938, s. 199).

Досуг на море

Говоря о досуге легионеров, нельзя забыть о тех его особенностях, которые принесла дорога на родину морем. Из Владивостока в Чехословакию отплыло на различных судах всего 72 644 человека, из этого числа 3 004 офицера, 53 455 унтер-офицеров и рядовых, 4 914 инвалидов, 1 726 женщин и 717 детей (PICHlíK, 1996, s. 251; VÁCHA, 2006, s. 151–162). Обычный путь вокруг Индии продолжался 45–60 суток. Естественно, что море и его красоты очень скоро наскучили, надо было чем-то занять легионеров. Начальник эвакуационного отдела доктор Рудольф Рахе в своей брошюрке, изданной еще в России, особо подчеркивал опасность этой скуки. Со скукой боролись с помощью разных работ, например, уборкой: «Развлечением нам на корабле служило ежеутреннее умывание [sic!], потом мы драили трапы, полы в каютах, целиком всю палубу, все поливали, ну, в общем, все должно было быть чистым» (JURMAN, 1990, s. 67). Тренировались и на случай катастрофы: «На палубе проходили упражнения, все были разбиты на группы, звенья, каждое получило своего командира. В том случае, если бы судно

начало тонуть, каждый должен был занять свое место и этого командира слушаться беспрекословно». И все же со скукой невозможно было справиться: «Большинство братьев самой важной работой считало по несколько раз в день заняться едой, а кроме этого не делают ничего. Или качаются на палубе в плетеных гамаках и рассказывают друг другу истории, которые уже все давно знают, или собираются в корабельном баре, где англичане пьют брэнди и виски, а наши портят себе желудок плохим пивом или споласкивают его лимонадом. Другие, а их гораздо меньше, посвящают часть дня немного более полезному делу – либо фотографируют, либо читают, а еще на пальцах одной руки вы бы сосчитали тех, кто чему-нибудь учиться, разложив книги» (VONDRÁČEK, F., *Husité*, s. 154).

Как и в России, продолжались серии разных лекций, очень часто на актуальные темы, например, о маршруте судна, о разных достопримечательностях на пути и т. д. Лекции читались буквально обо всем, о проблемах здоровья, по чешской или мировой истории, физике, химии, географии, финансовому делу или медицине. «Вечером лекции: на носу инженер Немец – о радио, на корме капитан Матейка – о деньгах»⁹.

Больше всего любили устраивать кабаретные представления, состоящие из музыкальных и комических номеров. Йозеф Харват вспоминает, как на корабле показывали кино; к сожалению, нам уже не узнать, какой фильм тогда показывали, но мы знаем, что представления начинались не раньше девяти часов вечера; их часто устраивали члены организации ИМКА¹⁰; так Адольф Земан конкретно по имени упоминает активного и всеми любимого мистера Кларка, который входил в эту организацию.

⁹ Запись от 7 января 1920 г.; личный дневник Яна Чижковского (STIBOROVÁ, 2000, s. 83). Record at January, 7, 1920; personal diary of Ian Chizhkovsky (STIBOROVÁ, 2000, p. 83).

¹⁰ Сведениями о членах этой христианской организации мы располагаем относительно лишь тех кораблей, которые плыли под флагом Соединенных Штатов.

Information about the members of this Christian organization we have regarding only about those ships that sailed under the flag of the United States.

Не забывали и о музыке, инструментальном или вокальном исполнении (ZEMAN, 1920, s. 71, 143; CÍSAŘOVSKÁ, 2001, s. 53). Свое место занимала при этом и современная техника, т. е. граммофоны.

Кроме этого, солдаты были вынуждены изобретать и другие виды деятельности, какие только приходили им в голову: больше всего занимались чтением, писали дневники, загорали, играли в разные игры (включая шахматы и карты), фотографировали, учили иностранные языки, рисовали и дискутировали обо всем на свете. «Вывешены вырезки из англоязычных сингапурских газет: большевики повсюду наступают, Колчак совершенно разбит и как военный авторитет сегодня уже не имеет никакого значения»¹¹. Адольф Земан вспоминает классическую игру в парках аттракционов – набрасывание колец на колышек, которой азартно предавались на палубе корабля «Президент Грант» (ZEMAN, 1920, s. 143).

Солдаты могли забавляться с различными зверюшками на палубе, о чем нам говорят как фотоматериалы, так и воспоминания легионеров. Хотя обычно содержание животных на корабле не разрешалось, но делались исключения, особенно для полковых, батальонных или ротных любимчиков, которые служили талисманами, или для медведей, которых везли в подарок Томашу Гарригу Масарику. Наверное, самыми занимательными зверюшками были обезьянки, которых получили воспитанники легионерской школы несовершеннолетних.

Весьма оригинальное повествование, касающееся собак, мы находим в дневнике одного весьма своеобразного солдата, Ярослава Прудила; он пишет о том, что большинство собак они перед посадкой на корабль съели (или, как это передано его характерным стилем, „скушанькали“), только над одной сжалились и оставили ее в живых: да только она прыгнула за борт и плыла по морю, пока не утонула (JURMAN, 1990, s. 66). Вацлав Валента-Альфа вспо-

¹¹ Запись от 16 января 1920; личный дневник Яна Чижковского (STIBOROVÁ, 2000, s. 74). Record at January, 7, 1920; personal diary of Ian Chizhkovsky (STIBOROVÁ, 2000, p. 74).

Рис. 14. Погрузка 7-го чешского стрелкового полка на борт транспорта «Иксион» во Владивостоке, май 1920 г.

Fig. 14. Loading of the 7th Czech infantry regiment aboard transport "Ixion" in Vladivostok, May, 1920

минает, что его несовершеннолетние воспитанники получили в Сингапуре в подарок трех маленьких обезьянок (впоследствии погибших из-за перемен климата), которым корабельный портной даже сшил миниатюрные униформы (VALENTA – ALFA, 1924). В портах солдаты могли себе купить также разных экзотических птиц или китайских дворцовых собачек. Продолжалась и традиция издания любительских журналов, названия которых говорят о месте их выпуска: «На воде», «Вокруг света», «Наша Маринка»¹², «Морской отряд» и многие другие.

Но, наверное, самым интересным и, конечно, самым желанным отдыхом от бесконечного плавания были остановки в портах, где корабли набирали воду, продукты и уголь. Для легионеров это был шанс сойти

на твердую землю (VONDRÁČEK, 1922, s. 133). Каким бы путь вокруг света уже не был сам по себе напряженным и интересным, в дошедших к нам свидетельствах наиболее рельефно выступают такие портовые города, как Сингапур, Шанхай и Коломбо, которые произвели на добровольцев (тех, конечно, которым посчастливилось получить увольнение на сушу) огромное впечатление. После таких больших русских городов, как Киев, Москва, Петроград, Иркутск, Омск и Владивосток, перед легионерами явились города совсем иного типа; кроме уже упомянутых, еще Джибути, Порт Саид, Триест, Гонолулу, Ванкувер и многие другие.

Уже само прибытие в эти порты было приключением, ибо, хотя во Владивостоке и стояли в то время на якоре десятки судов всех видов и под всеми флагами, но, по сравнению с первоклассным сингапурским рейдом, владивостокский порт выглядел как бедный родственник. Когда перед глазами изумленных добровольцев появились леса труб, мачт, кранов и сотни кораблей,

¹² Журнал «Наша Маринка» издавался солдатами на корабле «Ливерпуль Мару»; в названии журнала обыгрывалась вторая часть названия корабля. Magazine "Our Marinka" was published by soldiers on the ship "Liverpool Mari"; the second part of the name of magazine is joke-like played.

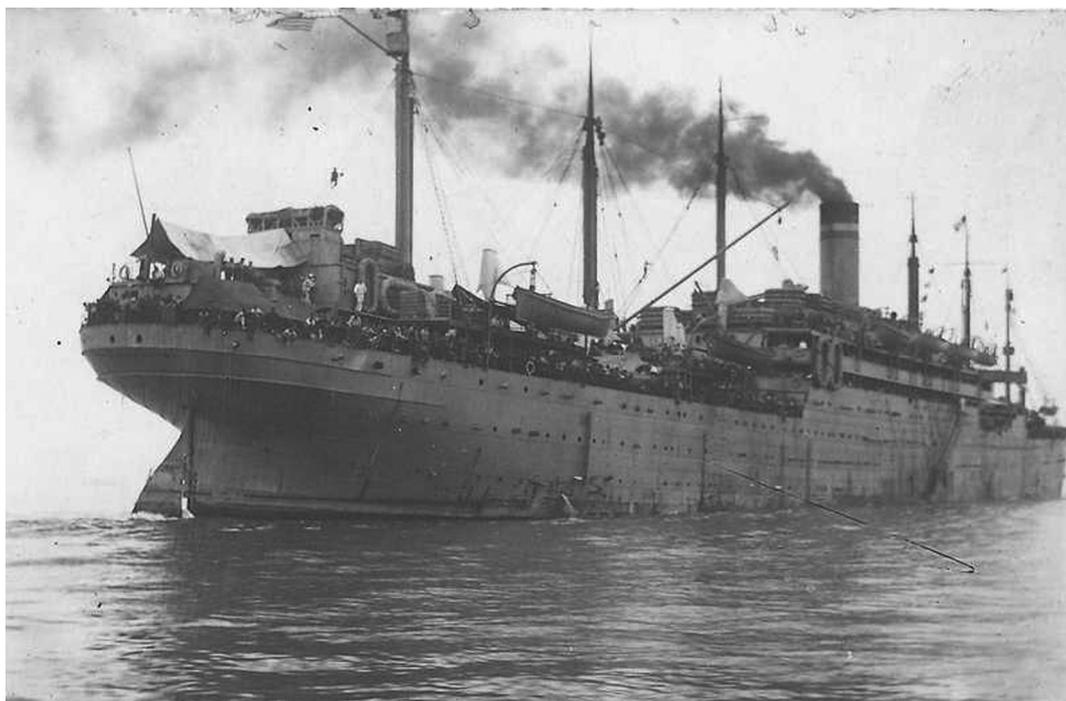

Рис. 15. Транспорт «Президент Грант», ушедший из Владивостока с чехословацким командованием 27 апреля 1920 г.

Fig. 15. Transport "President Grant" leaving Vladivostok with Czechoslovakian command in April, 27, 1920

все это привлекло внимание и самых равнодушных. Из воспоминаний очевидцев веет на нас духом уже несуществующих колониальных владений. «В 8 часов мы бросили якорь перед входом в сингапурский порт в ожидании лоцмана, который должен был провести нас на рейд между опасными отмелями. Панорама Сингапура в сиянии только что поднявшегося солнца захватывает... Сам город представляет собой английскую морскую крепость, о чем говорят грозно торчащие со всех сторон стволы огромных орудий... Как только корабль встал на якорь, появились маленькие лодочки местных малайцев, которые ловко ныряли в воду за серебряной монетой и с ней тут же выныривали на поверхность (они ловят ее еще до того, как она опускается на дно). Продавцы раковин (великолепных экземпляров) и фруктов самых разных видов прямо из лодок предлагают свой товар... На причале сразу забурлила жизнь. Прибежали продавцы фруктов, открыток, галантереи, ныряльщики с раковинами...» (STIBOROVÁ, 2000, s. 73). Каждое судно немедленно становилось целью сосредоточенного набега торговцев, фокусников и

нищих, которые надеялись на легкий заработок.

Хотя солдаты и привыкли к шуму больших городов и к экзотике, ведь большинство из них побывало в Харбине, «триедином» городе, одна из частей которого представляла собой «самый чистый Китай в России», но мало кто из них бывал в таком тропическом городском муравейнике Юго-Восточной Азии. Когда портовые власти и собственное начальство позволяли солдатам отправиться в город, немногие оставались на палубе. Прогулка по твердой земле манила практически всех, от простых солдат до командиров, которые к тому же бывали приглашены на различные приемы, знакомились с представителями местной элиты и фигурировали в новостях на страницах различных региональных газет. «Жарища страшная, больше сорока градусов. И в густой тени могучих деревьев мы потеем, как взмыленные кони. Снова весьма дружелюбный и сердечный прием у представителей французских и английских высших кругов, приветствия, провозглашения славы и полная телега радости. Длинные столы с чистыми скатертями, симпатичные дамочки, стройные девчата с

милыми мордашками, пирамиды нарезанной колбасы, хлеба, фрукты и напитки – в общем достопримечательность природы, какую очень редко встретишь в военной жизни...» (FIBICH, *Povstalci V*, 1938, s. 60).

Иногда напротив, осторожные портовые чиновники ставили на надеждах солдат крест, поскольку разрешали сойти на берег лишь ограниченному числу путешественников (офицеры, конечно, имели предпочтительное право) или не разрешали никому; причиной такого поведения была плохая информированность и страх большевистской заразы. Иногда отдельных солдат лишали увольнительной за их грехи и провинности в отношении устава или правил поведения на судне; к таким провинностям относились: недисциплинированность, неисполнение приказа, пьянство и т. п.

Но когда увольнение разрешалось, солдаты пользовались им до последней минуты. *«Выход в город (Сингапур) разрешен всем. И вот уже портовые улицы да и все ближайшие полны чехословаками, которые все с любопытством осматривают»* (STIBOROVÁ, 2000, s. 73). Все отлично знали, что в эти места уже никогда в будущем не попадут. По записям в дневниках мы видим, что солдат в портах интересуют те же вещи, которые ценились ими уже и в русских городах. На первом месте была снова архитектура, внимание привлекали различные памятники (например, буддийские храмы), планировка улиц. С неменьшим интересом солдаты смотрели на представителей местного населения, особо оценивали их социальное положение и социальные роли ((CÍSAŘOVSKÁ, 2001, s. 56). Запись от 3 мая 1920 г., Гонконг). Вообще анализ условий жизни и социальных позиций в разных контекстах характерен для легионеров и во время их пребывания в России, и во время путешествия вокруг света по дороге домой.

Солдаты посещали рестораны и выносили им оценки. Хватало времени и на другие увлечения, кроме еды; Йозеф Харват посетил в Гонконге известный местный ботанический сад; легионеры изучали интерьеры храмов, ходили в музеи и осматривали иные достопримечательности. О «социологических», даже этнографических исследо-

ваниях говорят и заметки о необычных похоронных ритуалах, свидетелями которых были чехословаки (CÍSAŘOVSKÁ, 2001, s. 55). Все вышеприведенные факты подтверждает сохранившийся фотоматериал, который сосредотачивает внимание именно на таких элементах портовых городов; некоторые фотографии схватывают и мельчайшие детали местной жизни; при исследовании всего этого материала мы можем опираться и на привезенные легионерами открытки.

Особым вниманием (в Шанхае, Гонконге и Сингапуре) пользовались рикши, чья невеселая жизнь вызывала у социально «сопереживающих» легионеров размышления об азиатской нищете (STIBOROVÁ, 2000, s. 74). Солдаты сочувствовали бедности еще и потому, что они и сами из-за низкого курса рубля и вообще малого жалования не могли позволить себе особенно сорить деньгами, хотя рынки и магазины со всех сторон предлагали горы экзотически заманчивых товаров. *«Мы, „сибирские ребята“, мы вообще были на дне с этим паршивым жалованьем. Как известно, зарплату нам считали во франках, а выплачивали в сибирских рублях. Через сколько эта сумма проходила каждый раз трансформаций и подсчетов, умножений и делений, пока мы наконец получали эту кучку бумаги, за которую в общем ничего нельзя было купить, об этом знают только милый Господь Бог и наш кассир...»* (ZEMAN, 1920, s. 112).

Чехословацкую армию всегда обгонял слух о ней, каким бы он ни был искаженным; так было и на пути домой. В то время как некоторые более поздние транспорты сталкивались с довольно оправданным слухом об их «большевизировании», первые транспорты встречал любезный прием местных жителей, которые одаривали своим вниманием геройские соединения славных чехословаков. Местные политические и торговые круги устраивали в их честь вечера и банкеты. Благодарные легионеры отвечали на это хоровыми представлениями (VONDRÁČEK, 1922, s. 146) или инструментальными концертами (FIBICH, *Povstalci V*, 1938, s. 17). Чехословаков представляли не только музыканты, пока-

HLAVNÍ POZEMNÍ I MOŘSKÉ CESTY ČS. LEGIÍ NA POUTI KOLEM SVĚTA.

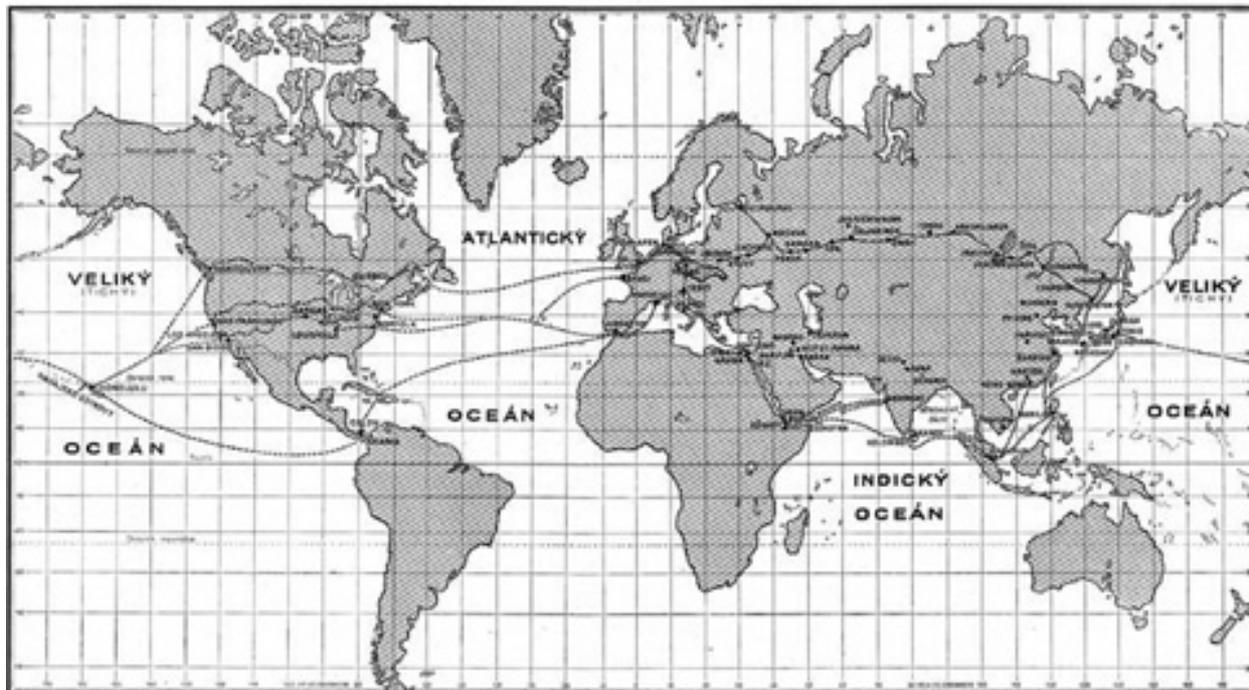

Рис. 16. Маршруты возвращения чехословацких войск на Родину
Fig. 16. Routes of Czechoslovak troops return home

Рис. 17. Чехи в Гонконге
Fig. 17. Czechs in Hong-Kong

зять себя старались и спортсмены, прежде всего, футболисты, которым удавалось поражать и хорошо организованные местные команды: «В этот день, первого мая, происходила встреча нашего [5-го. – Д.В.] и 4-го полка с футбольными командами города, английской и китайской. Англичане хо-

рошо получили от ребят из четвертого, а китайцы, несмотря на мастерство игры и многолетнее держание первого места, от наших из пятого, так что день окончился весельем». Запись от 3 мая 1920 г. (Гонконг) (CÍSAŘOVSKÁ, 2001, s. 56). А тем самым продолжалась просветительская

«кампания», корни которой уходили во времена еще до возникновения Чешской дружины и которая бесконечным своим повествованием сопровождала «русский легион» в течение всего периода его существования.

«После каждого номера следуют не утихающие овации. Естественно, при таком „промазывании“ горлышек только и петь. Первую часть концерта составляет серьезная музыка. „Соловьиное пение по сравнению с нашим – отброс“, довольно заявляет Чехура, и Гонза дает баса после пятого пива как храмовый орган. После обслуживания торопливыми официантами настроение еще более повышается, мы поем веселые хоровые песни и, наконец, „в унисон“ наши любимые воинские застольные. Хозяин пивной (в Шанхае), прибывший с французскими гостями, вне себя от восторга, бегают вокруг нас и радуется» (FIBICH, *Revstalcí V*, 1938, s. 50). Все певцы в стельку «надрались» и на обратном пути на судно пороняли в воду свои совершенно новые тропические шляпы, которые им помогли выловить из моря китайцы уже на следующий день.

Адольф Земан оставил нам сообщение о большом чехословацком празднике в Колombo, на котором присутствовал также американский экипаж с «легионерского» корабля «Президент Грант». Устроители праздника замыслили его в спортивном стиле; начали «показательным» бейсбольным матчем между командами, составленными из американских моряков, продолжили легкоатлетическими соревнованиями – метанием копья, ядра и диска, бегом (на 100 ярдов), прыжками в высоту и в длину. Апогеем спортивного дня стал матч между английскими футболистами и командой 6-го чехословацкого полка, который выиграли англичане, и хотя Адольф Земан и жаловался, что судья им подыгрывал, матч закончился «обычным шумом и гвалтом, знакомым нам и по нашим стадионам». После футбола пришла очередь соколов и все закончилось не слишком долгим «концертом» легионерского хора. Похвалу заслужил также оркестр 6-го полка (под руководством Вилема Вахманна – Восковца), который, видимо, играл почти целый день (ZEMAN, 1920, s. 195–196).

Хотя чехословацкие легионеры и не оставили о себе в этих местах такой глубокий след, как в России, но все же на краткое время к сердцам и мыслям некоторого числа людей из местных они приросли. «К нашему удивлению малайцы, негритята в *Джибути и торговцы в Порт-Саиде* знали, что мы „чехословак“, и кроме чешского счета выучили еще и несколько других чешских слов» (LANGER, 1920, s. 80).

Мечтающие о холодке легионеры не могли, конечно, не опробовать море, при каждом удобном случае сбрасывали с себя форму и прыгали в волны морей и океанов. Купание и плавание не только освежало, но помогало и потренировать мускулы, значительно ослабевшие во время постоянного пребывания на корабле. О том, что купание не всегда было совершенно безопасным видом проведения досуга, рассказывает следующий случай. 5 декабря 1919 г. в Сингапуре один из солдат был растерзан акулами, как об этом свидетельствует дневник добровольца Карела Новотны из 6-го Ганацкого полка. Об этом случае рассказывает и другой источник, дневник Богуслава Боучека; врача, который, по стечению обстоятельств, плыл на том же корабле, что и легионеры Карел Новотны и Ян Фаларж; это был «Итали-Мару», который вышел из Владивостока 22 ноября 1919 г. и прибыл в Триест 6 января 1920 г.

Но каждый визит когда-нибудь да кончается и суда с легионерами снова выходили в открытое море. Добровольцы сидели в своих тесных помещениях, болтали, размышляли, снова читали, играли в карты или в какие-нибудь иные игры, а в сердца им вращалась не поддающаяся выкорчевыванию память об уходящей в прошлое Руси. Мы легко можем обнаружить это, почти родственное, отношение, когда читаем упоминания о газетных новостях, более всего занимающих добровольцев, – одни были об уже свободной родине, другие – о все еще страдающей России.

Вполне возможно, что в головах у них все еще крутилось сумасшедшее кино нескольких последних лет. Умиравшие, раненые, победы, поражения, любовь и ненависть. В то время как над водой скакали играющие дельфины, у добровольцев, воз-

можно, снова мерзли щеки в карауле; и глаза их видели не морскую гладь, но степную ширь. Тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием корабельных шпангоутов, где-то вдали скрывала грохот эшелонов; отдаленные раскаты были звуками шторма или артиллерийской канонадой? В записях ностальгия перемешивается со страхом перед тем, что их ждет в будущем. Странники возвращаются домой.

После долгих лет отсутствия чехословацкие легионеры вернулись на родину как искушенные путешественники; во время бесконечных странствий по России, да, собственно, и по всему свету, они набрались огромного и самого разнообразного опыта. Данное исследование, к сожалению, не позволяет нам выяснить, насколько продолжали добровольцы свой «легионерский» опыт досуга также и в домашних условиях. Пока мы еще не знаем, насколько им не хватало экзотических забав (купания в море, посещения гейш и т. п.) или насколько проблематично проходило их привыкание к образцам поведения в свободное от работы время, свойственным для средневропейского пространства в эпоху мира (как то: посещение ресторанов, массовых спортивных игр и т. п.).

Приложение

Биографические справки

Блеха Олдржих (Oldřich Blecha, 1892–1951); в июне 1916 перешел к русским. В Петропавловске участвовал в создании местного театра военнопленных, позднее им руководил. С лета 1918 г. ведет оркестр сопровождения легионерского театра (в сотрудничестве с Й. Йеничком и З. Штепанеком) и симфонический оркестр легиона. После войны преподает музыку, работает в области музыкальной публицистики, а после выхода на пенсию становится организмом.

Голечек Войтех (Vojtěch Holeček, 08.11.1891, Praha – 13.06.1969, Praha). Воевал на русском фронте, осенью 1915 г. попал в плен. С марта 1917 г. – член Клуба сотрудников-военнопленных, летом 1917 г. – член агитационной комиссии Филиала ЧСНР в России, с ноября 1917 г. – редактор газеты «Ческословенски Деник», с января

1919 г. – главный редактор этой газеты и начальник отделения информации Просветительского отдела. После возвращения в ЧСР работал в Музее сопротивления [Památník odboje], в 1917–1933 гг. редактор, в 1933–1940 гг. – главный редактор газеты «Народни листы», за участие в антинацистском сопротивлении в 1940–1945 гг. находился в заключении.

Жанен Морис Шарль Тьебо Пьер (Maurice Charles Thiebaut Pierre Janin, 19.10.1862, Париж – 28.04.1946, Сен-Себастьян). С августа 1914 г. командир полка, затем бригады, отличился в битвах на Марне и под Ипром, в апреле 1916 г. возглавил французскую военную миссию в России, летом 1916 г. сотрудничал с М.Р. Штефанником, который должен был доставить военнопленных чехословаков на французский фронт. В августе 1917 г. вернулся во Францию; получил приказ сформировать чехословацкие, сербские и польские воинские части. С декабря 1917 г. командовал чехословацкими частями во Франции, с апреля 1918 г. – всеми чехословацкими войсками; 15.08.1918 г. был назначен командиром чехословацкого легиона в России, с октября 1918 г. стал верховным главнокомандующим союзных войск в Сибири. Здесь занимался координацией военных операций, руководил эвакуацией чехословацкого легиона на родину, заключил договор с советским командованием, которому передал золотой запас и выдал адмирала Колчака [Колчак был выдан иркутским городским властям, так называемому Политцентру, в котором ведущую роль играли эсеры; уже Политцентр выдал Колчака большевикам. – Прим. пер.], за что подвергся критике со стороны политиков Антанты и был отстранен от командования чехословацкими войсками; после 1920 г. занимал различные командные должности во французской армии. Имя Жанена было 09.10.1917 г. присвоено 6-му пехотному Ганацкому полку.

Йеничек Йозеф (Josef Jeníček, 22.11.1887 – 12.05.1956). Актерскую карьеру начинал в бродячих деревенских театрах. В 1915 г. был призван на войну, после вступления в чехословацкий легион в 1919–1920 гг. работал в легионерском театре в

России. Муж известной певицы Национального театра Ады Норденовой. После войны в 1920–1922 г. работал в театре в Острове, затем в 1922–1925 гг. в Пльзене, а с сезона 1926–1927 гг. в составе драматической труппы Национального театра, где оставался до 1 июля 1933 г. В отличие от прошлых лет, в Национальном театре он был занят в более скромных ролях. Будучи неудовлетворен своей творческой реализацией, он окончательно оставил театральную сцену в 1933 г. Наиболее известными ролями, созданными им в Национальном театре, были: Господин Сесиль Грэхэм (Уайльд, «Веер леди Уиндермир», 1927), Философ (братья Чапеки, «Адам-Творец», 1927), Шавличка (Тыл, «Волынщик из Страколиц», 1930) и т. д.

Карел Рудольф (Rudolf Karel, 09.11.1880, Пльзень – 06.03.1945, Терезин). Учился в гимназии в Пльзене, среднюю школу окончил в Праге, где поступил на юридический факультет Карлова университета. В то же время учился в консерватории; среди его учителей были К. Книттл и К. Штекер; Рудольф Карел был последним студентом Антонина Дворжака. Работал учителем музыки в Праге. Перед самой войной Рудольф Карел вместе с женой во время отпуска поехал в Россию на лечение. Когда началась война, он попал в России в разряд врагов и после многих перипетий, зарабатывая на хлеб в основном в качестве учителя игры на рояле, он оказался, аж, в Иркутске. Здесь он работал в органах культуры у большевиков до того момента, когда Иркутск был захвачен легионерами. Тогда он вступил в легион. В Иркутске разошелся с женой. По возвращении в Чехословакию Рудольф Карел еще некоторое время оставался в армии и одновременно как внештатный (с 1927 г. штатный) профессор преподавал в консерватории. Автор симфонической поэмы «Демон», а также «Весенней симфонии» и многих других произведений, в том числе, опер «Смерть крестного отца» (премьера в 1933 г.) и «Сердце Ильзы». Сочинял также квартеты для струнных инструментов, а последнее свое произведение «Нонет» написал перед самой смертью в концлагере Терезин в марте 1945 г.

Копта Йозеф (Josef Kopta, 16.06.1894, Либоховице-на-Орлице – 03.04.1962, Прага). Воевал на русском фронте, в мае 1915 г. попал в плен, с февраля 1916 г. – военнослужащий стрелкового Магистра Яна Гуса полка. Окончил офицерские курсы в Борисполе, с мая 1917 г. – редактор журнала «Чехословак», в марте 1918 г. назначен уполномоченным Отделения ЧСНР в России, отвечающим за печать и информацию. В августе 1918 г. возглавил редакцию журнала «Ческословенски Деник», потом стал секретарем Информационно-просветительского отдела. После возвращения в ЧСР, в 1920–1925 гг. работал секретарем Памятника сопротивления, в 1924–1930 гг. был редактором газеты «Народни освобозени», в 1933–1936 гг. – редактором газеты «Лидовэ новины».

Крейчи Франтишек Вацлав (František Václav Krejčí, почетный доктор, 04.10.1867, Ческа Тршебова – 30.09.1941, Прага). Один из авторов Манифеста чешского модернизма 1895 г.; с 1897 г. – редактор газеты «Право лиду». Литературный критик, драматург, романист, эссеист. Во время войны, хотя и не сразу, присоединился к движению чешского антиавстрийского сопротивления, подписал Манифест чешских писателей, в июле 1918 г. стал членом Национального комитета. После возникновения ЧСР был депутатом Национального Собрания и летом 1919 г. возглавил делегацию к Чехословацкой армии в России.

Кудела Йозеф (Josef Kudela, 1886, Горни Лгота у Опавы – 23.03.1942, Освенцим). В Опаве закончил гимназию, с 1905 г. учился на философском факультете в Праге, где среди его профессоров был и Т.Г. Масарик. В 1910–1915 гг. работал учителем; 1 февраля 1915 г. был призван в австро-венгерскую армию, но долго в ее рядах не продержался, уже в сентябре 1915 г. сдался в плен русским. Сначала был в лагере военнопленных в Сибири (Курган); в сентябре 1916 г. был вызван в Киев Союзом чешских объединений в России. Решительно встал на сторону Т.Г. Масарика, был в оппозиции к монархистскому крылу Союза. В 1917 г. стал членом ОЧСНР, его отдела пропаганды. Сопровождал Масарика во время его визита в Россию, вел хронику

этого визита. С 1 января, когда было решено основать «Чехословенски Деник», Й. Кудела стал его руководителем; позднее возглавил вновь организованный ИОО. После возвращения на родину, майор русского легиона, доктор философии Йозеф Кудела, опираясь на свой опыт и знания, написал несколько работ по истории чехословацкого антиавстрийского сопротивления в России; работал в г. Брно учителем средней школы, затем директором гимназии.

Кундера Людвик (Ludvík Kundera, профессор, доктор философии, 17.08.1891, Брно – 13.05.1971, Брно). Воевал на русском фронте, в марте 1915 г. попал в плен, с августа 1916 г. работал в Клубе сотрудников, в мае 1917 г. стал секретарем комиссии Филиала ЧСНР в России, осенью прикомандирован к штабу Чехословацкого корпуса в России, с декабря 1918 г. работал в Информационно-просветительском отделе. После возвращения в ЧСР – профессор консерватории в Брно, в 1933 г. – государственный инспектор музыкальных училищ, в 1949–1962 гг. – ректор Яначковой Академии музыкальных искусств.

Лангер Франтишек (František Langer, доктор медицины, 03.03.1888, Прага – 02.08.1965, Прага). Воевал на русском фронте, в июне 1916 г. перешел к русским, врач лагеря для военнопленных в Царицыне, с июля 1917 г. – в чехословацких частях, с сентября 1917 г. – главный врач 1-го стрелкового Магистра Яна Гуса полка, в марте 1918 г. – комиссар 1-й стрелковой Гуситской дивизии и уполномоченный Филиала ЧСНР в России, в апреле 1919 г. – начальник медицинской службы 1-й стрелковой дивизии. После возвращения в ЧСР в 1921–1925 гг. – главный врач 1-го артиллерийского полка, в 1925–1931 – 151-го артиллерийского полка, в 1931–1935 г. – гарнизона Большой Праги, в 1938–1939 г. – начальник Пражской воинской больницы. Находясь в рядах вооруженных сил, работал и как литератор, писал статьи в газету «Лидовэ новины», сочинял пьесы, а в 1935–1938 гг. работал драматургом Театра на Виноградах. После немецкой оккупации в июле 1939 г. эмигрировал, подал заявление в Иностраный легион, с августа 1939 г. – начальник медицинской службы при Чехо-

словацком военном управлении в Париже, в 1940–1945 гг. – заведующий медицинским отделом Министерства обороны в изгнании. После освобождения ЧСР в 1946–1948 гг. – начальник военного медицинского консультационного корпуса.

Менгер Вацлав (Václav Menger, 1888–1947). Близкий друг Я. Гашека, написал о нем биографический роман; работал в кабаре «Семерка червей». Летом 1916 г. попал в плен на русском фронте. В Петропавловске основал кабаре «Сибирская четверка». Руководил легионерским театром (в качестве режиссера, актера и автора), а затем и театральной командой Филиала ЧСНР. После возвращения на родину работал, кроме всего прочего, в театре В. Бурриана. Снял несколько десятков фильмов.

Музика Йозеф (Josef Muzika, 1894–1984); учился игре на скрипке. С 1913 г. работал музыкантом в России (в том числе, в Свободной опере в Москве). В октябре 1918 г. стал концертным мастером музыкальной команды ОЧСНР, годом позже начал сотрудничать также и с симфоническим оркестром легиона. После войны был преподавателем игры на скрипке (в том числе, и в Брненской консерватории).

Новотны Карел, согласно сохранившемуся удостоверению (№ 2217, общий № 763, № подтверждения о пребывании в числе легионеров 23 526), выданному 10.07.1919 в Омске, служил в 6-м Ганацком полку в хозяйственной роте, т. е. был одним из так называемых «сачков», как добровольцы называли нестроевых (напр., портного, санитаря, врача, денщика). Карел Новотны (род. 10 октября 1882 г.) добровольно вступил в ряды 6-го Ганацкого полка 14 сентября 1917 г.; после войны стал сотрудником пограничной таможенной службы.

Штепанек Зденек (Zdeněk Štěpánek, 22.09.1896 – 20.06.1968). Театральную карьеру начал в труппе А. Марека. Призыва в австрийскую армию избежал тем, что вступил в нее добровольно, осенью того же года попал в плен на русском фронте. В Киеве выполнял разные работы, был поваром, пекарем, приказчиком в магазине, певцом, заведующим гостиницей и т. п. С 1916 г. – режиссер и актер чехословацкого

земляческого любительского театра. Добровольно вступил в Чешскую Дружину, в 1918 г. стал членом труппы Театра чехословацкой армии в России. После войны играл в Театре на Виноградах и в Национальном театре: Раскольников, Гамлета, Макбета. Был также драматургом, работал

чтецом-декламатором. Снимался и в кино, например, в фильмах «Белая болезнь», «Луна над рекой», в легионерском фильме «Кавалерийский патруль».

Статья поступила 25.04.2016 г.

Article received 25.04.2016 г.

Библиографический список

BOUČEK, Bohuslav, *Prosím, aby zápisník byl odevzdán mé ženě jako pozůstalost*, Praha 1998. (In Czech)

Československý Deník № 245 от 2 декабря 1918; № 249 от 7 декабря 1918. (In Czech)

ČERVINKA, Jaroslav, *Trp, kozáče, budeš atamanem*, Praha 1929. (In Czech)

ČERVINKA, Vincenc (ed.), *Naši na Sibíři: Kapitoly vlastní i cizí*, Praha 1920. (In Czech)

ČISAŘOVSKÁ, Blanka (ed.), Josef Charvát, *Cestou ze Sibíře do vlasti*, Praha 2001. (In Czech)

CTIBOROVÁ, Miroslava (ed.), *Českoslovenští legionáři: Rodáci a občané okresu České Budějovice*, České Budějovice 2000. (In Czech)

DUFKA, Josef, *Přál jsem si mít křídla: Vzpomínky hluckého legionáře z let 1919–1920*, Velehrad 2002. (In Czech)

FIBICH, Karel, *Povstalci III: Povolžská fronta; Povstalci IV: Bajkal – Vladivostok; Povstalci V: Vladivostok – ČSR*, Praha 1938.

FIC, Victor Miroslav, *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918, I. díl, Vznik československých legií v Rusku 1914–1918, Ruská otázka a boj za svobodný stát*, Praha 2006; *II. díl, Bolševici a československé legie, Počátek jejich ozbrojeného konfliktu, Březen – květen 1918*, Brno 2007. (In Czech)

FINK, Pavel, *Voják sedmé velmoci*, Brno 1945. (In Czech)

GAJDA, Radola, *Moje paměti*, Praha 1920. (In Czech)

GALANDAUER, Jan, *02.07.1917, Bitva u Zborova, Česká legenda*, Praha 2002. (In Czech)

GALANDAUER, J. a kol. (edd.), *Slovník prvního československého odboje 1914–1918*, Praha 1993. (In Czech)

JANIN, Maurice, *Moje účast na československém boji za svobodu*, Praha 1923. (In Czech)

JURMAN, O. (ed.), *Legionářská odysea: Deník Františka Prudila z ruské fronty*, Praha 1990. (In Czech)

K vítězné svobodě, 1914–1918–1928, Praha 1928. (In Czech)

KLIMEK, Antonín, *Velké dějiny zemí Koruny české, sv. XIII., 1918–1929*, Praha 2000. (In Czech)

KLIMENT, Josef, *Zápisky legionářovy: Ze života a bojů na Rusi ve světové válce v letech 1914 – 1919*, Středokluky 2005. (In Czech)

KOPTA, J., *Třetí rota na magistrále*, Praha 1931. (In Czech)

KOPTA, Josef, *Třetí rota*, Praha 1947. (In Czech)

KOVTUN, Jiří, *Masarykův triumf*, Praha 1991. (In Czech)

KRATOCHVÍL, Jaroslav, *Cesta revoluce*, Praha 1928. (In Czech)

KREJČOVÁ, Jana (ed.), *Českoslovenští legionáři: Rodáci a občané okresu Prachatice*, Prachatice 2000. (In Czech)

KREJČÍ, František Václav, *U sibiřské armády*, Praha 1922. (In Czech)

KUDELA, Josef (ed.), *Deník plukovníka Švece*, Praha 1923. (In Czech)

LANGER, F. (ed.), *Pamětní kniha 1. střeleckého pluku Jana Husi*, Praha 1920. (In Czech)

LANGER, František, *Pes 2. roty*, Praha 1923. (In Czech)

nebo Návrat československých legií kolem světa, Praha 1921. (In Czech)

NĚMEC, Matěj, *Návraty ke svobodě*, Praha 1994. (In Czech)

OLEJNÍK, Jan (ed.), *Českoslovenští legionáři: Rodáci a občané okresu Strakonice*, Strakonice 2000. (In Czech)

- PICHLÍK, Karel, *Bez legend*, Praha 1968 a 1990. (In Czech)
- PICHLÍK, K. – KLÍPA, Bohumír – ZABLOUDILOVÁ, Jitka, *Českoslovenští legionáři (1914–1920)*, Praha 1996. (In Czech)
- PSÍKOVÁ, Jiřina (ed.), *Českoslovenští legionáři: Rodáci a občané okresu Jindřichův Hradec*, Jindřichův Hradec 2001. (In Czech)
- RAŠE, Rudolf, *Na cestu domů: Několik rad a pokynů evakuovaným*, Irkutsk 1919. (In Czech)
- SAK, Robert, *Anabáze, Drama československých legionářů v Rusku (1914–1920)*, Jinočany 1996. (In Czech)
- ŠEDIVÝ, Ivan, *Češi, české země a Velká válka*, Praha 2001. (In Czech)
- ŠTEIDLER, František, *Naše vystoupení v Rusku v r. 1918*, Praha 1923. (In Czech)
- ŠTEIDLER, František, *Československé hnutí na Rusi: Informační přehled*, Praha 1921. (In Czech)
- SVOBODA, Karel, *S vichřicí do dvou světadílům: Dokumentární historie ruského legionáře*, Vyškov 1931. (In Czech)
- VÁCHA, Dalibor, *S legiemi kolem světa, Evakuace ruských legií po moři z Vladivostoku do vlasti*, in: Jihočeský sborník historický 75, 2006, s. 151–162. (In Czech)
- VALENTA – ALFA, Václav, *Do legie, Povídky o našich na Sibiři*, Praha 1924. (In Czech)
- VANĚK, Otakar – HOLEČEK, Vojtěch – MEDEK, Rudolf (edd.), *Za Svobodu I: Česká Družina 1914–1916, Československá brigáda, 1916–1917*, Praha 1925; *Za Svobodu II: Pod vedením prof. T. G. Masaryka, Československý armádní sbor, 1917–1918*, Praha 1926; *Za Svobodu III: Anabase, 1918–1920*, Praha 1926; *Za Svobodu IV: Od Volhy na Urál, Magistrála, Návrat do vlasti 1918–1920*, Praha 1929. (In Czech)
- VLASÁK, Rudolf, *Vojáci republiky II*, Praha 1934. (In Czech)
- VOLF, Jiří, *Medvědi pana prezidenta*, см. в: Res Musei Pragensis, Měsíčník Muzea hlavního města Prahy 10, 2000, s. 13–17. (In Czech)
- VONDRÁČEK, František, *Husité dvacátého století, Deník ruského legionáře*, Praha 1922. (In Czech)
- WARD, John, *With The Die – Hard in Siberia*, б. г. (In Czech)
- ZEMAN, Adolf, *Osvoboditelé*, Praha 1931. (In Czech)
- ZEMAN, Adolf, *Československá odyssea: Dojmy čsl. novináře-dobrovolce z cesty na lodi, Prezident Grant' z Vladivostoku do vlasti, Tichý oceán, květen – červen 1920*, Praha 1920. (In Czech)

Сведения об авторе

Далибор Ваха, доктор наук, писатель, независимый исследователь, Чехия, 370 04 Чешске-Будеёвице, улица «U Trojice» (У Троицы), дом 2661/1c, e-mail: vacha@szscb.cz

Dalibor Vacha, PhD, writer, independent researcher, Adress: U Trojice 2661/1c, 370 04 Ceske Budejovice, Czech Republic, e-mail: vacha@szscb.cz

УДК 94 (47). 084. 1. 2. 3. 5

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-119-134

САМОГОНОВАРЕНИЕ, ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ И БОРЬБА С НИМИ В ЕНИСЕЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1917–1930 гг.) (ЧАСТЬ 1)

© А.П. Шекшеев

В данной публикации автор, освещая на материалах енисейской деревни такие социальные явления как самогонование и потребление алкоголя крестьянством, красными партизанами и коммунистами, показывает возникшие на этой почве отношения между селом и властью, пытается выявить их влияние на социально-политические события.

Ключевые слова: алкоголь, беспорядки, деревня, казенная водка, кампании, коммунисты, крестьяне, месячники, милиция, облавы, партизаны, пьянство, революция, самогонование, Советская власть, судебная ответственность, трезвость, штрафы.

Формат цитирования: Шекшеев А.П. Самогонование, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.): Ч. 1 // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 119–134. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-119-134

MOONSHINE, ALCOHOL CONSUMPTION AND FIGHTING THEM IN THE YENISEI VILLAGE (1917–1930) (PART 1)

© А.Р. Sheksheev

In this publication the author, lighting on materials of the Yenisei village is a social phenomenon as moonshine and alcohol consumption by the peasants, red partisans and Communists, the shows emerged on the basis of the relationship between the village and the government, is trying to identify its impact on the socio-political events.

Keywords: alcohol, disorder, country, state-owned vodka campaign, the Communists, the peasants, months, police, raids, the guerrillas, alcoholism, revolution, moonshine, the Soviet government, judicial responsibility, sobriety, fines

Citation format: Sheksheev A.P. Moonshine, Alcohol Consumption and Fighting Them in the Yenisei Village (1917–1930). Part 1. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. Pp. 119–134. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-119-134

Заметной тенденцией в отечественной историографии стало изучение повседневной, обыденной жизни общества и рост внимания историков к «маленькому» человеку. Как известно, составной частью человеческой обыденности является потребление горячительных напитков. Издавна связь племён и народов с веселием составляла немаловажную черту их национально-исторической характеристики. Тема спиртных возлияний российским обществом в 1917–1920-е гг., его отношений на этой

почве с государством успешно освещалась в трудах историков (Литвак, 1992. С. 74–88; Павлюченков, 1997. С. 124–142; Павлюченков // Родина. 1997. С. 23–27; Звягин, 2000, С. 112–115; Валиев, 2001. С. 185; Рынков, 2002. С. 50–52; Луков, 2003. С. 79–83; Кузнецов, 2005. С. 260; Шекшеев, 2006. С. 26–30; Кузнецов, 2015. С. 340–342).

Более того, высказано мнение, что переизбыток народных эмоций, возникший при опрометчивом введении в 1914 г. «сухого» закона, в конечном итоге воплотился

в февральскую революцию (Павлюченков, 1997. С. 124).

Воцарившееся в стране на обломках российской империи Временное правительство, намереваясь продолжать германскую войну до «победного конца», законом от 27 марта 1917 г. запретило продажу населению спиртных напитков «для питьевого потребления». Между тем в сибирской глубинке крестьяне издавна пользовались самогоном, выгонка которого процветала.

По свидетельству одного из видных эсеров Е.Е. Колосова, до революции в Енисейской губернии в год на эти цели уходило до трёх миллионов пудов хлеба. Начальник губернского жандармского управления полковник Байков в обзоре за 1915 г. отмечал, что развитие винокурения приняло в некоторых уездах «чудовищные размеры». В пьянстве участвовали все, от семилетних детей до дряхлых стариков, а сбыт самогона в городах достиг «огромных» размеров.

Следствием этого явления были людские трагедии, о которых постоянно сообщала пресса. Так, 20 декабря того же года в Канском уезде, будучи в поездке, из-за злоупотребления спиртными напитками скончались крестьянский начальник с женой. 11 июня 1916 г. в одной из деревень Кужебарской волости Минусинского уезда имел место случай, когда полицейский урядник, обнаруживший самогонный аппарат в крестьянской избе, был убит её хозяином. Скрывшийся самогонщик после того как общество не приняло его сторону, был вынужден сдаться властям. Через месяц на енисейском острове у Калягинского парома были арестованы хозяева целой винокурни. Осенью того же года власти выявили очаг поставок самогона новоселовским жителям: ими оказались крестьяне таежных деревень Комской волости. С выездом на место представителей акцизного ведомства и полицейских изъятыми аппаратами были завалены все сараи и амбары. Однако население продолжало пить самогонку. На почве пьянства в Михайлов день вспыхнуло побоище комарковской молодежи, которая использовала при этом стяги и камни (Труд. 1916. 21 июня, 15 июля, 21 октября, 12 ноября; Колосов, 1923, С. 29; Красноярский рабочий. 2003. 31 декабря).

Совершившаяся революция оказала такое сильное влияние на сознание енисейских крестьян, что некоторая их часть отказалась от выпивки и начала бороться с самогонщиками. К примеру, с известием о событиях в Петрограде крестьяне таежного поселка Плахино Абанской волости Канского уезда создали самостоятельное сельское общество, избрали комитет, переименовали селение в честь А.Ф. Керенского и привели в негодность самогонные аппараты, а вырученные деньги от продажи металлических остатков передали на общественные нужды. Жители д. Ново-Курской разгромили винокурные заводы (Голос народа. 1917. 27 апреля, 4 мая). В мае жители с. Большая Уря Канского уезда, чтобы «устыдить» самогонщиков, провели двоих из них, обвешанных частями аппарата, под барабанный бой по селению. Такое наказание оказало на самогонщиков столь большое впечатление, что они прекратили свои занятия, а в дальнейшем из-за угрозы самосуда явились без конвоя в милицию, где и были задержаны. В начале июля крестьянский комитет с одобрения схода Троицко-Заозёрновской волости Канского уезда конфисковал две лошади, упряжь и тарантас торговца самогонкой – канского мещанина Чугрина – и не уступил требованиям судебных властей возратить изъятое (Бугаев, 1993. Ч. 1. С. 64; Октябрь в Сибири, 1987. С. 107).

Вместе с тем свободы, дарованные революцией, способствовали всплеску самогонварения и его распространению в новых местностях. Так, если ранее в с. Сухобузимо Красноярского уезда жители пользовались привозной самогонкой, то с мая 1917 г. здесь нашлись собственные «специалисты», наладившие её выгонку. Объяснялось винокурение экономической выгодой: каждый пуд хлеба при перегонке на самогон позволял крестьянину получить 30 рублей прибыли. Но последствия выгонки для определённой части деревенского населения порой оказывались негативными. Например, в д. Отрадной Большемуртинской волости того же уезда самогонку гнали три завода, хозяева которых для этой цели скупили весь хлеб. Следствием этого явились пьяное «буйство народа» и отсут-

ствие хлеба у бедноты (Бугаев, 1993. Ч. 1. С. 164–165).

Поэтому с уничтожением органов прежней администрации борьба с самогонварением перешла в руки революционной власти. Ещё 12 марта 1917 г. в Минусинске была создана специальная комиссия по борьбе с винокурением во главе с начальником уездной милиции, которая разработала проект постановления о запрещении в Минусинском уезде приготовления, хранения и приобретения спиртных напитков. В Ачинском уезде активно занимались ликвидацией этого явления некоторые КОБы. К примеру, уже на 21 марта 1917 г. Даурский волостной комитет уничтожил в д. Александровке – 20 и в д. Смоленке – два самогонных аппарата (Голос народа. 1917. 21 апреля).

Кое-где властям сопутствовал успех и в дальнейшем. Так, 2 августа 1917 г. в результате облавы в с. Верхний Суэтук Минусинского уезда были разбиты 22 самогонных завода. Аппараты, принадлежавшие обществу, в сентябре обнаружили в некоторых волостях Канского уезда. Пинчугский волостной совет (Енисейский уезд) за бездействие и сокрытие сельским обществом винокуров постановил применить к нему и пьяным гражданам штрафные санкции (Крестьянское движение, 1927. С. 318; Николаев, 1967. С. 108). Однако уже в сентябре того же года властям стало известно, что население Минусинского уезда помогать в борьбе с винокурением отказалось. В результате выгонка самогона в сельской местности даже возросла.

Настоящая борьба с самогонварением началась лишь с появлением у советов вооружённой силы. Только 16 декабря 1917 г. Красноярский совет создал комиссию, которая разработала план использования в антисамогонных целях формирующейся Красной гвардии и милиции. Губернский исполком, констатировав в своём обязательном постановлении от 13 января 1918 г., что «самогонка одолела деревню», направил для борьбы с нею в сельскую местность красногвардейские и «летучие» отряды (Николаев, 1967. С. 108; Бугаев, 1993. Ч. 1. С. 165).

Рейды их по деревням Красноярского уезда заканчивались не только разгромом самогонных производств, но и пополнением бюджета советских органов. Отряд Гончарова сжёг обнаруженный у с. Мовчинское Вознесенской волости самогонный завод, а сход, действовавший по его указке, продал с торгов имущество его хозяина и вырученные деньги передал совету в фонд Красной гвардии. Этот же отряд в д. Жерновка Шалинской волости уничтожил три аппарата, триста ведер браги и тринадцать – самогонки. В д. Большой Балчуг на сходе, созванном «летучим» отрядом, было решено взыскать с самогонщиков 8,3 тыс. рублей штрафов. Местный совет и отряд оштрафовали крестьян д. Хлопуново на сумму в 12,4 тыс. рублей. В середине марта 1918 г. в Красноярский уездный исполком от красногвардейских дружин Покровской и Шерчкульской волостей, которые вели активную борьбу с самогонварением, поступили 3 тыс. рублей, изъятых в качестве штрафов. К 27 марта крестьянский совет Заледеевской волости передал ему 260 тыс. рублей, взысканных с самогонщиков (Бугаев, 1993. Ч. 1. С. 165–174; Октябрь в Сибири, 1987. С. 268, 276).

Еще одной мерой, предпринятой Советской властью в условиях денежного дефицита и должной способствовать сокращению самогонварения, могла стать открытая продажа накопленных запасов казенной водки. На трех заводах Минусинского уезда скопилось 75 тыс. ведер спирта или 178 – водки, торговля которой обещала выручку в 15 млн рублей. Продовольственный отдел совдепа разработал проект о продаже винного спирта и представил его на утверждение пленума. Но минусинских большевиков в этом вопросе обогнал Ачинский совдеп, который всю торговал водкой (Знамя труда. 1918. 25 марта).

Иногда крестьянство пыталось бороться с самогонварением собственными силами. Например, крестьяне д. Данилово Пинчугской волости с целью помочь голодающему населению избрали своеобразную меру: они постановили сохранить собственные хлебные запасы и для этого не пить, обнаруженное вино уничтожать, а самогонщиков штрафовать в пользу общества.

Минусинский крестьянский съезд решил карать лиц, занимавшихся выгонкой, штрафами, принудительными работами и заключением в тюрьму, общества же, не желавшие бороться с этим занятием, привлекать к судебной ответственности.

В борьбе с винокурением её организаторы прибегали к помощи женщин, страдавших от пьянства мужей, предоставляли самогонщикам трёхдневный срок для добровольной сдачи аппаратов. Но такие меры в отдалённых от губернского центра селениях не были эффективными. Минусинский уездный исполком, признав невозможность борьбы с самогонварением путём выпуска листовок и воззваний, указал своему военному отделу создать и направить в волости «летучий» отряд. Лишь с организацией совета, Красной гвардии и народного суда спала волна пьянства и преступности в Ужуре. В Заледеевской волости для борьбы с пьянством по деревням началось создание отрядов Красной гвардии.

Но часто деятельность отрядов в деревнях вызывала недовольство крестьян. Она принимала карательную окраску и заканчивалась сомнительным результатом. Так, в одной из деревень Сухобузимской волости представители власти при изъятии шести обнаруженных аппаратов встретили вооружённое сопротивление жителей. Вызванный из Красноярска отряд Красной гвардии заставил крестьян разбежаться и обложил волость контрибуцией в 13 тыс. рублей. В деревнях Больше-Муртинской волости Красноярского уезда самогонку гнали всем обществом, в открытую, по постановлениям сходо́в. Прибывшие из Красноярска красногвардейцы, не решившись вступить в борьбу с вооружённым и грозившим расправиться населением, ретировались. Действовавший здесь в начале мая 1918 г. и разгромивший множество общественных и индивидуальных заводов, кавалерийский отряд, изъяв у крестьян штрафы на сумму в 7 тыс. рублей, намеревался вернуться в губернский центр. Ночью толпа в 500–600 крестьян, съехавшихся на пасхальную заутреню, подступила к бойцам, желая проучить их за уничтоженную самогонку. С трудом, лишь пригрозив применением бомб, отряд отступил, но затем, дождав-

шись отъезда крестьян, осуществил налёт на село, где им были разбиты заводы и оштрафованы жители. Но и этому отряду, как признавался его начальник, «также не пришлось заглянуть в царство самогонки». В Енисейском уезде такой же командир был вынужден констатировать: «За последнее время деревня превратилась в сплошные самогонные заводы. Самогонку гонят почти открыто, а некоторые селения дошли до того, что составляют приговоры для беспрепятственной выгонки самогонки».

Отряды по борьбе с самогонварением прошли все сёла и деревни Канского уезда. Но, по мнению председателя уездного совета Н.И. Коростелёва, их рейды, как и меры нравственного воздействия, не дали положительных результатов: самогонварение стало распространяться ещё сильнее. В с. Малокамалинское, где милиция приступила к обнаружению и уничтожению аппаратов и аресту самогонщиков, они ударили в набат. Собравшееся население всё же позволило милиционерам разбить 30 аппаратов, разлить самогонку и задержать девять её производителей, но просило их простить. В Минусинском уезде цена на хлеб в мае 1918 г. значительно выросла, что заставило уездный исполком принять решение об изъятии хлеба у самогонщиков в счёт штрафных санкций (Красноярский рабочий. 1918. 28 мая).

Следовательно, борьба, затеянная Советской властью с крестьянским винокурением, к моменту её падения была далека от победного завершения. А кое-где самогонварение даже выросло и стало крайне расточительным. К примеру, со времени запрета продажи «казенки» в д. Верхняя и Нижняя Буланка Минусинского уезда крестьяне перевели на выгонку самогона не менее 1 млн пудов хлеба. Пьянство, случилось, заканчивалось смертью участников: в мае 1918 г. в с. Тигрицком находившийся в гостях и подвыпивший крестьянин Ф. Емельянов хозяевами был избит до смерти (Труд. 1918. 19, 23 июля).

Противоречивым было отношение к потреблению спиртного населением у антибольшевистской власти. Западно-Сибирский комиссариат не решился отменить запрет на продажу спиртных напит-

ков. Но Временное Сибирское правительство, решив таким путём пополнить казну и привлечь население к уплате налогов, 10 мая 1918 г. разрешило возобновить продажу казённой водки. Местные же власти, установив систему дозированного потребления спиртного, превратили его покупку в сущие муки для населения. На селе, по справедливому замечанию одного из исследователей, лишь сход мог решить вопрос: «пить или не пить» казённую. В случае положительного решения требовалось собрать деньги, посуду и снарядить в город гонца (Рынков, 2002. С. 50).

Неудивительно, что крестьяне предпочитали более простые варианты решения этого вопроса. Например, со свержением власти большевиков самогонварение увеличилось в с. Батени Минусинского уезда: если ранее самогонку гнали только бывший уголовник и председатель местного совдепа, то теперь крестьяне, решив, что новые власти преследовать за винокурение не будут, этим стали заниматься в каждом дворе. В результате во время съездного праздника в д. Большая и Малая Иня, в с. Шалаболино

пьяные наблюдались не только среди взрослых, но и детей. В селениях Кочергинской и Имисской волостей самогон продавался среди белого дня на улице, и крестьяне пили его даже в будни (Труд. 1918. 17, 19 июля).

Отношение крестьян и местного самоуправления в лице сельских сходов к самогонварению было «сложным». Против него часто выступали женщины и старики, порой соседи под влиянием стремления свести личные счёты или получить денежное вознаграждение выдавали властям любителей горячительного, а сходы нередко голосовали за прекращение покупки спиртного и запрет перегонки зерна. Так, в д. Быстрой Минусинского уезда по инициативе председателя комитета Брюханова население решило запретить курение самогона, а его производителей принудительно выселять (Труд. 1918. 14 августа).

Но в реальной жизни значительная часть крестьян, также поддерживаемая сходами, считала самогонварение делом вполне возможным и в некоторых случаях даже конфликтовала с властью, доходя до

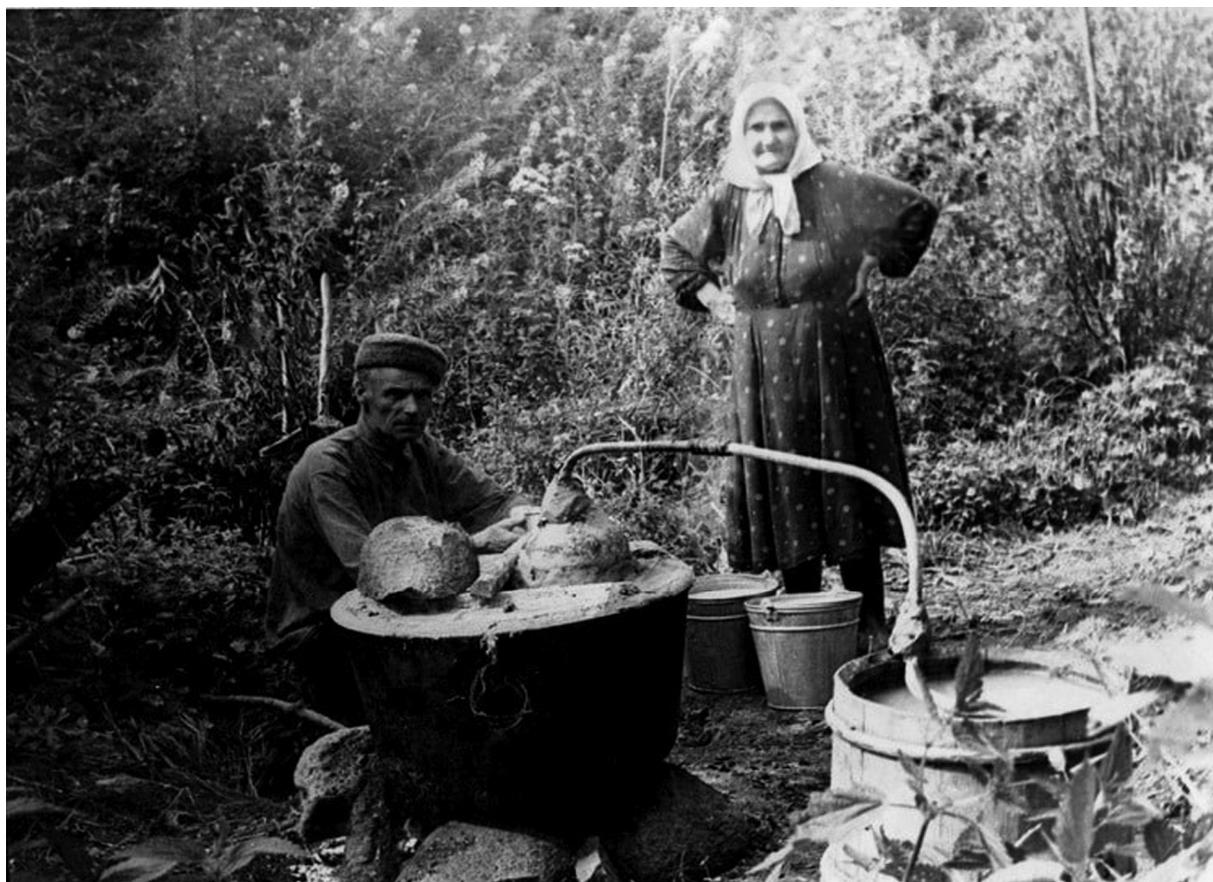

Рис. 1. Семейный самогонный завод
Fig. 1. Family moonshine factory

убийства её представителей. Например, в Канском уезде ещё летом 1918 г. тасеевские самогонщики под видом политической акции расправились с досаждавшими им судьёй Ф.Н. Халчевским и большевиком В.А. Двоглазовым (Яковенко, 1988, С. 33, 35). 18 июля милиция вблизи г. Минусинска задержала двух крестьян, доставлявших самогон его жителям. Самогонщики начали отстреливаться и сдались только после рукопашной. После того как милиция в д. Верхнебродовой Красноярского уезда арестовала шайку подобных же лиц во главе с уголовником Саломатовым, державшим в страхе окрестные деревни, к катажной камере собрались их товарищи, потребовавшие освобождения задержанных. Но сторож вызвал милицию, которая разогнала самогонщиков (Труд. 1918. 15, 17 августа).

Случалось, что самогонование приводило к крупным трагедиям. По одной из версий, от установки самогонного завода в августе 1918 г. выгорело более чем наполовину с. Белоярское, трое обвиняемых в поджоге были забиты до смерти, а еще двое – спаслись бегством (Труд. 1918. 21 августа).

Беспробудным пьянством и хулиганством деревня отметила призыв родившихся в 1898–1899 годах в Сибирскую армию. В селениях под Красноярском – в Базаихе и Торгашино – трехдневное гулянье сопровождалось драками и битьем стекол. В той же «трезвой» д. Быстрой в ночь на 22 сентября крестьяне Т. Комжин и Ф. Филиппов напились так, что затеяли драку со смертельным исходом для одного из них (Воля Сибири. 1918. 27 августа; Труд. 1918. 29 сентября).

Возросшие масштабы самогонования вызвали ответные репрессии властей. Командированный в августе 1918 г. на рудники «Улень» и «Юлия» отряд обнаружил и уничтожил самогонные заводы в улусе Усть-Биджа и у ст. Сон. Но самым крупным производством оказался завод у одного из местных озер. При его ликвидации были вылиты до 100 ведер браги (Труд. 1918. 22 августа). На 26 октября отряд начальника уездной милиции Р.И. Зефирова, совершавший рейд по Минусинскому уезду

с целью выявления дезертиров и изъятия налогов, в с. Верхний Суэтук Ермаковской волости уничтожил 48 самогонных аппаратов, 99 ларей вместимостью на 13 тыс. ведер. С приближением его самогонщики разбежались. Действуя по уезду, милиция за сентябрь 1918 г. задержала 139 и за октябрь – 59 пьяных (Труд. 1918. 26 октября).

Однако имели место случаи, когда действия милиции заканчивались для неё плачевно. К примеру, 5 ноября крестьяне одной из деревень Устьянской волости Канского уезда избили и разоружили милиционера А.Тупицына, обнаружившего и оформлявшего документы к изъятию самогонного аппарата (Звягин, 2000. С. 112). Вопреки утверждениям советской историографии о политической обусловленности Минусинского крестьянского восстания, оно началось с инцидента в с. Дубенское Тигрицкой волости, в основе которого лежало, по свидетельству некоторых авторов (Эльцин, 1926. С. 26; Рынков, 2002, С. 52), крестьянское возмущение уничтожением властями общественного винокуренного завода.

Буквально воинскую операцию пришлось проводить милиционерам 18 ноября при обнаружении большого самогонного завода за д. Кузнецово Вознесенской волости. Обнаружив их приближение, часовой начал стрелять. В перестрелке пятеро самогонщиков были убиты, а на месте обнаружили 520 ведер браги, котел на 50 ведер, пять мешков муки, лошади и две винтовки (Свободная Сибирь. 1918. 13 декабря).

Для борьбы с большевиками белым необходимы были денежные средства, поэтому Совет Министров 28 декабря 1918 г. принял проект постановления об отмене «сухого» закона, а 10 января 1919 г. он был утверждён Верховным правителем. Восстановление государственной винной монополии способствовало росту доходов Российского правительства А.В. Колчака. Но «казёнка» вследствие неудовлетворительной организации её продажи стала предметом спекуляции. К примеру, в Минусинске свободную продажу водки вводили медленно. Зато охотников получить её по карточкам было много: 20 декабря хвост жаждущих

тянулся от казенного винного склада чуть ли не до базара. Одновременно в городе появилась и самогонка (Труд. 1919. 4 января).

К тому же введение монополии не способствовало прекращению деревенского самогонварения. На селе предпочитали пить «горькую» собственного приготовления, т. к. себестоимость первача в шесть раз была ниже казённой водки. Из-за дороговизны «казёнки» цена самогона стала повышаться, а подпольная торговля им процветать. По деревням без конца ходили «спиртоносы», скупавшие самогонку и затем перепродававшие её городскому и рудничному населению.

Очевидец отмечал, что «свободы разложили деревню; в особенности новоселов. Взаимная вражда, ненависть, самогонка, огрубение – общее явление. До революции все жили как люди, теперь одни другому хуже зверя». В д. Каменка поселившиеся полтавчане жили зажиточно, т. к. поголовно занимались самогонварением. Хлебом, что переводили в Ярульской волости Канского уезда за зиму на самогон, можно было, согласно его наблюдению, год кормить население всего уезда. Мужики, потехи ради, поили самогоном не только подростков, но и грудничков. Все самогонщики, по мнению этого автора, являлись «большевиками», ожидавшими своего «правительства» (Свободная Сибирь. 1919. 12 января).

Однако выгонка самогона требовала денежных вливаний и зерновых затрат, которые в условиях Гражданской войны выросли ещё больше. Только в одной Кежемской волости Енисейского уезда с осени 1918 г. и до февраля 1919 г. действовали 50 самогонных аппаратов, переработавших около 500 пудов зерна, что повлекло за собой повышение цен на хлеб (Звягин, 2000. С. 113). Самогонварение не только сократило поступления в казну от продажи казённой водки, составлявшие основную часть бюджета Белой Сибири, но и привело к росту спроса на зерно и дополнительным трудностям при хлебозаготовках.

Существовавшие ранее мнения авторов о будто бы имевшем место поощрении белыми властями, меньшевиками и эсерами крестьянского самогонварения не под-

тверждаются фактическим материалом. Напротив, после восстановления винной монополии власти усилили преследование за тайное винокурение. В ситуации, когда в казне отсутствовали денежные средства, необходимые для содержания армии и установления правопорядка, енисейские крестьяне, получив осенью 1918 г. обильный урожай, пустили хлебный запас на выгонку самогона. Поэтому губернский комиссар 28 декабря 1918 г., напомнив уездным земским управам, комиссарам и начальникам милиции о том, что для воздействия на население имеются воинские силы, предложил им провести собрание земцев для выработки мер по борьбе с самогонварением и изысканию денежных повинностей (ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 8. Л. 41).

Обычным явлением стали совместные рейды по деревням милиции и казаков, которые подвергали виновных или заподозренных в производстве и продаже самогона порке. Самогонщиков карали и отряды правительственных войск, действовавшие при подавлении крестьянского повстанчества. Например, отряд Беляковича 28 февраля 1919 г. вошёл в Тайшет, где за обнаруженную самогонку подверг порке женщину, а также лиц, появившихся на улице в пьяном виде (Партизанское движение, 1925. С. 200).

Естественно, что уличённые в изготовлении и потреблении запретного зелья после расправы находили прибежище в партизанских отрядах. Согласно утверждению одного из историков (Рынков, 2002. С. 52), уничтожение белыми самогонных аппаратов и запасов изготовленного спиртного вызывало куда более негативную реакцию крестьян, чем взимание налогов, штрафов и обвинение в политической неблагонадёжности, и помогло большевикам в борьбе за власть в колчаковском тылу.

Непременным спутником антиправительственной деятельности крестьянских повстанцев являлось пьянство. Вспоминая о причинах трёхдневной задержки весеннего 1919 г. партизанского наступления, бывший председатель Объединённого совета Степно-Баджейского партизанского района П.П. Петров рассказывал о «кияйской свадьбе», попойке, организованной

штабными для главкома и вызванной с фронта «мадам» (ГАКК. Ф. 42. Оп. 5. Д. 531. Л. 27–28). Но и сами перовские партизаны не были трезвенниками: выбив белых из д. Новониколаевки Канского уезда, они тут же начали отмечать это событие выпивкой (Петров, 1935. С. 144).

В условиях тяжёлого перехода в Минусинский уезд партизаны были вынуждены отказаться от потребления спиртного. По распоряжению председателя Армейского совета С.К. Сургуладзе двигавшиеся в авангарде бойцы Тальского полка громили в сёлах винные лавки. Но с занятием станции Каратуз манские и североачинские партизаны все же перепились и начали грабёж оставленного казаками имущества. Командование было вынуждено перевести мародёрствовавшие части на постой в с. Моторское. По одной из версий, разгульное поведение партизан в Каратузе заставило их вождей отказаться от немедленного наступления на Минусинск.

Пьянству партизаны предавались и находясь в с. Курагино и Имис. В первый же день пребывания они уничтожили винные запасы «монополек», а затем начали мародёрствовать и расстреливать лиц, заподозренных в симпатиях к белым (ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 641. Л. 30; Рогозин, 1926. С. 122; Годы огневые, 1962. С. 192; Попов, 1974. С. 110).

Действовавшая в окрестностях с. Перово Канского уезда «банда» партизан во главе с Н. Скавидо, заняв в ноябре 1919 г. этот населённый пункт, отметила событие «ужасным» пьянством и ночной стрельбой (Соха и молот. 1919. 23 ноября).

Порой неумеренное потребление горячительного имело для партизан отрицательные последствия или заканчивалось трагически. Несмотря на то, что штаб Северо-Канского фронта в конце марта 1919 г. был вынужден отдать приказ о полном прекращении под страхом смерти самогонования, пьянство продолжало процветать в Апанском отряде. По этой причине его члены во время майского 1919 г. наступления белых растеряли друг друга, а кавалеристы оторвались от пехоты. Командование итальянцев, отряд которых в начале июня 1919 г. занял с. Кияй, свою лёгкую победу

объясняло тем, что «большевики были поголовно пьяны». Из-за потребления спиртного и внутренних распрей распался отряд, организованный в д. Тисуль Ачинского уезда (ГАНУ. Ф. 5а. Оп. 1. Д. 297. Л. 47ж; Партизанское движение, 1925. С. 178; Яковенко, 1988. С. 36, 139). Манский полк, будучи в с. Ермаковское Минусинского уезда, подвергся внезапному нападению бологовцев, а часть партизан во главе с П.Е. Щетинкиным оказалась отрезанной от своих основных сил потому, что, согласно одной из версий, его командир Ф.Г. Боган устроил гулянку и не выполнил приказ о выступлении (Замураев, 1970, С. 165; Попов, 1974. С. 116). В конце 1919 г. находившийся на пасеке отряд Лубкова перепился и проспал нападение белых (ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 692. Л. 33).

Случалось, что алкоголь облегчал крестьянам принятие решений о начале антиправительственного выступления. Посетивший восставшую Мокрушинскую волость (Канский уезд) В.Г. Яковенко потом писал об анархии, царившей здесь, так: «В каждой деревне по улицам таскаются вооружённые дробовиками пьяные, все шумят» (Яковенко, 1988. С. 55). В подпитии принимались партизанскими вожаками и судьбоносные решения. Состоявшийся после победы повстанцев в Белоцарском бою V Армейский съезд, выслушав мнения Кравченко и Щетинкина, не смог решить вопрос о направлении будущего похода. Но на второй день (20 августа 1919 г.), согласно воспоминаниям участников, перед ними «в обнимку и навеселе» предстали оба вождя и заявили, что армия пойдёт на Минусинск (ГАНУ. Ф. 5а. Оп. 6. Д. 270 а. Л. 89).

Первыми вошедшие в город кавалеристы Тальского полка, которым сообщили об якобы отравленном спирте, подвергли винный склад разгрому. Но пьянство партизан в Минусинске, где белыми были оставлены огромные запасы спиртного, произведённого местными заводами, достигло гомерических размеров. С целью прекратить начавшуюся вакханалию партизанское командование выпустило воззвание, в котором пыталось устыдить страстных любителей горячительного: «Взгляните, что кругом происходит! Толпы пьяных товарищей солдат

осаждают винный склад, требуя водки, и только одной водки, забывая свой священный долг как борца за свободу и счастье трудового народа, которому он принадлежит...». Пытаясь навести порядок в потреблении алкоголя, Армейский совет и Главный штаб 21 сентября 1919 г. разрешили выдачу спиртных напитков по бутылке на четверых партизан в сутки (Бугаев, 1993. Ч. 1. С. 234; ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 642. Л. 123). Одновременно, по свидетельству одного из бывших партизан, командование решило принимать самые строгие меры к нарушителям дисциплины якобы вплоть до расстрела на месте (Попов, 1974. С. 168).

Вероятно, эта норма отпуска спиртного партизанам не всегда соблюдалась. Сами участники вспоминали, что им выдавали и по 0,5 литра водки на двоих и даже по бутылке спирта на одного человека в сутки (ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 717. Л. 9; Рогозин, 1926, с. 198). Поэтому беспорядки, творимые партизанами на почве пьянства, выросли до таких масштабов, что 28 сентября бойцы 1-го Канского полка, несшие караульную службу в городе, пригрозили, что они прекратят патрулирование улиц, и постановили опечатать винный склад, поставить у него караул, прекратить выдачу вина «солдатам», а в дальнейшем уничтожить в Минусинске и его окрестностях все спиртные напитки (Соха и молот. 1919. 30 сентября).

Однако отношение командования к проблеме пьянства партизан не было простым и однозначным. Так, если 4 октября 1919 г. Армейский совет, Главный штаб, командиры частей и представители полковых советов постановили выдачу водки прекратить, склад опечатать и спирт отпускать лишь по просьбе врачей, то 8 октября они же решили провести учёт спиртных напитков на складах и выдавать их «солдатам» по ранее установленной норме и требованиям, подписанным комсоставами частей (Соха и молот. 1919. 7, 11 октября).

Естественно, что пьянство и безобразия партизан не прекращались. Так, в ночь на 20 октября на квартиру в Минусинске явился пьяный боец Тальского полка, который изрубил саблей вещи, потолок комна-

ты и выгнал хозяев из дома. 24 октября в Минусинск прибыл, сопровождая арестованного, партизан Иконников. «Выхлопостав документ» и получив по нему ведро водки, он напился и направился в с. Знаменское, по дороге придираясь ко всем и угрожая расстрелом. Догнав субботинских крестьян, Иконников устроил им «смотр»: заставил распрячь лошадей и разъезжать на них по полю. У крестьянки он требовал пропуск и пытался её арестовать. Задержав жителя с. Верхний Суэтук, мобилизованного в партизанскую армию, дебошир избил его и отобрал деньги. При попытке задержания ещё одного крестьянина он был арестован тальскими партизанами (Соха и молот. 1919. 24, 30 октября).

20 ноября 1919 г. Армейский совет в очередной раз указал прекратить выдачу спиртного. Но данное решение было обусловлено не столько тем, что неумеренное потребление горячительного партизанами приводило к беспорядкам, сколько близким исчерпанием его запасов (Соха и молот. 1919. 26 ноября). К этому времени партизанское командование ревниво относилось к своей роли собственника и распорядителя казённого спиртного. Так, когда Объединённый совет для пополнения местного бюджета решил продать водку и спирт Минусинского и Уджейского заводов населению, то представители Армейского совета и Главного штаба на заседании, состоявшемся 28 ноября 1919 г., а затем и сам Кравченко на IX уездном крестьянском съезде (декабрь 1919 г.), напомнив о военном положении, в резкой форме опротестовали это решение гражданской власти (ГАНУ. Ф. 5а. Оп. 6. Д. 270а. Л. 160; Соха и молот. 1919. 21 декабря).

Покидая Минусинск, партизаны увезли с собой, якобы для нужд Красной армии, шесть-семь бочек спирта. Убедившись, что красноармейцы были обеспечены спиртом в избытке, партизанские снабженцы вернули его в Минусинск. Но одной бочки так и не досчитались (ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 717. Л. 17).

Оставшиеся в Минусинске тыловые части продолжали снабжаться спиртным вплоть до первых чисел февраля 1920 г. В результате местная жизнь была по-

Рис. 2. Винокурение у хакасов
Fig. 2. Moonshining in Khakasies

прежнему насыщена безобразиями. Так, 15 января на Соборной площади один из бойцов, будучи пьяным и изображая из себя командира, выкрикивал команды. Приехав в д. Оя Шушенской волости, партизаны попали на свадьбу, а, напившись и разъезжая по улице, устроили стрельбу. 4 февраля «загулял» и был арестован командир батальона Тальского полка Лаптев, скачущий на лошади по городским улицам с криками: «Порублю! Застрелю!». В тот же день командование полка организовало митинг бойцов, на котором они дали обязательство прекратить пьянство (Соха и молот. 1920. 25 января, 8 февраля).

Однако и подвергнутые демобилизации партизаны не сразу вернулись к обычному деревенскому существованию. Привычка жить в экстремальной обстановке и неудовлетворённость своим положением выливались в пьяные и бессмысленные поступки. Бесчинства пьяных партизан были отмечены, к примеру, в Ново-Никольской волости Канского уезда. В больнице с. Шало один из них, напившись, разбил большой флакон дефицитного йода. 22 февраля

1920 г. в пьяной возне командир эскадрона Анциферов сломал руку своему сослуживцу. В начале марта подобные бесчинства имели место в ряде деревень Ачинского уезда. Например, в д. Петровка пьяный партизан счёл возможным открыть стрельбу в чужой избе, а другой – оскорбил местного начальника милиции (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 9, 17).

Пришедшие к власти большевики также не отличались высокой нравственностью и сдержанностью в потреблении спиртного. Один из жителей Красноярска в июльском 1920 г. письме самарскому приятелю характеризовал положение в городе и нравы новых «властителей» так: «Прежнему комиссары пьянствуют, спекулянты спекулируют, а коммунисты живут барами: спят на пуховых перинах, в квартирах ковры, хрусталь и другие предметы роскоши. Это типы новой советской буржуазии» (ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 83. Л. 24). Среди лиц, отнесённых автором письма к данной категории, был назван и А.И. Окулов, человек известный как свои-

ми заслугами перед Советской властью, так и конфликтами на почве пьянства.

29 сентября 1920 г. члены президиума Енисейского губернского комитета РКП(б) на экстренном заседании осудили пьянство и грубую выходку Окулова по отношению к бывшему партизанскому главкому Кравченко. 3 октября партийный суд вынес ему строгий выговор (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 116). Но он вскоре оказался инициатором новой конфликтной ситуации. Отозванный Сиббюро ЦК РКП(б) с работы в Красноярске, Окулов 28 октября организовал прощальный ужин с танцами, цветами и выступлением капеллы политуправления, названный очевидцами «белогвардейским». Рассмотрев вопрос о «попойке» в штабе и оскорблении Окуловым товарища, партийная власть лишила его права в течение трёх лет занимать ответственные должности (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 117; ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 2229. Л. 68; Оп. 2. Д. 436. Л. 2–11).

Не менее подверженными пьянству оказывались и другие военные. Как правило, меры, которые предпринимали местные работники, чтобы ограничить их поведение, часто оказывались напрасными и выливались в конфликт между ветвями власти. Так, минусинские органы по постановлению Енисейского губернского комитета РКП(б) от 21 июля 1921 г. арестовали пьяную компанию высокопоставленных военных – комбрига Овчинникова, начштаба Кузнецова и бывшего городского коменданта Жарова. Но с поступлением жалобы от командования и после разбора данного дела в Сиббюро губерньские коммунисты 23 августа указали минусинским товарищам на излишнюю придирчивость к поведению данных лиц (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105. Л. 27, 29; Д. 113. Л. 93). Когда же на новогоднем маскараде в минусинском театре начальником уголовного розыска и уполномоченным ГПУ был обезоружен и арестован пьяный и дебоширивший комендант гарнизона, то военное начальство, угрожая применением вооруженной силы, добилось освобождения «оскорблённого красного героя». Состоявшееся 10 февраля 1923 г. закрытое заседание Минусинского уездного комитета РКП(б) постановило

считать задержание правильным, но предложило участникам конфликта наладить «товарищеские отношения» (ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 276. Л. 68–69).

Не отставали от военных в поклонении Бахусу и сотрудники правоохранительных органов. Так, за пьянство и злоупотребления служебным положением президиум губернского комитета РКП(б) 24 июля 1923 г. исключил из партии коммуниста с 1920 г. и начальника минусинского Дома лишения свободы Г.С. Керина, а коммуниста с 1918 г. и бывшего начальника этого же заведения В.П. Усова наказал выговором с занесением в личное дело и снятием на два года с руководящей работы (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 441. Л. 98). В январе 1925 г. группа агентов уголовного розыска и милиционеров, напившись, явилась в канский театр, где, угрожая арестами присутствовавшим, устроила дебош. Некоторые из них за кулисами приставали к приезжей балерине и избили её мужа (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 143. Л. 48). 14 мая 1928 г. начальник Ермаковского районного административного отдела Арбузов пьянствовал в Минусинске и, катаясь на казённых лошадях, разбился. Его подчинённый Домарев, будучи в нетрезвом состоянии, 8 июля стрелял в возчика, остановившегося у его дома. Меры по этому случаю не были приняты, и Домарев в следующий раз застрелил крестьянина (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 614. Л. 18).

В основе неумеренного потребления спиртного коммунистами лежало не только торжество «маленького» человека, дорвавшегося до власти и глумившегося над окружающими, но и смятение некоторых из них, в вине глушивших свой страх, растерянность и совесть. Масштабы пьянства таких лиц в деревне были значительными.

Как докладывал в 1922 г. в ЦК партии о результатах обследования Енисейской губернской партийной организации его ответственный инструктор П.И. Струппе, пьянством занимались не только жители, но и члены партии, особенно в уездах (Павлюченков, 1997. С. 137). Массовое пьянство отмечалось в январе 1923 г. в Канском уезде: самогонные аппараты имели даже ответственные работники-

коммунисты, а представители власти, командированные на места для борьбы с самогонварением, сами начинали пьянствовать (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 685. Л. 13). При проверке состояния и деятельности органов Советской власти в инородческих волостях, осуществленной в июле – августе 1923 г., обнаружилось, что председатели Аскизского и Синявинского волостных исполкомов увлекались выпивкой, а самоохрана развезжала по улусам и занималась пьянством (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 343. Л. 464). На Рождество 1925 г. председатель Корниловского сельсовета, напившись, разгуливал по селу, облачившись в женскую одежду. В с. Тильково такое же должностное лицо, будучи пьяным, проиграло денежные средства, собранные с населения в качестве налога (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 143. Л. 31).

Безобразиями отличались работники районного масштаба. Согласно доносу от 26 мая 1927 г., секретарь Тюхтетского райкома партии (Ачинский округ) Трушель создал целый гарем из прислуги и пьяный разгуливал по улицам райцентра в окруже-

нии девиц лёгкого поведения. На Пасху он устроил с парнями кулачный бой, а затем со сторожиками в избе-читальне – попойку. Начальник милиции не мог унять пьяного председателя райисполкома Биткова, который в одной рубашке с наганом носился по улицам, крича: «В бога мать, пристрелю!» (ГАКК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 327. Л. 28).

Такие руководители использовали командировки в деревню не только в деловых целях. 11 ноября 1923 г. на открытие ярмарки в с. Большая Мурта приехали заместитель председателя Красноярского уездного исполкома Просвирлин, член уездного комитета партии Назаров. Вечером они, пригласив председателя волысполкома и местных милиционеров к председателю сельсовета и известному самогонщику, устроили пьянку, возмутившую крестьян. В д. Таловку 19 августа 1927 г. приехал сотрудник Ачинского райисполкома, коммунист Н.М. Чуваков. Напившись самогона, он гулял в компании по улицам с гармошкой, стрелял из револьвера, чем вызвал недовольство жителей (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 118, 164).

Рис. 3. Облава на самогонщика, 1920-е гг.

Fig. 3. The raid on moonshiner, 1920s

Естественно, что возлияниями спиртного активно предавались и низовые коммунисты. Так, в 1926 г. проверкой было установлено наличие самогонного аппарата у секретаря Костинской коммунистической ячейки и распространение пьянства среди коммунистов Хакасского округа. В 1927 г. проверяющие обнаружили самогоноварение и пьянство в пяти ячейках Рождественского и Нижне-Ингашского районов (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 21. Л. 61; Д. 569. Л. 71).

Справедливости ради надо сказать, что Коммунистическая партия пыталась очистить свои ряды от подобных членов. С 1 октября 1926 г. по 1 августа 1927 г. в Минусинском округе привлекли к ответственности 50 коммунистов, в т. ч. 25 – за пьянство. В партийной ячейке с. Знаменского по этой причине исключили из партии 10 человек, или половину всех членов (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 544. Л. 32). Для рассмотрения в суд было направлено дело председателя сельсовета и коммуниста, который пьяным ночью стучался в дом вдовы, требуя открыть двери от имени власти. Войдя, он начал издеваться над беспомощной женщиной. 30 мая 1928 г. был исключён из партии кандидат ВКП(б) и председатель сельсовета д. Средняя Шушь, который гнал самогонку и избил беременную жену, разрешившуюся мёртвым ребёнком. В первомайские дни 1928 г. в Каратузском районе члены райисполкома, судья и секретари партийных ячеек, перепившись, устроили дебош и драку со стрельбой. По этому слу-

чаю был снят с работы председатель райисполкома, а прочим объявлен строгий выговор.

Но вскоре из партии стали вычищать совсем других лиц, а коммунисты, зависимые от алкоголя, случалось, становились руководителями создаваемых колхозов. 20 октября 1930 г. в краевой партийный орган поступило письмо члена сельхозартели «Путь Ленина» (с. Преображенское Идринского района), информировавшего о том, что колхозники взволнованы поведением своего руководства. В разгар хлебоуборочных работ оно по случаю отъезда товарища на учёбу в Новосибирский техникум организовало попойку. Партийная же ячейка ограничилась объявлением выговора её участникам-коммунистам (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 614. Л. 2, 8).

Напротив, для части сельских активистов было характерно стремление выполнить заготовительные задания любой ценой и даже с использованием спиртного. Так, член сельсовета Т. Васильева настаивала на том, чтобы крестьяне сдавали государству всё молоко, «до капли», а детей поили бы брагой. Она ходила по домам и следила, чтобы жители не оставляли этот продукт для семейного потребления. Беднота при этом вспоминала 1920 г., когда детей также заставляли пить брагу (ГАНУ. Ф. П.-3. Оп. 3. Д. 60. Л. 19).

Статья поступила 01.07.2016 г.

Article received 01.07.2016 г.

Библиографический список

Бугаев Д.А. На службе милицейской. Красноярск, 1993. Кн. 1. Ч. 1.

Валиев Г.Х. Социальные аномалии в повседневной жизнедеятельности населения Сибири в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.

Воля Сибири. 1918.

Годы огневые. Красноярск, 1962.

Голос народа. 1917.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 82.

ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105.

ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 113.

ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263.

ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 441.

ГАКК. Ф. 42. Оп. 5. Д. 531.

ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 143.

ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 343.

ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 143.

ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 685.

ГАКК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 327.

ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 544.

ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 614.

ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 692.

ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 8.

ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 641.

ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 642.

ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 717.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 2229.

ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 83.

ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 276.

ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 436.

ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 21.

ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 569.

ГАНО. Ф. П.-3. Оп. 3. Д. 60.

ГАНО. Ф. 5 а. Оп. 1. Д. 297.

ГАНО. Ф. 5 а. Оп. 6. Д. 270 а.

Замураев Я.С. Енисейские партизаны. Воспоминания участника партизанской армии П.Е. Щетинкина и А.Д. Кравченко. Новосибирск, 1970.

Звягин С.П. Сибирское земство и самогонование в 1918–1919 гг. // История крестьянства в России. Материалы XVI Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2000.

Знамя труда. 1918.

Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Петроград: Былое, 1923.

Красноярский рабочий. 1918.

Красноярский рабочий. 2003.

Крестьянское движение в 1917 году. М.- Л., 1927.

Кузнецов А.И. «Алкогольный вопрос» в сибирской деревне 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.

Кузнецов Д.Е. Борьба милиции Западной Сибири с самогонованием в 1925–1934 гг. // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2015. № 1 (50).

Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4.

Луков Е.В. К вопросу об отмене «сухого закона» на территории Белой Сибири // История Белой Сибири. Материалы 5-й

Междунар. науч. конф. 4–5 февраля 2003 года, Кемерово. Кемерово, 2003.

Николаев П.Ф. Советская милиция в Сибири (1917–1922). Омск, 1967.

Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 – май 1918 г.). Новосибирск, 1987.

Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.

Павлюченков С.А. Ильич в запое. О производстве и потреблении самогона в послереволюционные годы // Родина. 1997. № 11.

Партизанское движение в Сибири. Приенисейский край. Л., 1925. Т. I.

Петров П. Перовские партизаны (начало движения) // Сибирские огни. 1935. Кн. 1.

Попов Г.Н. Партизаны Заманья. Красноярск, 1974.

Рогозин. Партизаны Степного Баджя. М., 1926.

Рынков В. Водка казённая, самогон домашний // Родина. 2002. № 6.

Свободная Сибирь. 1918.

Свободная Сибирь. 1919.

Соха и молот. 1919.

Соха и молот. 1920.

Труд. 1916.

Труд. 1918.

Труд. 1919.

Шекшеев А.П. Власть и енисейское крестьянство: отношения на почве самогонования (1917 – начало 1930-х годов) // Вестник Красноярского государственного университета. 2006. № 3: Гуманитарные науки.

Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2 (49).

Яковенко В.Г. Записки партизана. Красноярск, 1988.

References

Banner of labor. 1918. (In Russian)
Bugaev D.A. *Na sluzbe militseiskoi* [Doing the militia service]. Krasnoyarsk, 1993. Book 1, vol. 1.

El'tsin V. *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri v period Kolchaka* [The Peasant movement in Siberia in the period of Kolchak]. *Proletar-*

skaya revolyutsiya [The proletarian revolution], 1926. No. 2 (49). (In Russian)

Free Siberia. 1918. (In Russian)

Free Siberia. 1919. (In Russian)

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 105. (In Russian)

- GAKK* [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 113. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 263. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 441. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 42. Op. 5. D. 531. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 59. Op. 1. D. 327. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 60. Op. 1. D. 544. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 60. Op. 1. D. 614. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 64. Op. 1. D. 692. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 64. Op. 11. D. 641. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 64. Op. 11. D. 642. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 64. Op. 11. D. 717. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 64. Op. 11. D. 8. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. R.-49. Op. 1. D. 143. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. R.-49. Op. 1. D. 343. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. R.-49. Op. 2 s. D. 143. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. R.-49. Op. 2 s. D. 685. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. 5 a. Op. 1. D. 297. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. 5 a. Op. 6. D. 270. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. P.-1. Op. 2. D. 276. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. P.-1. Op. 2. D. 436. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. P.-1. Op. 2. D. 83. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. P.-2. Op. 1. D. 21. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. P.-2. Op. 1. D. 569. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. P.-3. Op. 3. D. 60. (In Russian)
- Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia (GAKK)* [State archive of Krasnoyarsk Krai (SAKK)]. F. 1. Op. 1. D. 82. (In Russian)
- Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [State archive of Novosibirsk region (SANR)]. F. P-1. Op. 1. D. 2229. (In Russian)
- Kolosov E.E. *Sibir' pri Kolchake. Vospominaniya. Materialy. Dokumenty* [Siberia under Kolchak. Memories. Materials. Documents]. Ptng., 1923. (In Russian)
- Krasnoyarsk worker. 1918. (In Russian)
- Krasnoyarsk worker. 2003. (In Russian)
- Kuznetsov A.I. "Alkogol'nyi vopros" v sibirskoi derevne 1920-kh gg.: dis. ... kand. ist. nauk. "Alcohol question" in the Siberian village of the 1920s: candidate's thesis of historical Sciences. Novosibirsk, 2005. (In Russian)
- Kuznetsov D.E. *Bor'ba militsii Zapadnoi Sibiri s samogonovarenim v 1925–1934 gg.* [The Struggle of the police in Western Siberia brewing in 1925–1934]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. Gorno-Altaysk, 2015.No. 1 (50). (In Russian)
- Litvak K.B. *Samogonovarenie i potrebleniye alkogolya v rossiiskoi derevne 1920-kh godov* [Moonshining and alcohol consumption in the Russian village of the 1920-ies]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 1992. No. 4. (In Russian)
- Lukov E.V. *K voprosu ob otmene «sukhogo zakona» na territorii Beloi Sibiri* [To the question on cancellation "the dry law" on the territory of White Siberia]. *Istoriya Beloi Sibiri. Materialy 5-i Mezhdunar. nauch. konf., 4–5 fevralya 2003 goda, Kemerovo* [History of White Siberia. Materials 5-th Intern. scientific. Conf. 4–5 Feb. 2003, Kemerovo]. Kemerovo, 2003. (In Russian)
- Nikolaev P.F. *Sovetskaya militsiya v Sibiri (1917–1922)* [The Soviet police in Siberia (1917–1922)]. Omsk, 1967. (In Russian)
- Oktyabr' v Sibiri. Khronikasobytii (mart 1917 – mai 1918 g.)* [October in Siberia. Chronicle of events (March 1917 – November 1918)]. Novosibirsk, 1987. (In Russian)
- Partizanskoe dvizhenie v Sibiri. Prieniseiskii kraj* [The guerrilla movement in Siberia. Yenisei region]. Leningrad, 1925. Vol. 1. (In Russian)
- Pavlyuchenkov S.A. *Il'ich v zapoe. O proizvodstve i potreblenii samogona v poslerevol'yutsionnye gody* [Ilyich drunk. On the

production and consumption of moonshine in the years after the revolution]. *Rodina* [Homeland], 1997. No. 11. (In Russian)

Pavlyuchenkov S.A. *Veseliye Rusi: revolyutsiya i samogon* [Jolly Rus: revolution and the moonshine]. *Revolyutsiya i chelovek. Byt, nrvy, povedenie, moral'* [The revolution and the people. Life, customs, behavior, morals]. Moscow, 1997. (In Russian)

Petrov P. *Perovskie partizany (nachalo dvizheniya)* [Perov's partisans (initiation of motion)]. *Sibirskie ogni* [Siberian lights], 1935. Book 1. (In Russian)

Plow and hammer. 1919. (In Russian)

Plow and hammer. 1920. (In Russian)

Popov G.N. *Partizany Zaman'ya* [The Guerrillas Zamania]. Krasnoyarsk, 1974. (In Russian)

Rogozin. *Partizany Stepnogo Badzheya* [Partisans OfThe Steppe Badgea]. Moscow, 1926. (In Russian)

Rynkov V. *Vodka kazennaya, samogon domashnii* [Treasury Vodka, moonshine home]. *Rodina* [Homeland], 2002. No. 6. (In Russian)

Sheksheev A.P. *Vlast' i eniseiskoe krest'yanstvo: otnosheniya na pochve samogonovareniya (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [The Power of the Yenisei and the peasantry: the relations on the basis of brewing (1917 – the beginning of 1930-ies)]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta*

[Bulletin of Krasnoyarsk state University], 2006. No. 3. Humanities. (In Russian)

The peasant movement in 1917. Moscow-Leningrad, 1927. (In Russian)

The voice of the people. 1917. (In Russian)

Valiev G.H. Social anomalies in the daily life of the population of Siberia in the 1920-ies: candidate's thesis of historical Sciences. Novosibirsk, 2001. (In Russian)

Will Siberia. 1918. (In Russian)

Work. 1916. (In Russian)

Work. 1918. (In Russian)

Work. 1919. (In Russian)

Yakovenko V.G. *Zapiski partizana* [Notes of a partisan]. Krasnoyarsk, 1988. (In Russian)

Years of fire. Krasnoyarsk, 1962. (In Russian)

Zamuraev Ya.S. *Eniseiskie partizany. Vospominaniya uchastnika partizanskoi armii P.E. Shchetinkina i A.D. Kravchenko* [Yenisey guerrillas. Recollections of the guerrilla army E.P. Schetinkin and A.D. Kravchenko]. Novosibirsk, 1970. (In Russian)

Zvyagin S.P. *Sibirskoe zemstvo I samogonovarenie v 1918–1919 gg.* [Siberian Zemstvo and moonshine in 1918–1919]. *Istoriya krest'yanstva v Rossii. Materialy XVI Vserossiiskoi zaochnoi nauchnoi konferentsii* [The History of peasantry in Russia. The materials of the XVI All-Russian correspondence scientific conference]. St. Petersburg, 2000. (In Russian)

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, e-mail: Turan47@yandex.ru

Sheksheev Alexander Petrovich, candidate of historical Sciences, member of the Board of the Khakassian organization «Society Memorial», 49, 59, Shetinkina str., Abakan, Republic of Khakasia, 655017, Russia, e-mail: Turan47@yandex.ru

УДК 94 (571.1) «1936/1941»

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-135-142

ТЕХНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ АВТОМЕХТРАНСПОРТА РЕГИОНОВ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© Н.Д. Ростов

На основе широкого круга источников в статье анализируется техническое состояние автомехтранспорта в регионах Забайкальского военного округа (ЗабВО) накануне Великой Отечественной войны. Показываются объективные и субъективные факторы, оказавшие влияние на уровень мобилизационной готовности автомехтранспорта к поставке в Вооруженные силы в военное время.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Забайкальский военный округ (ЗабВО), автомехтранспорт, мобилизационная готовность.

Формат цитирования: Ростов Н.Д. Техническое состояние автомехтранспорта регионов Забайкальского военного округа накануне Великой Отечественной войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 135–142. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-135-142

TECHNICAL STATE OF AUTOMOBILE TRANSPORTS OF THE REGIONS OF TRANS-BAIKAL MILITARY DISTRICT EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

© N.D. Rostov

Based on the big amount of sources the paper gives analysis of the technical state of automobile transports in the regions of Trans-Baikal military district eve of the Great Patriotic War. There are shown some objective and subjective factors depended on the level of mobilization readiness of automobile transports to be used in the war.

Keywords: Great Patriotic War, Trans-Baikalian Military District, automobile transport, mobilization readiness

Citation format: Rostov N.D. Technical State of Automobile Transports of the Regions of Trans-Baikal Military District Eve of the Great Patriotic War. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. Pp. 135–142. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-135-142

В рассматриваемый период в состав Забайкальского военного округа (ЗабВО) входили Иркутская, Читинская области и Бурят-Монгольская АССР. Якутская АССР в состав округа была включена в соответствии с приказом Наркома обороны № 0444 от 26 ноября 1941 г. (Ростов, 2007. С. 7). В ходе индустриализации СССР одновременно с вводом в строй автомобильных и тракторных заводов начались массовые поставки автомехтранспорта в народное хозяйство страны. Это явилось решающим фактором ускорения социально-экономического развития страны. Насыщение народного

хозяйства автомобильной и тракторной техникой поставило на повестку дня задачу поддержания ее в мобилизационной готовности к поставке в Вооруженные силы в военное время. Требовалось повысить технический уровень автомехтранспорта. В приказе НКВД СССР от 3 апреля 1936 г. № 111 отмечалось, что «автомобильный транспорт в ряде хозяйств находится в безобразном состоянии, количество разбитых и ожидающих ремонта машин превышает количество ходовых машин. В значительной мере это объясняется тем, что в автохозяйствах руль автомашины доверяется «го-

ре-шоферам», не имеющим должной подготовки» (70 лет, 2007. С. 21).

Постановлением правительства СССР № 1182 от 3 июля 1936 г. на базе Центрального управления дорожного транспорта (Цудортранс) была создана Государственная автомобильная инспекция и утверждено «Положение о Государственной автомобильной инспекции Главного Управления Рабоче-Крестьянской Милиции Народного Комиссариата Внутренних Дел Союза ССР» (Соколов, 2006; 70 лет, 2007. С. 21). Задачи, возложенные на Государственную автомобильную инспекцию (ГАИ), были достаточно многообразны и ответственны. Это борьба с авариями и хищническим использованием автотранспорта; разработка технических норм и параметров его эксплуатации; наблюдение за подготовкой и воспитанием шоферских кадров, учет автопарка и ряд других. Одной из главных задач ГАИ являлось повышение уровня технического состояния автопарка. С этой целью 2 раза в год стали проводиться технические осмотры всех транспортных средств и ежегодное углубленное обследование автохозяйств. Результаты этих мероприятий представлялись для принятия решения партийным и государственным органам (70 лет, 2007. С. 23).

Для обеспечения Вооруженных сил, воинских формирований, органов и специальных формирований транспортными средствами в период мобилизации и в военное время в СССР была установлена военно-транспортная обязанность (ВТО). Она распространялась на союзные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов СССР, органы местного самоуправления, организации, в том числе на порты, пристани, аэропорты, нефтебазы, перевалочные базы горючего, АЗС, ремонтные организации и иные организации, обеспечивающие работу транспортных средств, а также на граждан – владельцев транспортных средств (Ростов, 2011. С. 54).

Местные государственные органы несли всю полноту ответственности за качество подготовки транспортных ресурсов для нужд обороны страны. На них возлагался учет транспортных ресурсов, тары, заправочного оборудования, проведение

мероприятий по увеличению и улучшению ресурсов автомехтранспорта и обеспечение его постоянной готовности к передаче в Красную Армию по мобилиционным нарядам, проведение контроля за наличием и качеством транспортных ресурсов, утверждение лимитов изъятия и нарядов на поставку автомехтранспорта из народного хозяйства. На автохозяйства возлагались обязанности по исправному содержанию, эксплуатации и уходу за машинами, обеспечение каждой машины комплектом запасных частей и соблюдение правил учета. Кроме того, на все организации, имеющие автомехтранспорт, возлагалась обязанность обеспечения поставки техники на сборные пункты в соответствии с планами мобилизации (Великая Отечественная, 1994. С. 156, 248).

В целях выполнения плана укомплектования Вооруженных сил в военное время органы Государственной автомобильной инспекции, местные органы военного управления совместно осуществляли учет автотранспорта, принадлежащего гражданским учреждениям, предприятиям и отдельным гражданам. Непосредственный учет автотранспорта возлагался на органы Госавтоинспекции. Учету подлежали все автомобили, в том числе тягачи, тракторы и прицепы к ним, а также мотоциклы, принадлежащие гражданским учреждениям, предприятиям и отдельным гражданам. Все учтенные автомобили распределялись по следующим признакам: а) по типам – на легковые, грузовые, тягачи, тракторы, автобусы, машины специального назначения и мотоциклы; б) по состоянию – на 1, 2 и 3 категории. С целью фактической проверки технического состояния и наличия автомехтранспорта ежегодно проводился его технический осмотр. Технический осмотр автомашин проводился районными подразделениями ГАИ. В зависимости от состояния автомашин, выявленного при техническом осмотре, производился их перевод из одной категории в другую (Настольная книга, 1932. С. 151–156).

Военные комиссариаты осуществляли учет, отбор и приписку автомехтранспорта к воинским частям в соответствии с мобилизационными планами, а также контроль

за поддержанием в технической готовности автомехтранспорта, предназначенного к поставке в Вооруженные силы в военное время. В местных органах военного управления разрабатывался ряд документов, в том числе расчетная часть по поставке автомехтранспорта и планы комплектования воинских частей автомехтранспортом, водительским составом, тарой под горючее и заправочным оборудованием. Каждый командир части, начальник штаба, учреждения, областной, краевой и районный военный комиссар, среди отрабатываемых мобилизационных документов разрабатывали план комплектования и порядок обеспечения автомехтранспортом развертываемых воинских частей и учреждений (Великая Отечественная, 1994. С. 148–156, 246–255).

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 июня 1939 г. был создан Наркомат автотранспорта (в регионах – управления), на который было возложено руководство и организация правильного использования грузового и пассажирского автотранспорта, организация его ремонта и обслуживания, подготовка кадров для автохозяйств. В Бурят-Монгольской АССР было сформировано Управление автомобильного транспорта при СНК Бурят-Монгольской АССР (НАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4135. Л. 207).

Становление Государственной автомобильной инспекции в регионах ЗаБВО значительно осложнялось недостаточной технической оснащённостью подразделений ГАИ, разбросанностью и удаленностью хозяйств от райцентров. В конце 1939 г. начальник отдела пожарной охраны Бурят-Монгольской АССР Водогреев докладывал председателю СНК республики С.М. Иванову: «Не получая авторезины в течение 1938 г. автопарк строевых, боевых машин г. Улан-Удэ и Кяхты накануне выхода из строя» (НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 4. Д. 223. Л. 358). В 1938 г. Госавтоинспекция Управления Рабоче-Крестьянской милиции (УРКМ) НКВД Бурят-Монгольской АССР средствами передвижения не обладала, следовательно, и обеспечить контроль за техническим состоянием автотранспорта республики не могла. В целях усиления контроля за работой автохозяйств, повы-

шения технического состояния автотранспорта и безаварийности начальник Госавтоинспекции республики Топорков в 1939 г. обратился к председателю правительства с просьбой о выделении двух легковых и одной грузовой автомашины (НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 4. Д. 223. Л. 330).

Тенденция к снижению уровня технического состояния автопарка в предвоенный период проявилась во всех регионах Восточной Сибири. Отсутствие поставок запасных частей для ремонта в 1940–1941 гг. усугубляло положение и, как результат, автомашины эксплуатировались до полного износа (ГААК. Ф. П-5155. Оп. 2. Д. 18. Л. 88 об.).

Накануне Великой Отечественной войны техническое состояние автомехтранспорта в народном хозяйстве республик, краев и областей ЗаБВО не отвечало требованиям мобилизационной готовности. 10 июня 1938 г. комиссия Госавтоинспекции Бурят-Монгольской АССР проверила автобазу СНК. В акте проверки отмечалось, что «Для поддержания автотранспорта в техническом состоянии автобаза имела мастерские, оборудованные станками: токарными, шлифовальными, для заливки подшипников. Несмотря на это, в ходе проверки выяснилось, что в ремонте и в ожидании ремонта находилось 38 % всех автомашин и 50 % грузовых. Из 74 машин автобазы прошло техосмотр 63 (11 в командировке). Из них ходовых – 39. В ремонте 7 и в ожидании ремонта 17. Водительский состав в основном низкой квалификации и, несмотря на имеющиеся возможности, его техническая учеба с целью повышения квалификации не организована. Вследствие неправильной обкатки новых машин и неправильной технической эксплуатации в дальнейшем машина ЗИС-5 № 31-39, имеющая пробег всего 5–6 тыс. км, уже поставлена в ремонт для подтяжки подшипников и смены поршневых колец. Ряд машин ГАЗ-АА с небольшим пробегом 4–7 тыс. км имеет шум в коробках передач и дифференциалах и находится в ремонте. Дефектные ведомости не составляются» (НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 4. Д. 223. Л. 244–246). В октябре 1940 г. в Бурятской конторе Союзагортранса из 150 машин автопарка 93 машины не рабо-

тали, находились в ремонте или были совершенно разбиты. Гаража, мастерских не было. Всё под открытым небом. Из 39 автомашин Селенгинского автоотряда на 24 мая 1940 г. в эксплуатации находились только 11. В ремонте 12, в ожидании ремонта – 9, без резины – 7. Из-за отсутствия необходимых запасных частей и деталей большая часть ремонта производилось за счет мобилизации внутренних ресурсов (НАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3776. Л. 11 об.; Ф. Р-248. Оп. 17. Д. 103. Л. 1).

Серьёзные недостатки в мобилизационной готовности автомехтранспорта, предназначенного в военный период для поставки в войска, вскрыли мобилизационные учебные сборы, прошедшие летом 1939 г. на территории Читинской, Иркутской областей и Бурят-Монгольской АССР. 24 февраля 1940 г. в письме председателя областных исполнительных комитетов, председателю СНК Бурят-Монгольской АССР и секретарям обкомов ВКП(б) командующий войсками ЗабВО комкор И.М. Ремезов и Член Военного совета дивизионный комиссар Д.А. Гапанович обратили внимание руководителей регионов на то, что «прошедшие военные сборы показали, что подготовка к мобилизации народного хозяйства в областях поставлена неудовлетворительно. Сбережение автотранспорта и его мобилизационная готовность внушает большие опасения. Состояние автотранспорта, уход, сбережение, обеспечение запчастями, поставлены очень плохо. Эксплуатационная служба не налажена. Владельцы машин за поставляемыми в Красную Армию машинами в период мобилизации не следят и не содержат их в полной боеготовности. Машины, поставляемые в Красную Армию, запасными частями не обеспечены» (ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 858. Л. 1, 2). «Прошу принять срочные меры к приведению транспорта в полную готовность для перевозки больных и раненых», – обращались 13 марта 1940 г. Ремезов и Гапанович к руководителям Читинской области по итогам проверки Санитарным отделом округа мобготовности городского автотранспорта города Читы для перевозки лежащих больных и раненых (ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 858. Л. 3).

Глубокая обеспокоенность техническим состоянием автопарка республики весной 1940 г. прозвучала и в письме председателя СНК Бурят-Монгольской АССР С.М. Иванова и секретаря обкома ВКП(б) С.Д. Игнатъева, направленном председателям райисполкомов и секретарям райкомов ВКП(б): «Автомобильный парк, находящийся в районах республики, из-за исключительно плохого технического состояния не справляется с перевозками, в особенности в период посевной и уборочной кампаний. Это происходит в результате бесхозяйственности со стороны председателей колхозов к строительству теплых гаражей, стоянок и организации профилактического ремонта... Основной у нас ремонт текущий и средний, которые могут быть выполнены опытными водителями, и которые оттягивают срок дорогостоящего капитального ремонта. Опыт стахановцев-шоферов показал, что при хорошем, бережном отношении к эксплуатации машины, она может сделать без капитального ремонта пробег 150–200 тыс. км. Со стороны райисполкомов совершенно отсутствует какой-либо контроль за выполнением постановлений Суженных заседаний исполкомов по вопросам автопарка в районе. Из-за чего ежегодный технический осмотр автоинспекторов ГАИ не достигает своей конечной цели: улучшение работы автопарка и искоренение фактов бесхозяйственности и хищнической его эксплуатации» – указывали руководители Республики (НАРБ. Ф. Р. 248. Оп. 2. Д. 89. Л. 144–144 об.).

В решении бюро Бурятского обкома ВКП(б) № 100 от 16 июля 1941 г. отмечалось: «Несмотря на некоторое улучшение состояние автопарка республики (количество машин 3 категории по сравнению с 1940 г. сократилось с 57 % до 51 %), автотранспорт республики находится в неудовлетворительном состоянии». Причинами такого положения бюро признало низкую техническую квалификацию шоферов, ремонтных рабочих, руководящих работников автохозяйств и отсутствие у последних заинтересованности, стремления и борьбы за технически правильную культуру эксплуатации автопарка. На 1 июля 1941 г. 43 % автомашин республики требовали

среднего и капитального ремонта (НАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3776. Л. 86).

Причинами низкого технического состояния автопарка Читинской области в июне 1941 г. также являлись: несвоевременность профилактического ремонта и неуделение должного внимания автотранспорту со стороны партийных и государственных органов (ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 942. Л. 11). Итоги полугодового технического осмотра автопарка Читинской области 1941 г. позволяют хорошо представить состояние автопарка.

Итоги полугодового технического осмотра автомехтраспорта области свидетельствовали: при общем росте числа автомашин, количество исправных машин уменьшилось по сравнению с 1 июня 1940 г. на 13,67 %. Кроме того, данные таблицы показывают уменьшение числа машин первой категории и увеличение числа машин третьей категории (ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 942. Л. 3). На ходу имелось только 4383 автомашины, что составляло 55,4 % автопарка. Из них технически исправными были 2482 – 31,3 %, 1901 требовали разного уровня ремонта: текущего – 1350 авто-

машин (17 %); среднего – 420 (5,3 %), капитального ремонта – 131 (1,8 %). Из 3531 автомашины (44,6 %), находящихся не на ходу, технически исправными, но не имеющими резины имелось 342 автомашины – 4,3 %; находилось в ремонте: текущем – 233 (2,9 %); среднем – 365 (4,6 %); капитальном – 333 (4,2 %). Находились в ожидании ремонта: текущего – 308 (4 %); среднего – 547 (6,9 %); капитального – 1403 (17,7 %) (ГАЗК. Ф. П-3. Оп.1. Д. 942. Л. 7, 11). Следует отметить, что на техническом состоянии автомехтраспорта негативно сказывались и природно-климатические условия. В Читинской области благоустроенными были только 10 % дорог. Остальные 90 % представляли собой «естественные» дороги.

В Якутской АССР негативное влияние на техническое состояние автопарка оказывали продолжительные и морозные зимы, значительные расстояния между населенными пунктами и тяжелые дорожные условия. Перевозка грузов осуществлялась на большие расстояния 200 – 600 – 1200 км. Большую часть года 7–8 месяцев автомехтраспорт эксплуатировался в условиях суровой зимы с очень низкой температурой 50–55° мороза, что значительно ускоряло износ авторезины и агрегатов (НАРС(Я). Ф. 52. Оп. 19. Д. 296. Л. 210).

Проверки мобилизационной готовности, проводимые партийными, государственными и военными органами накануне войны, отмечали отсутствие в техническом состоянии автопарка положительных изменений. 30 марта 1941 г. городской военный комиссариат г. Читы совместно с городским комитетом ВКП(б) провел большую мобилизационную игру. Проведенное мероприятие вскрыло серьезные недостатки в вопросах мобилизационной работы. На сборно-сдаточный пункт автотранспорта согласно наряду вызывалось 55 автомашин. Из 44 автомашин, предназначенных к поставке к 8 часам утра, была поставлена только одна. Всего же неявка составила 32 автомашины, что составляло 58,2 %. Из явившихся автомашин комиссией было принято только 17. Проведенная игра показала неготовность хозяйственных органи-

Таблица 1
Table 1

Техническое состояние автопарка Читинской области на 1 июля 1941 г. (включая 2830 автомашин НКО, НКВД и НК ВМФ)
Technical State of the automobile park of Chita Oblast' on July, 1, 1941 (including 2830 cars of NKO, NKVD and NK VMF)

Категория автомашин Category of vehicles	На 1 июля 1940 г. On July, 1, 1940	% Per-cent	На 1 июля 1941 г. On July, 1, 1941	% Per-cent
1 категория 1 category	3051	30,3	2606	23,4
2 категория 2 category	3031	30,1	3104	28
3 категория 3 category	3977	39,6	5410	48,6
Всего Total	10059		11120	

заций города к проведению мобилизации. Причинами явилась безответственность ряда организаций к выполнению наряда. Кроме того, приписанный автотранспорт по некоторым предприятиям не соответствовал реальной действительности по качеству (Ростов, 2005. С. 271).

При выполнении Директивы Военного совета ЗаБВО № 19504/2 от 26 марта 1941 г. «О поставке материальной части из народного хозяйства», 17-й отдельный автотранспортный полк в г. Иркутске начал приемку автомашин, поставляемых райвоенкоматами (РВК) области. Из 16 автомашин, прибывших из Аларского РВК, было забраковано 8, из 37 машин Нижне-Удинского РВК – 8, из 89 машин Тайшетского РВК – 19. При браковке во внимание не принимались такие крупные дефекты, как отсутствие сменной арматуры, стартера, компрессора и т. д. (ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 564. Л. 110). Серьезные недостатки в техническом состоянии автотранспорта выявила и мобилизационная игра, проведенная Якутским объединенным райвоенкоматом 21 июня 1941 г. Автосдаточный пункт работал хорошо. Принимал все меры к полному выполнению наряда, вплоть до выезда в автохозяйства и возврату по несколько раз машин для дооборудования. Однако поставка автотранспорта вследствие его низкого технического состояния по существу была сорвана. Из 61 подлежащей поставке автомашины 29 оказались негодными, из 50 автомашин, подлежащих принятию в Красную Армию, было принято только 33 (НАРС(Я)). Ф. 4. Оп. 14. Д. 24. Л. 160).

Накануне Великой Отечественной войны в основу разработанного мобилизационного плана 1941 г. регионов СССР был положен лимит изъятия автомехтранспорта из народного хозяйства. Лимиты изъятия и наряды на поставку автомехтранспорта в Вооруженные силы разрабатывались и утверждались местными государственными органами на основе заявок военных комиссариатов (Великая Отечественная, 1994. С. 248). Лимит изъятия мехтранспорта по республикам, краям и областям был установлен Постановлением Комитета Оборона при СНК СССР № 370сс от 28 августа

1940 г. На заседаниях президиумов СНК республик, областных и краевых исполнительных комитетов он был утвержден. Председателям горисполкомов и районных советов дано право распределить лимит изъятия между хозяйствами с учетом народно-хозяйственного значения отдельных предприятий (НАРС(Я). Ф. 52. Оп. 33. Д. 31. Л. 4).

15 октября 1940 г. Суженное заседание Президиума СНК Якутской АССР рассмотрело и утвердило лимит изъятия мехтранспорта из народного хозяйства республики по районам. На заседании были приняты важные решения, направленные на повышение персональной ответственности руководителей за подготовку и техническое состояние предназначенного к поставке в Красную Армию автомехтранспорта. Президиум СНК Якутской АССР обязал руководителя автохозяйства г. Якутска Устинова и управляющего Главного управления топливной и автомобильной промышленности Матюшева предусмотреть завоз запасных частей и комплектов инструментов для обеспечения в первую очередь автома-

Таблица 2
Table 2

Лимит изъятия автомехтранспорта Якутской АССР в особый период (Ростов, 2009, С. 73)
Limit of withdrawal of automobile transport in Yakutskaya ASSR in the special period (Rostov, 2009, P. 73)

Автомех- транспорт Vehicle	Состоит на учете It is registered	Подлежит изъятию Be withdrawn	% Per- cent
Автомшины: легковые М-1 vehicles: cars M-1	458	50	10,91
Грузовые, специальные cars freight, special	1057	360	34,06
Трактора гусеничные crawler tractors	510	50	9,8

шин, подлежащих поставке в мобилизационный период (Ростов, 2011, С. 58).

Архивные документы убедительно свидетельствуют, что вследствие высокого процента выбытия автомехтранспорта по техническим причинам лимит его изъятия, установленный мобилизационными планами, оказался велик для всех сибирских регионов. Так, на 1 сентября 1940 г. при составлении мобилизационного плана МП-41 Читинская область имела 7188 грузовых и 960 легковых автомашин. Установленный мобпланом лимит изъятия техники: грузовых – 4813 и легковых – 747 автомашин. За период составления лимита изъятия и утверждения его СНК СССР к началу Великой Отечественной войны автопарк области претерпел серьезные изменения. Число грузовых машин уменьшилось на 982, с 7188 до 6206. Число легковых машин возросло на 197, с 960 до 1157 (ГАЗК. Ф. П-6307. Оп. 27. Д. 10.

Л. 93). Полученный областью с началом войны наряд на поставку техники, объективно намного превысил утверждённый лимит её изъятия. Аналогичным было положение во всех восточно-сибирских регионах.

Таким образом, накануне Великой Отечественной войны техническое состояние автомехтранспорта регионов Забайкальского военного округа было низким и не отвечало требованиям мобилизационной готовности. Основными причинами этого явились: низкая квалификация водительского состава, тяжелые природно-климатические условия, слабо развитая дорожная сеть и безответственное отношение ряда руководителей автохозяйств к повышению технической готовности транспортных средств.

Статья поступила 21.07.2016 г.

Article received 21.07.2016 г.

Библиографический список

70 лет ГАИ-ГИБДД Алтайского края 1936–2006. Барнаул: Типография «Корвус», 2006. С. 21, 23.

Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1937 – 21 июня 1941 гг.). М.: Терра, 1994. Т. 13 (2–1).

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-5155. Оп. 2. Д. 18.

Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 858.

ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 942.

ГАЗК. Ф. П-6307. Оп. 27. Д. 10.

Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 564.

Настольная книга по военной работе райисполкомов. М.: IX Управление штаба РККА, 1932. С. 151, 154, 156.

Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3776.

НАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4135.

НАРБ. Ф. Р. 248. Оп. 2. Д. 89.

НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 4. Д. 223.

НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 17. Д. 103.

Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 4. Оп. 14. Д. 24.

НАРС(Я). Ф. 52. Оп. 19. Д. 296.

НАРС(Я). Ф. 52. Оп. 33. Д. 31.

Ростов Н.Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны / Алт. гос. тех. ун-т им. И.И. Ползунова. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. 516 с.

Ростов Н.Д. Мобилизация транспортных ресурсов Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Алт. гос. тех. ун-т им. И.И. Ползунова. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. 191 с.

Ростов Н.Д. Мобилизация транспортных ресурсов Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Ползуновский вестник. 2005. № 3, 4. С. 271–282.

Ростов Н.Д. Подготовка резервов для фронта в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (на материалах Сибирского военного округа и Забайкальского фронта): дис... д-ра. ист. наук. Кемерово, 2009. 716 с.

Советская военная энциклопедия : в 8 т. Т. 3. М.: Воениздат, 1977. С. 356.

Соколов А. Ровесник ГАИ // Алтайская правда. 2006. 10 июня.

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 57. Оп. 12305. Д. 85.

References

- 70 let GAI-GIBDD Altaiskogo kraya 1936–2006 [70 years of 'GAI-GIBDD' of Altai Krai]. Barnaul, Korvus Publ., 2006. Pp. 21, 23.
- GAZK [SA T-BK]. F. P-3. Op. 1. D. 942.
- GAZK [SA T-BK]. F. P-6307. Op. 27. D. 10.
- Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya (GAAK) [State Archive of the Altai Krai (SAAK)]. F. P-5155. Op. 2. D. 18.
- Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Irkutskoi oblasti (GANIO) [State Archive of the Irkutsk Oblast' (SAIO)]. F. 127. Op. 1. D. 564.
- Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraya (GAZK) [State Archive of the Transbaikalian Krai (SA T-BK)]. F. P-3. Op. 1. D. 858.
- NARB [NARB]. F. P-1. Op. 1. D. 4135.
- NARB [NARB]. F. R. 248. Op. 2. D. 89.
- NARB [NARB]. F. R-248. Op. 17. D. 103.
- NARB [NARB]. F. R-248. Op. 4. D. 223.
- NARS(Ya) [NARS(Ya)]. F. 52. Op. 19. D. 296.
- NARS(Ya) [NARS(Ya)]. F. 52. Op. 33. D. 31.
- Nastol'naya kniga po voennoi rabote raiispolkomov [Handbook for military work 'rayspolkoms']. Moscow, IX Upravlenie shtaba RKKK, 1932. Pp. 151, 154, 156.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Buryatiya (NARB) [National Archive of the Republic Buryatia (NARB)]. F. P-1. Op. 1. D. 3776.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NARS(Ya)) [National Archive of the Republic Sakha (Yakutia) NARS(Ya)]. F. 4. Op. 14. D. 24.
- Rostov N.D. *Idem my v reshitel'nyi boi... Podgotovka rezervov dlya fronta v Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [We go into the decisive battle... Preparation of reserve in Siberia for the front during the Great Patriotic War]. *Alt. gos. tekhn. un-tim. I.I. Polzunova* [Alt. State Tech. Un. Named for I.I. Polzunov]. Barnaul, AltGTU Publ., 2007. 516 p.
- Rostov N.D. *Mobilizatsiya transportnykh resursov Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Mobilization of transport resources of Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Alt. gos. tekhn. un-tim. I.I. Polzunova*. Barnaul, AltGTU Publ., 2011. 191 p.
- Rostov N.D. *Mobilizatsiya transportnykh resursov Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Mobilization of transport resources of Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Polzunovskii vestnik*. 2005. № 3, 4. S. 271–282.
- Rostov N.D. *Podgotovka rezervov dlya fronta v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945 gg. (na materialakh Sibirskogo voennogo okruga i Zabaikal'skogo fronta): dis... d-ra. ist. nauk* [Preparation of reserve for the front during the Great Patriotic War, 1941–1945 (based on the data of Siberian Military District and Transbaikalian Front): Dissertation of the doctor of historical sciences]. Kemerovo, 2009. 716 p.
- Sokolov A. *Rovesnik GAI* [Coevals of 'GAI']. *Altaiskaya Pravda* [Altai truth]. 2006. 10 June.
- Sovetskaya voennaya entsiklopediya [Soviet Military encyclopedia], in 8 vol. Vol. 3. Moscow, Voenizdat Publ., 1977. P. 356.
- Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony RF (TsAMO RF) [Central Archive of the Military Ministry of RF (CMM RF)]. F. 57. Op. 12305. D. 85.
- Velikaya Otechestvennaya: Prikazy Narodnogo komissara oborony SSSR (1937 – 21 June 1941 gg.)* [Orders of People's Commissar for Defense (1937 – 21 June 1941 gg.)]. Moscow, Terra Publ., 1994. Vol. 13 (2–1).

Сведения об авторе

Ростов Николай Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 656038, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 46, e-mail: ndrostov@mail.ru

Rostov Nikolai Dmitrievich, the doctor of historical sciences, professor, the Altai state technical university of I.I. Polzunov, 46, Lenin str., Barnaul, Altai region, 656038, Russia, e-mail: ndrostov@mail.ru

УДК 327 (4)

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-143-145

**ИНТЕРЕСНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ИЗБРАННЫХ РАБОТ
ВАСИЛИЯ ШУЛЬГИНА***

© А.С. Пученков

Формат цитирования: Пученков А.С. Интересная публикация избранных работ Василия Шульгина // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 143–145. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-143-145

**INTERESTING PUBLICATION OF THE SELECTED WORKS
OF VASILII SHUL'GIN**

© A.S. Puchenkov

Citation format: Puchenkov A.S. Interesting Publication of the Selected Works of Vasilii Shul'gin. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. Pp. 143–145. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-143-145

Последние десятилетия жизнь выдающегося политика и публициста В.В. Шульгина неизменно привлекает внимание читающей и пишущей публики. Объяснений этому можно найти немало; основное же, конечно, заключается в том, что жизнь Шульгина по своей, если так можно выразиться, трагической занимательности во многом является фотографией минувшего XX века.

Помимо хорошо известных фактов биографии Василия Витальевича (работа в Государственной Думе, дело М. Бейлиса, принятие отречения у Николая II, признанный идеолог Белого дела, эмиграция, операция «Трест», Владимирский централ, присутствие на XXII съезде КПСС и т. д.), Шульгин неизменно интересен благодаря своему поистине неисчерпаемому публицистическому наследию, которое неотделимо от всей его деятельности. Для Шульгина фиксация своих мыслей и переживаний на

бумаге, несомненно, была потребностью; при этом его специфическая графомания с возрастом никуда не исчезала, породив тем самым небывалое количество статей, дневниковых записей, воспоминаний. Интересно то, что к целому ряду «знаковых» событий своей жизни Шульгин возвращался многократно – все то же отречение Николая II, дело Бейлиса, участие в Белом движении и многое-многое другое. Отметим, что сила художественного таланта и аналитики Шульгина была такова, что, не меняя фактическую основу рассказа, каждый пересказ политиком тех или иных событий звучал по-разному, играя новыми красками и дополнительными психологическими нюансами. Поэтому перед нами уникальный автор – активнейший участник политической жизни, блестящий журналист, рассказчик, психолог, сочинения которого отличаются доброжелательным юмором, самоиронией и тщательно выстроенной драматургией каждого, даже небольшого по объему, текста; вместе с тем Шульгин даже на закате дней был не диккенсовский добродушный и чудаковатый Пиквик, а глубокий и прозорливый интеллектуал, пытавшийся постичь непостижимые законы Истории. Ценность и исключительную акту-

* Рецензия на книгу: Шульгин В.В. Россия, Украина, Европа: избранные работы / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.В. Репников. М.: Содружество «Посев», 2015. 416 с.

Book review: Shul'gin V.V. Russia, Ukraine, Europe: selected works / compiler, author of the introductory article and comments A.V. Repnikov. M.: Community "Posev", 2015. 416 p.

альность наследия Шульгина в *текущей* политике трудно переоценить. «Среди интересующихся новейшей историей России едва ли можно найти человека, не знающего имени Василия Витальевича Шульгина. Сочетание патриотизма, интеллектуальной честности, рыцарственной готовности к диалогу, литературного таланта и удивительной жизненной силы всегда будут привлекать к этому политику-публицисту внимание читателя, ищущего ответы на «проклятые русские вопросы». Отличительной чертой шульгинского национализма было стремление объединить три важнейших компонента русской истории и идентичности: имперский Петербург, славянофильскую Москву и национальный русский («булгаковский», как сказали бы последующие поколения) Киев», – пишет о Шульгине замечательный петербургский историк А.Э. Котов¹. Думается, что после приведенной выше цитаты вопрос об актуальности наследия Василия Шульгина отпадает сам собой.

Вместе с тем необходимо сказать, что подавляющее большинство шульгинских текстов, равно как и текстов большинства авторов «буржуазного» толка, вплоть до последнего времени оставались неизвестными широкому кругу читателей, будучи знакомыми лишь узкому кругу специалистов по проблематике. Между тем Шульгин – не только автор знаменитых «Дней», «Трех столиц», «Что НАМ в НИХ не нравится», «1920 года», но и сотен передовых статей в «Киевлянине», затрагивающих широчайший круг вопросов текущей российской политики 1905–1919 годов; многих и многих статей в газетах «Россия» – екатеринодарской и одесской, выходивших на Белом Юге; (В годы Гражданской войны Шульгин, по его словам, «издавал бесчисленное количество газет в несчетных городах»², но именно «Киевлянин» навсегда

стал визитной карточкой Василия Витальевича); десятков статей в эмигрантских газетах – белградском «Новом времени», парижской «Русской газете», константинопольской «Зарнице», парижском «Возрождении»; огромный корпус не опубликованных до сего момента рукописей Шульгина отложился в фондах ГАРФ, РГАЛИ и многих других архивах. Подчеркнем, что задачей выявления и сведения этих работ Шульгина в одно *книжное*, т. е. доступное обычному читателю, издание до сего момента не занимался никто, тем более ценным, в этой связи, выглядит опубликование в 2015 году *избранных работ* В.В. Шульгина под общим названием «Россия, Украина, Европа». В книгу вошли наиболее известные выступления Шульгина в стенах Государственной Думы, наиболее острые его заметки на страницах «Киевлянина», относящиеся к судьбоносному 1917 году; некоторые из его брошюр времен Гражданской войны. Особый интерес представляют его фантастические утопии, опубликованные в эмиграции и прежде практически не служившие предметом серьезного научного анализа. Несомненно, что в неразрывной органической связи с публикуемыми на страницах книги работами Шульгина находится и интересное и талантливое авторское предисловие известного специалиста по истории русского консерватизма доктора исторических наук А.В. Репникова, в течение многих лет увлеченно работающего над проблематикой «шульгинианы»³³. Им

20 апреля. [1st Meeting of the Russian Council. Speech of V.V. Shul'gin // Common cause. 1920. April, 20].

³ См.: Гребенкин И.Н., Репников А.В. Василий Витальевич Шульгин // Вопросы истории. 2010. 5. С. 25–40 [Gribenkin I.N., Repnikov A.V. Vasilii Vital'evich Shul'gin // Questions of history. 2010. 5. P. 25–40]; Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. М., 2010 [Prison Odyssey of Vasilii Shul'gin: Materials of the investigation file and file of prisoner / compiling and introduction article written by V.G. Makarov, A.V. Repnikov, V.S. Khristoforov; comments of V.G. Makarov, A.V. Repnikov. M. 2010]; Репников А.В. Василий Шульгин: жизнь как легенда // Практический журнал для учителя и администрации школы. 2012. № 1. С. 30–41 [Repnikov A.V.

¹ Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов / науч. ред. С.К. Лебедев. СПб., 2016. С. 346. [“Tsar's path” of Michail Katkov: Ideology of burocrat nacionalism in political publicism in 1860–1890 / scient.ed. S.K. Lebedev]

² Первое заседание Русского Совета. Речь В.В. Шульгина // Общее дело. Париж. 1921.

же подготовлены и обстоятельные научные комментарии к публикуемым текстам.

Безусловно, хотя это можно было скорее назвать «капризом гурмана» или маниловскими мечтаниями, хотелось бы увидеть когда-нибудь на прилавках книжных магазинов полное собрание трудов Шульгина как ведущего автора «Киевлянина», если не за весь период его работы в «наследственной», как он выражался, газете, то по крайней мере за 1917–1919 гг. Приятно, что рецензируемая книга *избранных* статей, выступлений и брошюр Шульгина знакомит автора с самыми, пожалуй, известными результатами его публицистического творчества, сведенными в единую книгу. К тому

Vasilii Sul'gin: life as a legend // Practice magazine for the teacher and administration of school. 2012. No. 1. P. 30–41]; Репников А. Бесстрашие. Петр Столыпин глазами Василия Шульгина // Родина. 2012. № 4. С. 29–31 [Repnikov A. Fearlessness. Pyotr Stolypin by the eyes of Vasilii Shul'gin // Homeland. 2012. No. 4. P. 29–31]; Репников А.В. Долгая жизнь Василия Шульгина // PrzeglądWschodnioeuropejski. 2013. № 4. С. 135–168. [Repnikov A. Long life of Vasilii Shul'gin // PrzeglądWschodnioeuropejski. 2013. No. 4. P. 135–168.

же, положив руку на сердце, надо признать, что, подобно любому «человеку-оркестру» предреволюционной России, державшему «свою» газету (вспомним того же Милюкова), Шульгин писал чересчур много; немало его статей смело (думаю, что автора этих строк невозможно упрекнуть в отсутствии симпатий к Василию Витальевичу) можно назвать статьями-однодневками, затрагивавшими исключительно текущие вопросы *киевской городской жизни*. Понятное дело, что многие из подобных статей не смогли бы вызвать особого интереса у современного читателя; в этой связи нельзя не порадоваться продуманной подборке публикуемых в рецензируемой книге текстов. Представляется, что «Россия, Украина, Европа» могут вызвать интерес не только у специалистов, но и у самого широкого круга читателей. Хочется верить, что готовящаяся в настоящее время А.В. Репниковым к печати вторая книга *избранных трудов В.В. Шульгина* также будет востребована на книжном рынке нашей страны.

Статья поступила 19.08.2016 г.

Article received 19.08.2016 г.

Сведения об авторе

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, доцент Института истории, Санкт-Петербургского государственного университета. 193060, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, тел.: 8 (812) 3241270 (6401), e-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

Puchenkov Alexandr Sergeevich, doctor of historical sciences, associate-professor of the Institute of History, Saint Petersburg State University, 5, Mendeleevskaya line, Saint Petersburg, 193060, Russia, tel.: 8 (812) 3241270 (6401), e-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

I. Статья представляется в электронном и в распечатанном виде. Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы.

К статье прилагаются:

1. Экспертное заключение.
2. Название рубрики, в которой должна быть размещена Ваша статья; УДК; название статьи; реферат (аннотация), количество знаков в реферате – не менее 500; ключевые слова (4–5); сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; звание и должность; название учреждения, его адрес; контактный телефон и e-mail (вся информация предоставляется одним файлом).
3. Статья должна иметь личную подпись автора или авторов.

II. Текст статьи, сведения об авторах, реферат, ключевые слова, адрес учреждения, контактный телефон и E-mail должны быть также представлены в электронном варианте в виде файла с расширением *.DOC – документа, построенного средствами Microsoft Word 97 или последующих версий, и распечаткой на стандартных листах формата А4.

При наборе статьи в Microsoft Word рекомендуются следующие установки:

- 1) параметры страницы и абзаца: отступы сверху и снизу – 2 см; слева и справа – 2 см; табуляция – 2 см; ориентация – книжная;
- 2) шрифт – Times New Roman, размер – 14, межстрочный интервал – одинарный, перенос слов – автоматический;
- 3) при вставке формул использовать Microsoft Equation 3 при установках: элементы формулы выполняются курсивом; для греческих букв и символов назначать шрифт Symbol, для остальных элементов – Times New Roman. Размер символов: обычный – 12 пт, крупный индекс – 7 пт, мелкий индекс – 5 пт, крупный символ – 18 пт, мелкий символ – 12 пт. Все экспликации элементов формул необходимо также выполнять в виде формул;
- 4) рисунки представляются в электронном варианте в виде отдельных файлов с названиями p1, p2 и т. д. и должны иметь разрешение не менее 300 dpi, B&W – для черно-белых иллюстраций, Grayscale – для полутонов, с расширением *.BMP, *.TIFF, *.JPG и распечаткой на стандартных листах формата А4. Схемы, графики выполняются во встроенной программе MS Word или в MS Excel, с приложением файлов (представляемые иллюстрации должны быть четкими и ясными);
- 5) библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы. По окончании статьи помещается библиографический список в алфавитном порядке. Обязательно указание общего числа страниц издания или страничного интервала статей.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 3 (20) 2016

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Выход в свет 30.09.16. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 19.
Тираж 500 экз. Заказ 233. Поз. плана бн.

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83